

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ **№1 (115)**

МОСКВА 2018

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук
и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2018. № 1. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.ф.н., проф. А.Л. Андреев; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан); д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); член-корр. НАУ А.А. Гриценко;
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф.
В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В.М. Юрьев (Тамбов); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, А.А. Антропов, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына,
О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов
и изданий по экономическим, философским и социологическим наукам**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2018

Содержание

Двадцатый! (Главный редактор)	7
Часть I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Софиасофские тетради (тетрадь восьмая)	11
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
О чем безмолвствует современная Россия?	37
<i>О.В. Доброчеев</i>	
Народодинамика, или Основы натуральной философии хозяйства	56
<i>Ю.В. Яковец</i>	
Новое видение теории и истории будущего цивилизации в России	82
<i>А.А. Одинцова</i>	
От неэкономического сознания к нооэкономическому сознанию: категориальный дискурс философии хозяйства.....	102
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Философия хозяйства германского протестантизма.....	118
Часть II. Проблемы цифровой экономики	
<i>Г.Б. Клейнер</i>	
Системные основы цифровой экономики.....	131
<i>Г.А. Логинов</i>	
Блокчейн, ризома, шизоанализ: виртуализация эффективности	143
<i>Т.М. Хусяинов</i>	
Проблема (не)единства прав и обязанностей работников в контексте дестандартизации рынка труда и распространения интернет-занятости	148
<i>Л.Ю. Андреева, Н.А. Курьянов</i>	
Технологии корпоративного кредитования в условиях развития цифровой экономики: компетентностный подход	156
Часть III. Экономическая теория	
<i>К.В. Молчанов</i>	
Принципиально новая сфера социально-экономических исследований и ее актуальные положения.....	169

<i>А.В. Ямушкин</i>	
Закон возвышения потребностей и фундаментальное познание.....	180
<i>А.А. Гусейнова</i>	
Особенности инновационного развития современной экономики	187
<i>В.П. Кожевников</i>	
Структурный кризис российского капитализма.....	194
Часть IV. Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Рассеянное существование как проблема современной России.....	213
<i>В.А. Кутырёв</i>	
Они идут... встречайте! (об антропологической инволюции техногенной цивилизации).....	218
<i>А.В. Журавлева</i>	
Эсхатологическая этика как феномен русской философской культуры	226
Часть V. Актуальный менеджмент	
<i>А.Ю. Бухарина</i>	
Использование женской модели управления в персональной и корпоративной практике.....	241
<i>А.И. Разумовский</i>	
Управление: понимание, объяснение	254
Часть VI. Рецензии и отклики	
Биение мысли в вопросах и ответах: к Ю.М. Осипову и от Ю.М. Осипова	267
<i>А.А. Козлачков</i>	
Мир Иной как планетарный субъект права	272
Часть VII. Научная жизнь	
<i>Е.С. Зотова</i>	
«Cognito и Incognito в познании»: круглый стол в Московском университете.....	288
Анонсы.....	293
Наши авторы	298

Contents

Twenty's! (<i>Chief Editor</i>).....	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Sophiasophia Notebooks: (Eight Notebook).....	11
<i>N.B. Shulevski</i>	
What does Modern Russia Keep Silence about?.....	37
<i>O.V. Dobrocheev</i>	
Folk Dynamics, or Basis of Natural Philosophy of Economy	56
<i>Yu.V. Yakovetz</i>	
New Vision of Theory and History of the Future of Russian Civilization	82
<i>A.A. Odintsova</i>	
From Neoeconomic Consciousness to Nooeconomic Consciousness: the Categorical Discourse of the Philosophy of Economy	102
<i>R.E. Sokolov</i>	
Philosophy of Economy in German Protestantism	118
Part II. Problems of Digital Economy	
<i>G.B. Kleiner</i>	
System Basis of Digital Economy.....	131
<i>G.A. Loginov</i>	
Blockchain, Rhizome, Schizoanalysis: Virtualization of Efficiency	143
<i>T.M. Khusiyainov</i>	
The Problem of the (Not-)unity of the Rights and Duties of Workers in the Context of the de-Standardization of the Labor Market and the Spread of E-work	148
<i>L.Yu. Andreeva, N.A. Kuriyanov</i>	
Corporate Lending Procedures in the Context of the Digital Economy Development: Competency-Based Approach.....	156
Part III. Economic Theory	
<i>K.V. Molchanov</i>	
The Problem of the Impossibility of the Definition of Economy in the Existing Economic Science.....	169

<i>A.V. Yamushkin</i>	
The Law of Increasing Needs and Fundamental Knowledge.....	180
<i>A.A. Guseynova</i>	
Features of Innovative Development of Modern Economics.....	187
<i>V.P. Kozhevnikov</i>	
The Structural Crisis of Russian Capitalism	194
Part IV. Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i>	
Scattered Existence as Problem of Modern Russia	213
<i>V.A. Kutryov</i>	
They are Coming... Meet! (on Anthropological Involution of Technogenic Civilization)	218
<i>A.V. Zhuravlyova</i>	
The Eschatological Ethics as a Phenomenon of Russian Philosophical Culture	226
Part V. Actual Management	
<i>A.Yu. Bukharina</i>	
Women's Management Model in Personal and Corporate Practice	241
<i>A.I. Razumovski</i>	
Management: Understanding, Explanation	254
Part VI. Reviews and Responses	
The Pulse of Thought in the Questions and Answers: by Y.M. Osipov and Yu.M. Osipov	267
<i>A.A. Kozlachkov</i>	
The Other World as a Planetary Subject of Law	272
Part VII. Scientific Life	
<i>E.S. Zotova</i>	
«Cognito and Incognito in Perception»: a Round-Table Discussion at the Moscow State University	288
Announces	293
Our Authours	298

Двадцатый!

Двадцатый год будет выходить наш журнал в 2018 г. — ДВАДЦАТЫЙ! Худо-бедно, а... *срок!* А ежели к сему добавить, что, по мнению знающих людей, это... *лучший* из современных гуманитарных журналов (э-э... ну, пусть — один из лучших, спорить не будем!), то наша двадцатка непременно утраивается — в цене: один год за три!

В чем же тут дело? Первое — посвящение журнала новой гуманитарной мысли — классической по слову и новой по смыслу: метанаучной, метафизической, откровенческой, хотя ничего из «ходового» нарочито журналом не отвергающей; второе — свобода мысли, авторского мнения, творческого порыва — никакой априорной и навязываемой редакцией вкусовщины; третье — созвездие авторов, как уже ярко светящихся на ученом небосводе, так и нарастающих в свечении или только еще зажигающихся звезд; четвертое — энциклопедичность, но не сухая библиотечная, а полнокровная, живоносная (тут всё: мироздание, бытие, хозяйство, история, человек, когнитив, социум, личность, экономика, политика, культура, цивилизация, государство, глобализм, национализм, отечество, родина, имперскость, Россия, русский мир, ну и, разумеется, философия хозяйства, философия вообще, экономия, социология, политология, историософия, геостратегия, геополитика, дирижизм, конспирология, как и многое, многое другое); пятое — концептуальный мониторинг вокруг реально происходящего, весьма, знаете ли, реалистичный и даже действенный (знаем, о чем говорим); шестое — новая гносеология, позволяющая по-другому видеть, познавать и провидеть бывшую, текущую и даже будущую реальность, что то же самое — движущийся онтос; седьмое — обращение к Софии Премудрости Божией, но не религиозное, а познавательно-творческое, да и не к религиозной мудрости, хотя и не без этого, а к первомудрости, метамудрости, иномудрости, отчего не философия и даже не софиология, а... *софиасофия*, когда высшая мудрость первее низшей — человеческой.

Особый у нас журнал, не имеющий аналогов, отчего ни с каким из своих «коллег» не соревнующийся: тут уж каждому свое! Кому широкая известность и странно высокий рейтинг, а кому дерзкое непризнание и малая-де известность.

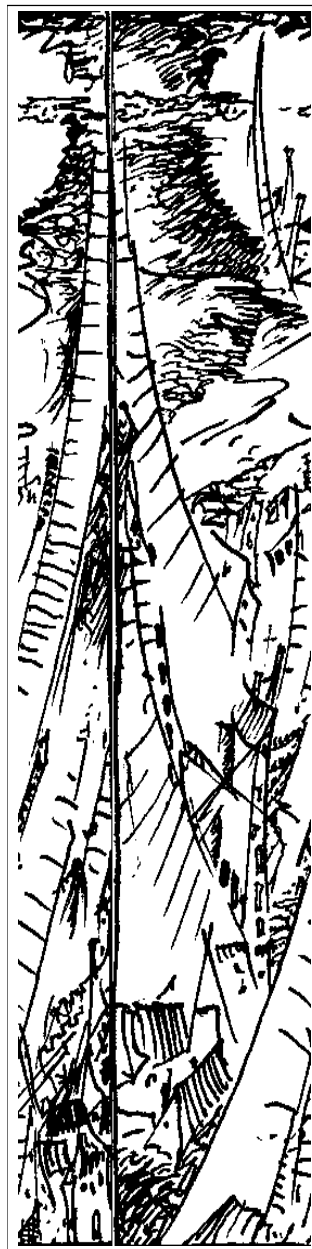
Не входящему в университетский список «достойных» периодических изданий, нашему журналу уготована научным-де официозом участь некоего незначимого изгоя, ибо импакт-фактор, видите ли, у него не тот, хотя журнал сей весьма известен, почитаем большими умами, образцово качественен, широко цитируем.

А фактор пресловутый у журнала невелик по очень простой причине: слишком много у журнала авторских публикаций — 30 вместо тех же 10, отчего недопустимо велик расчетный знаменатель, когда в числителе не что иное, как совокупное число на публикации журнала ссылок.

Вопрос: где же тогда большая и свободная мысль, где наука, где творчество, ежели в почете лишь формалистика, симуляция с имитацией да бедная профанация?

Однако... ДВАДЦАТЫЙ!

Главный редактор

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

**Софиасофские тетради
(тетрадь восьмая)***

Аннотация. Россия как понятие, концепт, категория. Она же и тайна, подлежащая тайному саморазрешению. Иномирная субстанция, непостижимая идея, невероятная данность. Безначальная история, необъяснимое деяние, непроходимое будущее. Тщета, надежда, мечта! Вера — вера русских, религия русского мира! Наше!

Ключевые слова: Россия, россиеведение, софиасофия, философия, философия хозяйства, историософия.

Abstract. The article investigates Russia as an idea, concept, a category, a secret which is liable to secret self-permission, another substance, an incomprehensible idea, an improbable reality, history without beginnings, an inexplicable act, impassable future, the vanity, a hope, a dream. The author reveals the belief as a belief of Russians, religion of the Russian world.

Keywords: Russia, leading of Russia, sophiasophia, philosophy, philosophy of economy, historiosophy.

УДК 11, 13

ББК 65в

1 (176)

Россия — большое с позиции западного рационализма... *недоразумение*, подлежащее неперменной ликвидации. Накрыли было его интербольшевизмом, чтобы растворить Россию в мировом революционном месиве, а она — Россия — хоть и не воскресла в СССР, но и не исчезла совсем, уйдя сначала в навь, а потом, уже в связи с большой мировой войной 1939—1945 гг., вдруг настойчиво замаячила в яви.

*К выходу в свет: *Осипов Ю.М. Софиасофские тетради. (Не)Ученые записки.* — М.: ТЕИС, 2018. — 479 с.

Неистребимое какое-то недоразумение, эта Россия, вполне и загадочное, да ладно бы для ЕвроАмерики или Китая, а то и... *для самой же себя!*

Да, Россия ушла внутрь СССР, оставаясь его фундаментальным ядром, всю при этом и эксплуатируемым — ради развития так называемых «национальных окраин», продолжения мировой красной революции и поддержания мировой красной системы (соцсистемы), но, уйдя внутрь и притихнув, она продолжала существовать как божий дух в преданном ей русском и не только русском народе, хотя и преданном в значительной мере как бы само собой, без достаточного на то собственного осознания.

Феномен бытия-небытия (или небытия-бытия) России в сердцеvine СССР, у которого ничего из могучего и живородного, кроме России, и не было, а также бытие-небытие России в среде мирового социал-коммунистического движения, включая международную соцсистему, заслуживает особого внимания и соответствующей, как всегда недоумённой и неясной, оценки, разумеется, не очень-то простодушной и вовсе не самой низкой.

Да, была, выжила, устояла, почти что и безымянная — как какое-то *ничто* («безымянная высота»). Скажут, что была же РСФСР, что русские отмечались в паспортах как именно русские, что культивировались русский язык, русская литература и русское искусство, что были на слуху и в сердцах Александр Невский, Александр Суворов, Александр Пушкин — всё это так, но... неприлично как-то было всё-таки публично и во весь голос называться русским (тут тебе сразу в личность и бросали пресловутый «русский великодержавный шовинизм»); нельзя было иметь ни русских клубов, ни домов, ни собраний; да и государственности русской тоже ведь не было, а была лишь её грубая имитация; не было и собственно России, ибо РСФСР — не Россия, а уж СССР — тем более.

2 (177)

Однако пробыла, пережила, сохранилась! Загадка? Для науки, не признающей ни духа, ни этнодуха, ни архетипа, ни трансцендентного предназначения, вообще ничего не признающей, кроме пресловутых фактов, из которых в лучшем случае за достоверные можно принять лишь четверть, это, конечно, загадка, точнее, и не загадка вовсе, поскольку что-то такое — как раз загадочное — науку попросту не задевает.

Для метафизики же тут никакой загадки нет: русскость — это что-то в русском человеке корневое, ствольное, кровное, а потому русский человек над этим и не задумывается: живёт себе по-русски (разумеется, не так, как миру надо, очень уж неуклюже, непотребно, плохо) и всё, а в это «по-русски» входит не только всё текущее жизнеотправление с неизбывным инстинктом выживания, но и бескорыстные подвиги, непреднамеренные жертвы, неординарные поступки, чуть ли не крамольная реализация русского мира в его грандиозном безграничье.

Русскость — это *неотмирность* прежде всего, а ежели чуть-чуть поразмыслить, то и *ино-мирность*, а соответственно — открытость, незашоренность, импровизационность, ну и гибкость, «ртутьность», эластичность, а также стойкость, крепость, упорство.

Ничего ведь хорошего в русском мире с позиции обыденности нет (ни для ЕвроАмерики, ни для «азиатчины»), но... где же на самом-то деле больше духовно-идейной свободы, чем в русском мире, — и это при систематическом насильственном «упорядочении» русского мира: то рюриковщиной, то византийщиной, то ордынщиной, то неметчиной, то марксистщиной, то евроамериканщиной, то глобализщиной?

И выходит, что где обыденно не очень хорошо, даже и плохо, там духовно почему-то не то чтобы хорошо, но совсем не так уж и плохо.

«Умный русский — самый свободный человек в мире» (Достоевский), а Россия, как ни странно — самая свободная в мире... э-э... территория, но не геостратегически, а... *метафизически*.

3 (178)

Ах, этот метафизис России!

Ничего в нём не понять: отчего, зачем, с какой конечной целью?

Да-а, бытует, не бытуя — по-человечески; прозябает, сидя на богатствах, их зачем-то оберегая и всем раздавая, но ими почему-то для своего же блага не пользуясь; падает вниз ни с того, ни с сего, чтобы затем вдруг ни с того, ни с сего подняться; распадается внезапно, чтобы затем вновь слиться воедино; терпит обидные поражения и тут же одерживает славные победы, не извлекая никаких уроков и не получая никакого серьёзного за победы вознаграждения, и т. д. и т. п.

Не страна, а про-стран-ство, ещё и стран-ное пространство (про-странн-ство), при этом и непрерывно воспроизводимое, причём воспроизводимое как пространство... *российское*, а не европейское, ордынское или византийское, хотя и европейское, и ордынское, и византийское; в общем — неразгадываемый тут феномен, который ни умом не понять, ни «аршином общим» не измерить!

Только-только страна, бывшая внешне «СССР-ом», а внутренне более всего Россией, потерпела крах, пала, рассыпалась, оцепенела, чуть ли не канула в бездну, даже под внешнее из мирового глобального центра управление подпала, «уколонила», сдалась по всем статьям (более, чем даже на милость победителю) и вдруг... мало того, что заговорила великодержавно, но и действовать стала как великая держава, достав из сказочной заначки верный «меч-кладенец» да снова взявши его в свою богатырскую руку.

Но если б только это: Россия — явный укор империальному Западу и твёрдая кость в евроамериканском прожорливом горле!

А всё почему? Как раз из-за непонятности России и её сакрального предназначения, её собственного проекта и зашифрованного в ней исторического промысла.

«Код да Винчи» — есть вроде бы таковой, но ведь есть и *код России*, скрытый не только от жадного мира и его алчных ясновидцев, но и от самой России, разве лишь волхвам был известен, а может, ими, на прощанье, и заколдованно упрятанный где-то в Нави.

Россия бытует, не бытуя — в общепринятом смысле, не столько при этом в согласии со своим кодом, сколько с ним в нестройном соответствии, по причине его и в угоду ему, этого кода и этому коду, неразгаданности — до поры!

А пора эта непременно придёт, может, она уже и при дверях, ибо о чём могут говорить вынужденное вылупление России из СССР-яйца, её явный вроде бы крах и немедленный, совсем как будто бы и неявный, подъём — впервые, быть может, за свою длинную историю... *как именно России?*

4 (179)

Да-а, *чудо* — очередное русско-российское чудо, но при этом и самое значительное, которого никак не могло и не должно было случиться, но которое обрело-таки случай и имеет-таки наглость быть — прямо на глазах изумлённого, досадующего, негодующего и при этом по-своему восхищённого человечества!

Сама Россия ещё этого даже не осознала, но дело ведь не в осознании, хотя это и важно, а в *пред*-намерении Бытия-Истории, которое никого *пред-вар*-ительно ни о чём не спрашивает — иначе какое же тогда варево от Бытия-Истории со всей своей неустанно работающей *трансценденцией*?

Россия не знает достоверно ни своего глубинного прошлого, ни своего возможного будущего, ни своего прикрытого пеленой добротного лжезнания истинного настоящего. Она не знает, что же она на самом деле, зачем она, когда же она в истине, — и в этом, заметим, её огромное преимущество!

Другие всё о себе знают (так им, во всяком случае, кажется) и весьма в себе, своём прошлом, настоящем и будущем уверены. Русские ничего толком о себе не знают и ни в чём, кроме своей странной своеобразности, не уверены. Правда, они верят в Россию — Россия для них как раз и есть их главная, невысказываемая и необоримая религия. Именно так — РОССИЯ! Даже ежели сами русские не встречают со стороны объекта своей неугасимой веры большой к себе самим любви, а частенько как раз бывает наоборот, что и поражает русских, и задевает, и гневит, но... какой же русский без своей матушки-России?!

Странно всё в России, невероятно странно — невообразимо!
Факт!

Однако ничего воистину миро-судьбо-носного в России бы не было, не будь она как раз вот такая — *невообразимая*.

Дыра вроде бы тут тёмная, но... и миро-значимые победы, включая победу над фашистской Европой (не Германией только, а именно над Европой, чего Европа простить России никак не может!), как и победу космическую (от Циолковского до Королёва с Гагариным), а теперь вот и надвигающуюся победу над глобалистским ультраколониализмом.

Только невообразимое, невозможное, из-ряда-вон-выходящее рождает ведь что-то не просто необыкновенное, а и попросту... *несбыточное*.

Тоже ведь факт!

5 (180)

Россия, таким образом, — либо какое-то невразумительное *ничто* (неопределимое, непрочитываемое, нетрактуемое), либо это какое-то запредельное *ничто*, миссия и судьба которого где-то за пределами воспринимаемого зёмным умом зёмного мира.

Корневые и постоянно возрождающиеся противоречия с Западом и Востоком, с ними противостояния и им противодействия — вовсе не желание России заняться чем-нибудь таким — *экстраординарным*, как и не стремление России к империльной экспансии (нынешняя Россия — не СССР, да и не Российская империя тоже), — тут не просто сложнее, а гораздо иначе, ибо тут работают мало того, что метафизические, но и вообще не поддающиеся людским квалификациям *энергии-информации*, лишь проходящие через головы кое-каких особых элит и кое-каких действующих наяву личностей, причём вовсе и не обязательно ими — этими элитами и этими личностями — адекватно и вполне воспринимаемые.

Бытийно-историческая мистерия — не впопыхах брошенные случайные слова, а самый настоящий факт, более всего метафизический, как и фактом является наличие у сей мистерии каких-то иномирных мотивов и интенций.

Запад — органический, вплоть до сладостного безумия — противник России, но, заметим, Восток тоже ведь не органик России, хотя Россия содержит в себе и Запад, и Восток, однако содержит их как российские Запад и Восток, что как раз и не устраивает ни Запад, ни Восток.

Россия — это РОССИЯ, и ничто другое, что страшно Западу и неприемлемо для Востока, но что оказывается неподдельным бременем для самой России.

Россия — *бремя самой себя*, — и иначе быть не может, ибо Россия — не Запад и не Восток, а что-то совсем другое, самой России и не слишком ясное.

Россия воспринимает себя более духовно, бессловесно, откровенчески, чем умственно, нарративно и «знанчески». Россия — это воля, воля и ещё раз воля, причём воля сама по себе, не имеющая удобоваримого интеллект-обоснования. Вот откуда немотность России, её как бы безличность, даже и невидимость, хотя слов уже сказано по поводу России много, а воз российский всё там же — в *неведомости!*

6 (181)

Но ведь это же сила — *сила России!*

Россия в прямом контакте с самим *Великим Неизвестным*, ибо, существуя, не имеет на себе никакой квалификационной печати, отчего и способна к немислимым импровизациям.

Война, ведущаяся вот уже не один век против России, а ныне получившая лишь новый отчаянный импульс, обретя по ходу и новый камуфляжный облик, выдавливает из России, ни в ком не нуждающейся в силу своей сквозной самодостаточности, очередную импровизацию, но, что особенно важно, уже... *российскую*, а не какую-нибудь ещё.

Теперь на бытийно-исторической арене, пусть и глобализированной, не что иное, как *собственно Россия!*

Никто ни в мире, ни в самой России *этого* не ожидал: уж как ей отказывали, поносили её, отрицали, даже и хоронили, а она — Россия — тут как тут, причём не иначе, как *сама себе проект*.

Какой же? А кто ж это знает, кроме Великой Неизвестности да, может ещё, Бога Творца?

Россия восстаёт из небытия как... а ведь нет в окружном дискурсе ни подходящих слов, ни понятий, ни определений, ни заключений, ибо Россия возникает (обратим внимание на это «возникает») как что-то небывалое, неконечное, неопределимое, преодолеваемая, но при этом и сохраняя, стихию, хаос, беспорядке, вырабатывая какую-то иную — не западную и не восточную — модель бытия, в которой нет тоталитаризма, но есть согласие, пусть для кого-то и вынужденное; нет народовластия, но есть народность; есть «базар», но нет анархии; нет единомыслия, но есть национальная собранность; нет полного здравия, но есть жизнотворное очищение; нет всеобщего благоденствия, но есть заинтересованное бытие и т. д. и т. п.

Главное тут в том, что Россия, не избегая ничего из хорошего и из плохого, ухитряется строить из себя не что иное, как... *жизнеспособный организм*.

7 (182)

Обратим внимание: США негодуют, совершая глупость за глупостью; Европа мечется, стараясь не делать глупостей, но зачем-то делает их и делает; Китай с Индией таятся, выжидая своего большого шанса; мусульманский мир, вдруг проснувшись и не выдержав застарелого покоя, отчаянно реванширует, мстя всему миру; а Россия — что Россия? — твёрдо стоит за себя и на своём, препятствуя экспансии на себя и на мир в целом как бесноватых США с Запада, так и хитроумно расчётливых сил с Востока, мало того — утверждает возможность нового мирового порядка на основе взаимоважения, компромиссов и даже кое-какой солидарности.

Разве не так?

Причём делают это не церковники, не гуманисты, не либералы, не коммунисты, не фашисты, а... *россияне*, а значение и смысл *россиянства* — ещё никем не замечены и не поняты!

Мистерия, она и есть мистерия!

Спихватились, — что там, что сям, — да вот уже поздно: Россия буквально выплыла из нави в явь как какой-нибудь не то фантазийный «Наутилус», не то трагически героический «Курск», не то реально победоносный «Александр Невский».

Чудо!

И это чудо прямо среди войны — войны как раз против него — этого самого чуда, ибо никакого такого чуда вовсе уже разумный и весьма уже десакрализованный мир допустить не может, — вот поэтому-то передовой мир первым и сорвался, не выдержал, ополчился против чуда, врёт напропалую, опорочивая чудо, лишь бы стереть его с лица Земли (не земли, заметим особо, а именно... Земли!).

Вот то досуже болтают, что Китай-де якобы главная угроза для США, их господства и лидерства, то поминают Германию в окружении ЕС, а выходит-то всё по-другому: главным врагом своим США назначили как раз Россию, только-только поднявшую голову, едва вставшую с колен и только-только заявившую о себе как о великой державе, ну и едва начавшую действовать как великая держава.

Вот и всё!

Ни чуду-де не бывать, ни России, которая для Запада сегодня страшнее СССР со всем его полумиром будет, — оттого-де и не бывать!

8 (183)

Тут в чести, уважаемые коллеги, метафизис да трансценденция, которые вовсе, не будем этого забывать, работают себе и работают.

Или Россия — исторический, а в чём-то и внеисторический, мистически уходящий в иномирье субъект, делающий историю, как и внеисторию тоже, либо России просто нет!

Россия — кладезь смыслов, но не научно-рациональных, а метафизических, или же *метасмыслов*.

А метасмысл на то и метасмысл, чтобы не быть чересчур умными головами быстренько схваченным и ловко заформулированным

ным. Он... есть — и всё! Метасмысл задаётся не реальностью, включая ирреальность, а... залятой трансценденцией, для которой слово, да ещё и общепринятое, мало чего вообще значит. Метасмысл бессловесен (вроде музыки), и в слове никак не выражается (пусть хотя бы *почти* не выражается).

Слушайте, господа, музыку сфер, может, и метасмыслы кое-какие уловите — впрочем, вряд ли, ибо тут потребен не музыкальный, а метафизический слух, совершенно записным интеллектуалам и не свойственный.

Слышите ли вы, господа, визгливый скрежет рассерженной Америки; заунывный скрип растерянной Европы; застарелое шипенье гоношистой Польши; молодецкий пересвист взбаламученной Украины; боязливый визг прибалтийских соседюшек; сдавленные стоны растерзанной Ливии и терзаемого Ближнего Востока; освещённый традицией шелест загадочной Индии; настойчивый и всё более громкий перестук неведомого Китая; озабоченный шёпот раздосадованной Японии; беспечное треньканье подручной Австралии и той же послушной Канады; аритмичный рокот раскачивающейся Африки; нарастающий гул растревоженной Латинской Америки; ну и призывный колокольный перезвон из России?

Нет, конечно, не слышите, а зря, многое бы сразу прояснилось — вплоть до порывов неустанной апокалиптики, любезно прошмыгивающей раз за разом вокруг по Земному шару, не привлекающая к себе аналитического внимания и не тревожа большинства из умных-де голов.

А вот Россия слышит — разумеется, не страна как таковая, а лишь её метафизическое ядро — как раз по имени Россия, куда стекается вся от мира информация и откуда выскакивают во весь мир всякие смыслы, конечно же, бессловесные, то бишь — метасмыслы, которыми мир человеческий по сути-то и живёт.

Россия — источник метасмыслов, а вовсе не только пространственный пассив да ресурсная кладовая.

Усвоить бы!

9 (184)

Тут же сразу «убийственный вопрос»: «А что может предложить несуразная, помятая и потрёпанная историей Россия всему миру — не в пример России умному, знающему, процветающему?».

Да ничего, в том-то и дело, что... *ни-че-го-шень-ки*, — это вовсе не её ни забота, ни задача, ни претензия, ибо ничего, кроме про-

екта «Россия», она предложить не может, да и не хочет, ибо этого не только не мало, но даже и слишком много.

Само присутствие в мире России как России, а вовсе не её в мире лидерство, способно менять мировую ситуацию и изменять сам мир, что вовсе не значит, что к лучшему, но зато к *другому* — вполне и *апокастатическому* (антиапокалиптическому, но лишь в итоге неминуемого апокалипсиса).

Нет, Россия — никакой не идеал, вовсе и не пример, просто это что-то *иное*, в чём есть резерв не просто бытия, а и... *преображения*, как раз того самого — *незнаемого!*

Вера в Россию (сама Россия тут *как вера*) порождает и веру в *иное*, которое непременно сбудется, ибо Россия уже прорывается через свой жуткий апокалиптический кризис, зачерпывая всё более для себя и всего мира *апокатастики*.

У России уже нет иного исхода, кроме как, идя к себе, идти к новому миру, ещё никем и не помысленному.

Вот так: не любо и не дорого, а попросту металогически предопределённо.

Кем? А кто же тогда «созда» сей мир, да и мир ли, а может, что-то совсем другое, — и почему не может случиться чего-нибудь внезапного и несусветного — как раз именно там, где вовсе не царствует обустроенное бытие, а лишь разворачивается необъяснимая теургическая мистерия, бытие-то «правильное» и замещающая?

И разве этим «проклятым местом для несусветных перемен» не является Россия?

P.S. Не стоит при этом забывать и о проклятии, знаете ли... самого по себе человеческого мира, не так ли?

10 (185)

Без мечты о правильном, добром, любвеобильном мире человеческом миру человеческому никак нельзя. Факт! Хотя фактом является и всё противоположное: безумное, злое, нечистое. Да, есть они — правь, добро, любовь, но... не то что их самих мало, а слишком уж тут много «об них» иллюзий. Безумие, зло, нечисть — органичные атрибуты бытия, жизни, сознания. Иного-то почти и нет, а ежели что и есть, то локально, временно, вовсе и не победно. Так «неча» на Россию злонамеренно кивать, ибо в ней всё хотя бы «по правде» — что доброе и светлое, что жуткое и тёмное. Россия — *праведница*, стабильно платящая за себя — как за хорошую, так и за плохую — очень большую и очень жертвенную цену!

Жертвенность России не от желания России жертвовать собой, а от её первичной и базисной *неотмирности*, не находящей возможности подлинной самореализации и вынужденной бытовать в пучине подлой обыденности.

Историческая мистерия России не просто трагична, она, увы, отвратительно трагична, если б не её никак не объяснимый ни обыденно, ни научно сакрально-жертвенный героизм.

Дурная страна, гадкая, гиблая, которая, подишь ты... *герой!*

Как это понимать? Да никак, ибо понять это невозможно, остаётся лишь это принять — за аксиому.

Несправедливая страна, выступающая, однако, за справедливость и ради этого приносящая себя в жертву. Головоломка тут хитрая или же подлинное отчаяние ума? Скорее — второе. Тут не просто противоречия, а некий излом противоречий — *противоречия самих же противоречий!*

Какая ещё страна жаждет невозможной справедливости, кроме России? Назовите! И сразу же споткнётесь, милостивые государи, ибо нет более такой же страны, как Россия, ибо все они от *этого мира* и только Россия от *мира иного!*

Их принципы — не её принципы: и чтобы понять *это*, потребовались века испытаний, бед, издевательств, падений и триумфов, но и трансцендентно-сакральной саморефлексии, вовсе не умственной, а насковозь одухотворённой, как бы и... *никакой.*

Тяжек ход России по лабиринту Бытия-Истории, но при этом и единственно праведен — *не для себя ведь!*

11 (186)

Обратим внимание: только Россия не хочет впасть в приуготовляемый интеллектуальным канинизмом-каннибализмом новый мир, прекрасно сознавая, что и в мире любезной традиции ей тоже уже не жить. Не научно-технический тут потребен переворот, даже не гуманитарная революция — от человека к постчеловеку, а вполне себе *человеческое преобразование*, могущее произойти только через апокалиптику с её страдательным поиском выхода из безвыходного положения.

Апокалиптическое преобразование — не умственный вовсе и не только и не просто духовный процесс, — это, конечно, самый что ни есть трансцендентный процесс, который может произойти там, где... только и может произойти, а где конкретно — вопрос

уже не человеческий, а сверхчеловеческий, на который у человека нет ответа, хотя и есть кое-какие вынужденные его ожидания.

Остаётся лишь укропно, хотя вовсе и не скромно, констатировать, что этим местом может (если не должна!) оказаться Россия, — и вовсе не потому, что она лучше или, наоборот, хуже других мест на планете, а потому, что она... *иная!*

Далась ей эта инаковость, господя, но что делать, ежели это так: несусветная задача требует как раз и несусветного местечка, где возможны сначала несусветное варево, а потом и несусветное явление на свет чего-то и впрямь несусветного.

«Советский социализм», который был не социализмом вовсе и тем более советским, а всего лишь удачно-неудачной попыткой особого мироустройства с особым человеком в его лоне и составе — необходимо-случайная *предтеча* чего-то возможно-невозможного, имманентно ожидаемого и трансцендентно выделяемого, как раз вполне и, как было замечено, несусветного.

12 (187)

Неотмирная Россия как роженица несусветного мира! А кто же тогда тут «папаша»? Да, да — *мир иной*, тот самый, что присутствует в *мире этом* и присутствует вовсе не нейтрально, а вполне и творчески.

За что же России такая честь — то ли высокая, то ли не очень, хотя вовсе и не низкая? Кто знает! Миссий не выбирают, с миссиями либо рождаются, либо сходятся, а иной раз, наверное, ими то ли внезапно награждаются, то ли попросту обременяются. Как именно произошло с Россией, сегодня никто не знает, но главное, что это всё-таки произошло: Россия бытует не для себя, точнее, для себя, но лишь настолько, чтобы бытовать по преимуществу не для себя. Вот откуда и весь бытийно-исторический излом России, как и все её экзистенциальные метания, как и вся её бытийно-историческая политека.

А уж сегодняшний, рубежа XX и XXI вв., момент для России не просто нереальный, а и вообще никак в нормальном стиле не вообразимый. Какой фантаст мог бы в своё время расписать то, что произошло и происходит с Россией с того же 1917-го по... э-э... хотя бы 2017 г., а-а? — ежели современники-свидетели, вполне образованные, умные и вроде бы пронизательные, ничего во всём происходящем с Россией в России в принципе понять не могут?

Занятно, не правда ли?

А в ту же последнюю четверть векования — что *это* было и есть?

Уход одних «вождей», приход других; то ли попытка «перестройки», то ли дарение «расстройки»; то ли спасительный «путч», то ли «подпутчевый» переворот; то ли восстание «патриотов», то ли утверждение «космополитов»; то ли сдача страны глобализму, то ли вхождение в «глобальный клуб» чуть ли не на равных; то ли революционная перемена жизнеустройства, то ли всего лишь жадное присвоительное разграбление и наглый делёж страны; то ли конец стране-уродице, то ли её внезапное возрождение; то ли Россия — филиал глобализма, то ли ареал нового мироустройства; то ли мир без России и без себя самого, то ли Россия с собой и со всем миром?

Наконец — *война!*

13 (188)

Стоило вроде бы уже повергнутой глобализмом России заявить о себе *как о России* — самостоятельной, самодеятельной и великодержавной, как тут же передовой, он же Западный, мир, воспользовавшись деяниями России по «украинскому вопросу», не допустившими «мирного» проникновения НАТО на украинскую форпостную территорию, пошёл на весьма радикальную конфронтацию с Россией, — и так уже внушительно обложенной натовской военно-базовой «Анакондой».

На поверхности всё выглядит как очередной раунд междержавной геостратегической борьбы в современном мире, но, хотя это и так, главным мотивом для ведения войны против России является не её великодержавное поведение и не усиление России как геостратегического противника США и Запада, а как раз сам факт бытия России... *как России!*

Россия страшна для внешнего передового контекста не как прямой его противник, конкурент и соперник по имени Россия, а как именно *Россия* — загадочная, непредсказуемая, тёмная, так сказать — «медвежья».

Сколько бы ни европеизировали огнём и мечом Россию, сколько бы ни проникала Россия в Азию, сколько бы ни продвигалась Россия в южные от себя окаёмы, всё равно она остаётся Россией, как раз такой, какой её Творец и задумал, во всяком случае — близкой к первосакральному абрису. «Российский ген», он же и код, как бы он ни назывался на протяжении веков, если не тысячелетий,

остаётся не только «российским», но ещё и живым, чуть ли сегодня не животрепещущим.

Удивительно, потрясающе, невозможно, но... *факт!*

14 (189)

Современные евроамериканские мозги вряд ли способны осознать, отчего это вдруг явился у великих западников такой *великий страх перед Россией*, а страх сей уже заимел постоянную прописку в обезумливающейся от благополучия и гордыни ЕвроАмерике, хотя нет уже ни застарелого самодержавного царизма, ни амбициозного большевизма, ни могучего СССР с его немаленькой соцсистемой, ни даже какой-то исключительной военно-индустриальной, как и научно-экономической, российской мощи. И это ведь не простой психострах, а страх, пардон — *метафизический*, вполне занозисто испытываемый и на вольном шаге никак не объяснимый.

Не великая мощь России, не её необычно радикальные поступки, даже не её правдивое слово страшат ЕвроАмерику, а... не поверите, господа... её... э-э... *сакральная немота*, позволяющая России не только оставаться Россией, но и быть с точки зрения существующих цивилизаций неправильной, странной, непредсказуемой, а главное — вовсе ещё не высказанной, если не выказанной, а отсюда для всех «правильных» по миру и... *страшной!*

И опять же не в текущем поведении России-проказницы тут дело, не в её конкретных деяниях, не в брошенных в мир жгучих словах, хотя и это важно, а в том самом сакральном зерне, затерянном в метафизической почве, как и в сакральной почве с метафизическим зерном, из которого исходит и в лоне которой растёт бытийно-историческое древо, называемое как-то магически и мистериально *Россией*.

Государство, цивилизация, нация, но... почему-то и не государство, и не цивилизация, и не нация, а так... мерцающий таинственно всеми мыслимыми и немислимыми огоньками... э-э... КОНТИНЕНТ, — прямо в Европе, в Евразии, в Азии, в целом зёмном мире.

Да, физически страна сия огромна, обильна, мощна, хоть и, как кажется многим иностранцам и немалому числу местных «критических обозревателей», не эффективная, не организованная, не «упакованная». От этого всем «проницательным комментаторам» не по себе — что тем, что этим. Факт! Но суть-то здесь в том, что *феномен Россия* гораздо «большее», чем собственно *страна Рос-*

сия, — и не по степени своего распространения по миру, не по силе проективного влияния на мир, хотя всё это в меру и есть, а по... *ноосферной дымке*, блуждающей то ли пушистым облаком, то ли плотной тучей надо всем миром, его иной раз и прозорливо накрывающая.

США со своими верными сателлитами вроде Австралии и Канады вполне истерически брешут, Европа вынужденно и натужно что-то бурчит, Азия глубокомысленно помалкивает, Россия же энергично отбивается, но вовсе не как загнанный за флажок зверь, а как вышедший на поле боя воитель, однако... как бы... мерцающий воитель, переменчивый, несхватываемый, ускользающий, ну и, разумеется, никем досконально не прочитываемый.

Россия приняла большую, вполне и рискованную, геостратегическую игру, — и ведёт её по своим правилам — *по правде*, не смотря на то, что Запад не брезгует и ложью, называемой им скромно и игриво... «информационной войной».

Что ж, правда — на ложь, как и ложь — на правду, — и кто тут кого, в эти-то смутные и фейковые, чуть ли не последние, времена?

15 (190)

Есть такое понятие — *эгрегор*: что-то вроде сопутствующей чему-либо или кому-либо внешней души (некого энергоинформационного сгущения, вроде какого-то невидимого облачка), непременно и взаимодействующей с внутренней душой (связка между неявной трансценденцией и более или менее явной имманенцией). Это только кажется, что сознание — свойство лишь физического организма, нет, совсем нет — это не что иное, как присутствие в организме особого рода *метафизиса*, включая и его *трансцендентность*, да не во всяком организме, а лишь в человеческом (присутствие собственно человека в человеке). Эгрегор тут как связующее звено между сознанием и иным миром, между имманентным и трансцендентным, между индивидом и социумом, между обществом (народом) и всем метафизическим контекстом.

Русскость в той же России — древнейшего, судя хотя бы по русскому языку, происхождения — то ли ещё нерусского (арийского, ведического), то ли уже проторусского, но явно древнейшего. Да, корень русскости как бы и в нерусскости, хотя и... в русскости тоже — в нерусской русскости, или же в русской нерусскости, —

всё равно. Так или иначе, но семя (эгрегор) России где-то там — в глубинах и началах бытия-истории.

В ходе же бытия-истории семя это обогащалось, усложнялось, изменялось, но... всегда с сохранением в себе первоосновы (первичной смысловой субстанции). Со временем, пройдя через века ариев, гиперборейцев, скифов, венедов, славян, русов, русичей, скрестившись с угро-финнами и частично с тюркоидами, явились и собственно *русские*, они же *великороссы*, несущие в себе плоды многовекового антропогенеза и, что важно иметь в виду, эгрегорогенеза тоже, правда, шедшего не совсем тем же путём, что антропогенез. Там, в эгрегором мире, свои ведь порядки-беспорядки, о которых человеку зёмному приходится лишь догадываться.

Однако важно то, что эгрегор на то и эгрегор, чтобы не отпустить подопечного ему феномена, а не только быть с ним на связи, но и хранить его, удерживая и взбадривая.

России довелось всякое переживать, стоя иной раз и на краю небытийной бездны, а то и попросту чуть ли не прощаясь с собою как с Россией (рюриковщина, византийщина, ордынщина, неметчина, большевизм, евронашествие, глобальщина, не говоря о своих родненьких смутах, реформах и революциях), но... Россия, иной раз и каким-то невероятным чудом, вдруг всплывала из было захватившей её нави — то явно Россией, то псевдоРоссией, но всё-таки всплывала, являлась, пусть иной раз и в не очень-то своём образе, ещё и «нелегально».

Россия — большой, не слишком ловко управляемый, но зато при этом и непотопляемый, *ковчег* — ковчег своего же собственного спасения.

16 (191)

Россия — *заколдованная страна*. Факт! Когда и кем — вопрос, но... явно заколдованная, что и было давно замечено её безымянными мудрецами (теми же волхвами).

Наверное, когда-то произошло какое-то большое предательство — измена то ли самой себе, то ли своему эгрегору, то ли своему предназначению, то ли сакральному проекту, правда, не безнадёжная относительно себя и трансценденции измена, ибо России давно бы уже не было на карте мира вместе со всеми своими несвоими мирового значения экспериментами.

Шутка ли: антивизантийское когда-то славянство, русское православие, российский империум, антибонапартизм, нероссий-

ский социал-коммунизм, победный антиеврофашизм, внезапный термояд, невообразимый прыжок в космос, а теперь вот и непокорный антиглобализм! Всего тут хватает и хватает, увы, помногу, а главное — никак не объяснимое просто так уцеление самой по себе *русскости*.

А сегодня, по итогам, с одной стороны, глобалического переворота и антирусского выворота 1990-х, а с другой — антиглобалического разворота и пророссийского (прорусского тоже) выворота, русскость вышла в нынешней России на передний план, придав Российской Федерации значение именно РОССИИ — уже по сути, а не только по названию, выведя уже и саму РОССИЮ на передний план — что внутринациональный, что международный, что мировой.

Здорово! Антироссийская во всех отношениях революция («Метили в СССР, а попали в Россию». — *В. Максимов*) вдруг венчается пророссийской антиреволюцией («Метили в Россию, а попали в... РОССИЮ!»). — *Автор сих записок*). Как всё-таки бытие-история — насквозь магическое и мистериальное — способно *выворачивать вывернутое*, при этом неожиданно и внезапно, хотя, надо заметить, ещё в тяжком 1994 г. вышла работа автора сих тетрадей «РОССИЙСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ», где Россия не только не отвергалась, а вовсю как раз, по наитию автора, утверждалась!

Нет, господа обыденцы, не ждите от воскресения России в России никакого жирного для себя благополучия — вам, как бы вы ни изворачивались во чреве своей завозной псевдокультуры, всё равно будет не по себе, — Россия вообще не для безумного комфорта, хотя и не для комфортного безумства тоже, она, увы, — для *некомфортного безумства*, через посредство которого и вылупится в конце концов что-то совершенно ныне немислимое.

А разве можно в сем немислимом мире помислить что-нибудь мыслимое, а-а?

17 (192)

А теперь о сегодняшней России.

Что о ней сказать, кроме как выказать очередное недоумение?

Что это за страна? Побывала в «восьмёрке», но не «осьмёрилась», так и не став «семёрочной шестёркой». Была изгнана из «восьмёрки», вновь ставшей «Семёркой», однако, по уходу от неё России, как-то вдруг и сдувшейся.

Уход от «семёрки» усилил евразийство России, она увереннее двинулась в сторону Востока, хотя и не на Восток, тем более — не в Восток: Россия приблизилась к Востоку, но не «овосточилась».

Бог хранит Россию в России, а София держит Россию за Россию!

Итак: Россия сегодня всё-таки Россия, причём новая Россия, ищущая какой-то и новый свой исторический образ.

Да, усилилось магическое себя припоминание, на когнитивно-спиритуальную арену вновь вышло русское самосознание, по-новому заговорила история, в русские глаза заглянуло историческое бессмертие, а сами русские взглянули вдруг попристальнее в историческое зеркало, как ужаснувшись от увиденного там, так и увиденным там весьма восхитившись, вдруг наполнившись уже подзабытой бытийной отвагой.

Отвыли или отвывают антирусские голоса, замолкли или замолкают антироссийские песнопения, что не мешает за границе и нутрянной антиРоссии яростно клясть и проклинать Россию вкупе с её никудышным-де народцем. Всё это так, но при этом и совсем уже по-другому: поднимается обновляющийся русско-российский мир, далеко превосходящий фиксированные границы и видимые просторы России.

Навстречу, конечно, злобный вой — культурных, образованных, цивилизованных, высокоразвитых, передовых, прогрессивных... нет, не народов и наций, а элитарных каннибалов, ведомых мировой (глобальной) закулисой, давно уже кое-что *этакое* — непристойное-де и опасное — узревшей в непокорной России.

Чего-чего, а супротивника своего закулиса видит всегда хорошо, правда, не вся закулиса, а как раз самая закулисная её часть — *верховенская!*

Ах, эта Россия — обернулась вдруг самой собою и давай себе строить саму себя, учитывая всю и мировой контекст, но ему при этом не только не поклоняясь, но и самозабвенно противостоя!

Очаг иномирья, вываривающий новомирье — вот тебе и Россия!

18 (193)

Где ещё есть такой очаг, ничего хорошего никому не обещающий, как когда-то большевистский, но явно вываривающий что-то *иное*, не совсем и здешнее — не евроамериканское, не китайское, не индийское, не мусульманское, даже и не христианское в его затвер-

женном виде, но что особенно поразительно — не очень-то и... российское, ибо... всё-таки... *иное*, однако из российского, а не какого-либо другого «материала»? Какая ещё страна осмелится на *такое*, кроме странно-несуразной, кровоточащей, беспечной России, почему-то и для чего-то неожиданно поднимающей себя за волосы из трясины уродливой мирообыденности — как раз *постмодерновой*?

И не от ума как такового это всё делает Россия, скорее — от отвлечённого *без*-умия, от зашедшейся в гневе и отчаянии души, от своего неотмирного предназначения, от упрямого в своём нутре корневого сакрального проекта.

Россия участвует, как и весь мир, в реализации Великого Проекта (наука, техника, атом, электроника, космос, нанотехнологии, информатика, генетика, биотехника и т. д.), но при этом она ведь и сама себе Проект, может, в чём-то и альтернативный на данном этапе бытия-истории самому Великому Проекту, — не потому ли главный на сегодня носитель и исполнитель Великого Проекта — ЕвроАмерика — почти что инстинктивно не то что недолюбливает Россию, а стремится её попросту уничтожить.

Не великая ли коррекция Великого Проекта ожидается от реализации проекта под кодовым названием «РОССИЯ», а-а?

Вот уж сюрприз, так сюрприз!

Для всего мира, не то что для ЕвроАмерики, так и не могущей понять, что что-то *такое* уже происходит вне ЕвроАмерики, прямо в местах бывшего СССР, в России, вроде бы только что поверженной и чуть ли не навечно коленопреклонённой.

Э-э, чтобы *это* понять, надо по-иному посмотреть на мир, на бытие-историю, на итоги разных войн и революций, на упорную выживаемость древних цивилизаций, на неустранимость той же России, наконец, на воистину безумные деяния ЕвроАмерики в эпоху её полного, казалось бы, доминирования на планете, на весь постмодерновый мусор, навалившийся ядовитым бременем на человечество, и т. д. и т. п. Но кто же это может сделать — из властей-то постмодерновых, кто? Верно, дружище... *никто*!

19 (194)

Тут надо бы всем нам — гражданам Российской Федерации — вариться и вывариваться в российском экзистенциальном котле, вбирая в себя всё прошлое и настоящее из всего российского; страдая вместе с Россией; живя Россией, безотчётно любя её и незлобно поругивая; прозревая Россию, её устремлённость в бу-

дущее, а главное — почувствовать, увидеть и осознать иномирность Руси-России, как и возможный её вырыв в запределье — в сторону, что от Запада, что от Востока — во что-то *иное*.

Не надо привязывать Россию к чему-либо или кому-либо, её надо увязывать лишь с самою собою, не отрицая при этом ни внешних влияний, ни даже заимствований — что насильственных, что добровольных.

Не Европа она вовсе — эта загадочная Россия, и не Азия, даже и не придуманная умными доброхотами «Евразия», как не была никогда ни Норманией, ни Византией, ни Ордой — Россия — это Россия, а потому уж коли вышла она вновь из нави, зашевелилась, зарделась и движется вперёд, то не ради же пошлого обывательского благополучия, ей в основе и не свойственного, хоть многие из россиян к таковому упорно тянутся, его даже обретают, а для чего-то всё-таки высокого, масштабного, великого, может, и не такого уж светлого и приятного, совсем и не лёгкого, но зато... *иного!*

Загадочная Россия может порождать лишь загадки, но зато *какие* по мощи загадки, сам чёрт голову над ними сломит!

И не надо так уж разгадывать неразгадываемое, ибо разгадать себя и своё будущее может только сама Россия, реализуя себя как трансцендентный замысел самой же себя.

Тайна, она и есть тайна, что на неё покушаться, — лучше верить России и в Россию, полагая Россию и своей главной верой.

Великая русская неизвестность!

Однако это не значит, что не надо ничего делать в пользу России и её загадочного предназначения, наоборот, делать надо, но при этом... *слушая и слыша Россию*, не пренебрегая и выслушиванием контекста — что любезного России, что ей враждебного, что для неё и целебного.

20 (195)

Хорошо сказать, да трудно сделать! Вот поэтому-то и не надо умозрительно проектировать никакой России, а нужно лишь действовать, держа курс на Россию: Россия сама себя найдёт и вытщит!

Что сейчас происходит в России и с Россией в наибольшем приближении к реальности?

Ясно, что образуется *Новая Россия*, но вот *какая?*

Да, новизна перемешивается тут с традицией; современная неРоссия, идущая в основном извне, смешивается с Россией, сидя-

щей внутри России; рождается и что-то органически новое, обязанное самопревращению России.

Складывается новая иерархия; явились новые управители, они же «владельцы», «хозяева», «элита»; образуется новый народ — мобильный, яростный, целеустремлённый; отходят в социальное (и асоциальное тоже) небытие «неудачники»; формируется надстроечная *Сеть*, опутывающая социум, человека, бытие; возникает новое сознание с ясно выраженными искусственным флёром и техногенной подставой.

Возрождаются *государственность* как стержневая основа *российской цивилизации*, а вместе с этим и *соборность* как, пусть и не совсем принудительное, но немало всё-таки вынужденное, единение властей, элит, народов, всего российского населения.

Всё громче заявляет о себе *имперскость* — как неотъемлемое качество российского социума и российского сознания, однако имперскость, направленная внутрь страны, а не за её пределы (как свойство внутренней для страны организации — централизованной, директивной, дисциплинарной, хотя вовсе уже не тоталитарной, не жёсткой, не крепостнической, как это весьма отчётливо бывало в бытии России и в том же СССР).

Да, хорошо знакомая по российской истории... *ордынщина*, она же и *армейщина*, но в ином уже выражении и виде, не исключаящих ни самоуправления территорий, общин и институтов, ни личной активности граждан, ни гражданских, политических и экономических свобод, ни того, что называется повсюду демократией, ни вообще любой житейской мобильности.

Новизна перемешивается с традицией, выдавая на-гора *Новую Россию*.

Факт!

21 (196)

В итоге четвертьвекового перепахивания, передёргивания и переделывания страны с 1985 по 2010 г., осуществлённых сверху советско-российским государством, Россия стала страной экономизированной, однеженной, отоваренной, офинансированной, но в то же время и неоиндустриальной, компьютеризированной, информатизированной, овиртуализованной, сетевой.

Стала страна и глобализованной — в аспекте вхождения в глобальное жизнеотправительное пространство и обретения совсем

не слабой зависимости от этого последнего, включая и действующий в нём глобальный центр.

Россия ныне — открытая всем глобальным ветрам страна, что заставляет не только алкать конкурентоспособности, не только защищаться от вредных влияний извне, но и вырабатывать способы независимого стояния, суверенного поведения и приемлемого для себя развития в условиях общей открытости, всеобщего конкурентного противоборства и агрессивного внешнего давления.

Россия всему потребному для себя не без усердия учится и, надо заметить, многому за четверть века уже научилась.

Да — заимствование, да — освоение внешнего опыта, да — подражание, но при этом и собственная смекалка, черпающая смыслы и поведенческие алгоритмы в эгрегоре России, в её историческом наследии, в её чудесном умении выживать, возрождаться и одерживать победы... *над самую собой!*

И что же?

Как государство наше отечественное осуществило по случаю большой социохозяйственный переворот в стране, так оно же и занимается, уже по необходимости, строительством новой России, не подавляя насовсем разные локальные инициативы, которых великое множество, но их всё-таки немало и корректируя.

Имперский дирижизм был, есть и будет в России, разумеется, меняющийся, сбрасывающий с себя что-нибудь одно, хотя бы тот же милитаризм, и обретая что-то другое — ту же толерантность, прямо как добрый-недобрый Змей Горыныч, охотно меняющий не только свою шкуру, но и свои бессмертные головы.

Самый надёжный и решающий социо-культурно-институциональный резерв России — *империум!*

Имперская революция 1990-х замещается ныне имперским строительством новой имперской страны, непременно предваряемым *имперской же антиреволюцией.*

Вот так!

22 (197)

Ничего не понять в России, не приняв во внимание её *органической империальности.* Интересно, не правда ли? Как же не хочется многим умникам этого признавать, лишь очень хочется это осуждать или вообще отрицать, а ведь от империума своего России никуда не деться.

Нет, в сегодняшней России вовсе не благоденствие, наоборот, в ней хватает всякого негатива, который похлеще той же коррупции будет, к примеру — империльный (не имперский!) *административно-финансовый деспотизм*, замешанный на *вольном произволе* любых властей предрежащих. Что делать, ежели дрянная революция только что случилась, а с ней смена собственности и собственников, накопление частных богатств и капиталов, большое частное присвоение, вполне и нагло-преступное, как раз всего нажитого всей страной. Вот поэтому-то и случилась сия революция в обнимку с другой революцией — *аморально-криминальной* — верной спутницей любого разбойного социохозяйственного переворота. Выворот, он и есть выворот, а где зверский выворот, там и преисподняя тут как тут — налицо!

А что сейчас, уже в 2010-е гг.?

Вышеобозначенный деспотизм никуда, конечно, не делся, да и вряд ли куда-то просто так денется, но он как бы подвинулся, уступив некоторое место социо-институциональной, вполне, конечно, империльной... э-э... *соборности*, что звучит сейчас крайне странно, но от этого не становится менее фактическим.

Да, кое-какая позитивная пропаганда имеет место; да, кое-какие позитивные действия властей имеют место на социально-культурном фронте; да, есть кое-какое обращение к позитивному историческому наследию, к той же славной Великой Победе.

Однако дело более всего в том, что имперская Россия не может просто не быть консолидированной на общих национальных ценностях и глубинных мотивах бытия, как и на своих стратегических целях.

Или консолидация вокруг имперского центра в рамках общеимперского порядка, или же ни о какой самостоящей и самодвижущейся России и думать нечего!

Империзму в России альтернативы нет!

Напомним: империльная, может, по явленности и квази-, если не псевдоимперильная, революция (1980—2000) — такого же рода антиреволюция (не контрреволюция вовсе с возвратом к прошлому, а именно антиреволюция) — затем новое имперское строительство, или же строительство новой империи, кому что больше нравится.

Понять бы, да и усвоить!

23 (198)

Рассуждения о конце эпохи империй — либо глупые, либо лживые, много тут не дано, при наличии-то мироимперильных США, полумироимперильного ЕС, испокон века империльных Китая и Индии, квазиимперильной Бразилии, недоимперильных Ирана, Саудовской Аравии и Турции, постимперильных, хотя и более всего на словах, Великобритании, Франции, Германии, ну и той же совершенно империльной России.

И какой же современный или даже грядущий впереди планетарный мир можно представить себе без той же сегодняшней евроамериканской (западной) империи, как и ряда локальных империй при возникающей в мире так называемой многополярности?

Да никакой!

Отсюда в имперскости России нет ничего особенного, хотя сама империя по имени «Россия» весьма и особенна.

Да, много чего нехорошего, даже и плохого, имеется в современной России, но при этом немало и позитивного — жизнеспособного и жизнеутверждающего, чему Россия обязана как раз своей... — *имперскости*, дающей возможность России и её населению вообще быть, иметь настоящее и будущее, держаться прошлого, хранить самобытность и творить свою собственную незаурядную экзистенцию.

Россия как Россия особенна, она неотмирна, загадочна и сокровенна, но является она Россией только потому, что по устройству своему она — *империя*!

И народ в России, в особенности русский — народ имперский, царский, соборный, служивый.

Империя — экзистенциальный образ России, её геостратегическая ноша, но и сакральный ковчег, в котором России, может, и не очень уютно, но зато жизнеспособительно.

А ковчег, он на то и ковчег, чтобы ценить его, любить и защищать — на подступах к нему тоже, особенно ежели враг уже «при дверях».

24 (199)

Ковчег сей на Земле, но он и в космосе, мало того, он ещё и в Иномирье!

Это, безусловно, страновый, физический, географический ковчег со своими геограницами, пространством, ресурсами, но бо-

лее всего это ковчег метафизический, ноосферный, эгрегоровый, — потому и уходящий в иномирные дали.

С каждым часом растёт в России понимание, пусть по преимуществу и интуитивное, что Россия — страна спасения, выживания и возможного в будущем бытия, пусть и не самого благополучного, но... *бытия*, а не прозябания, во всяком случае для людей, стремящихся остаться именно людьми, как это не становится ныне остро проблематичным.

Россия — спасение, однако лишь Россия... *имперская* — стойкая, оборонная, сильная. Деньги запленили Россию, чуть ли её не поглотили, но... не смогли одолеть российского империума — принципиально неденежного, надденежного, противоденежного. Деньгами Россию ни удержать, ни укрепить, ни двинуть вперёд. Империя Россия — *метаимперия*, для которой не имперскость важна как таковая, а то несусветное, что даёт и может только дать империя, причём империя как раз неденежная.

Империя в России — выше денег, как и выше обыденного благополучия!

Это империя, решающая имперски... неимперские задачи, среди которых человек, социум, культура, цивилизация, бытие вообще, включая Землю и космос.

Человечество, ведомое повсюду прогрессивным однеженным Западом в техноинформационные кущи (сети), находится ныне на судьбоносном, вполне и роковом, переломе: быть или не быть? ЕвроАмерика-то вполне себе уже сошла с ума, коль грезит о «либерал»-тоталитаризме с большой термоядерной войной. Это «схождение с ума» — неизбежная плата за мироимпериальную гордыню, как раз от чего вынужденно, сам того не очень-то и сознавая, отпрянул СССР, уступив честь окончательно сойти с ума самодовольной ЕвроАмерике.

Нынешняя Россия, вдоволь зацепив постмодернового безумия в славные 1990-е, уже на пути излечения от сего сквернейшего недуга, — и у неё есть шанс чудесным образом избавиться от сей задачи сполна.

25 (200)

Откуда сия уверенность?

От реальности, её особого видения и понимания.

Россия, этот вполне целостный остаток от СССР, впала в итоге гибели «СССР-эпохи» в такой по силе апокалиптический кри-

зис, из которого, казалось бы, нет вообще никакого выхода, кроме... э-э... смертельного. Но... оборонный щит помог отбить желание по-колониальному завладеть Россией, а внутренняя «творцовская» сила («Русский орден») нашла возможность выдернуть Россию из смертогенного капкана, заменив в стране управляющую верхушку — с «чёрной» на «серую» (ещё не «белую»), и впрыснув в российский жизненное пространство энергию стабилизации и возрождения.

Сей внезапный и скорый отскок от погибельного падения страны в бездну и совершенно невозможный на пошлый взгляд переход к её стабилизации и подъёму — большой исторический казус, даруемый свыше не то что избранным, но прямо-таки... *отменным!*

В каком же смысле?

А как раз... *инога*, того самого, чего не было, нет и не будет, но к чему нужно непременно стремиться, — укрепляясь, раздумывая, перестраиваясь, изменяясь.

Не в правильно выбранной или даже удачно сочинённой доктрине тут дело, а в стремлении к *иному*, в осознании сего стремления и ему следовании.

Не какое-то *придуманное нечто* тут в приоритете, а кое-какое *непридуманное ничто*, что как разидаёт возможность неплохо продумываемой, но при этом и весьма свободной импровизации.

Для России достаточно... *России*, разумеется, *имперской* — со свободой в умах, душевной верой в себя и с мечом в руках.

Вопрос вызывает прежде всего эта самая «свобода в умах» — как это понимать?

А вот так и понимать: своим умом жить, это, во-первых; наследием своим духовно-интеллектуальным не пренебрегать, это, во-вторых; созидать новое представление обо всём на свете, ориентируясь не столько на себя грешных, сколько на Софию Премудрость Божию, это, в-третьих.

Не самая тут простая задача, очень даже трудная, почти и невозможная, но, во-первых, неизбежная, во-вторых, всё-таки решаемая. Почему же решаемая? Во-первых, чего только ни решала Россия, оказываясь на краю бытия, а во-вторых, сегодня тоже ведь край, быть может, самый уже и крайний: «*Быть или не быть, а если быть, то с чем же, каким быть самим и какой же быть России?*».

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

О чем безмолвствует современная Россия?*

Аннотация. Исследуется феномен безмолвия, который является своеобразной эвристикой, особым методом познания Целого. Если семантика языка выражает частное, отдельное, локальное и региональное содержание, то безмолвие посредством образов, действий, архитектуры, символов выражает телеологию Целого. О чем же сокровенном безмолвствует современная Россия, не доверяя лукавому, коварному и бессовестному языку? Во-первых, безмолвие России требует создания военно-хозяйственный комплекс, сделавший экономику его частью. И этот комплекс уже создается, о чем говорит вхождение МЧС в состав армии, которая превращается в мощный хозяйственный институт, способный работать и в условиях кризисов, и в ликвидации оных. Во-вторых, безмолвие России требует создания школы, образования, которые должна готовить кадры, органически сочетающие в себе знания, хозяйственные умения и ракетно-военное дело. И в России незаметно создается для грядущих битв параллельная школьно-образовательная структура великого безмолвия страны. В-третьих, безмолвие России требует для решения своей самой большой проблемы — коррупции — особого гибридного института, ищущего плевелы коррупции. Сотрудники этого института должны быть на полном государственном обеспечении и не иметь никаких личных дел с деньгами. Существующие институты по борьбе с коррупцией заинтересованы в ней, ибо она сохраняет их бытие, да еще неплохо подкармливает. Поэтому они никогда не искоренят это зло.

Ключевые слова: безмолвие, Россия, военно-хозяйственный комплекс.

Abstract. The article investigates a phenomenon of the silence which is a peculiar heuristics, a special method of knowledge of the Whole. If language semantics expresses private, separate, local and regional contents, then the silence by means of images, actions, architecture, symbols expresses teleology of the Whole. About what intimate

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. О чем безмолвствует современная Россия? // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 37—56.

does modern Russia keep silence not trusting to its crafty, artful and unscrupulous language? First, the silence of Russia demands of creation of a military and economic complex having made economy its part. And this complex is already created what tells about entry of the Ministry of Emergency Situations into the structure of army which turns into the powerful economic institute capable to work both in the conditions of crises, and in elimination of it. Secondly, the silence of Russia demands creation of school, education which have to prepare the staff which are integrally combining knowledge, economic abilities and rocket military science. And a school and educational structure of great silence of the country is imperceptibly created for the future fights in Russia. Thirdly, the silence of Russia demands for the solution of the most painful problem, corruption, the special hybrid institute which is looking for a corruption ryegrass. The staff of this institute has to be provided by the state and not have any personal relations with money. The existing institutes on fight against corruption are interested in it because it keeps their life, moreover, feeds up very well. Therefore they will never eradicate this evil.

Keywords: silence, Russia, military and economic complex.

УДК 11, 13
ББК 65в

Современная Россия находится в особой космоисторической ситуации, которую можно назвать «неопределенностью внутри самой определенности», когда идти некуда, ибо все известные пути выявили свои тупики¹. Идти сегодня Россия может лишь к самой себе, к своему сокрытому и несокрушимо самобытию, к раскрытию и освоению его неизвестных смысловых перво двигателей. А для этого нужно выявлять и запускать эти «перво двигатели», укреплять основания, пределы, формы, алгоритмы идентичности русской эволюции.

¹ Вообще можно идти «оттуда, из неизвестности», «идти куда-то, к победе социализма», «кружить вокруг своего непонимания», «идти в никуда тропой уробороса», «идти в сферу великой неизвестности». Но можно и нужно сегодня идти последним путем — «идти к самой себе, к своей внутренней Родине, идти путем преображения самой себя». Россия на ощупь сегодня идет именно к самой себе.

Конечно, отдельные элементы Запада, его технологий Россия должна использовать в качестве средств для устройства своего самобытного бытия. Но Запад сегодня практически удостоверился, что он не может быть эталоном устройства не только других обществ, но и самого себя. Поэтому Россия должна самостоятельно решать вопрос: «Быть или не быть России?», ибо сегодня вся прогрессирующая инфернавтика добра и зла соединились для ее уничтожения, внушая русским суицидное отвращение к самим себе.

Спасения и поддержки русским ждать не от кого, неоткуда и негде. Россия испытала, проверила все созданные Западом идеи, институты, идеологии, проекты, методы, государственные формы, религии и увидела в них лишь орудия суицида самой жизни. А вопрос: «Быть или не быть России?» — сокрыт в мудрости великого безмолвия. В культурно-генетическом коде русского суперэтнуса заложены социальная справедливость, совесть — сопричастность к высшей правде. И ясно, что драка будет беспощадной, ибо враг не желает впустить Россию в будущее.

Западный мир создан идеологией прогресса, сегодня он попал в ловушку суицидной неразрешимости своих проблем. Прогресс, породив виртуальный мир, требует для его эффективной эксплуатации виртуального человека. Но создать такого человека не позволяют биология и мораль человека. Возникла дилемма: или изменить прогресс во благо людей, или же клонировать виртуального урода. Но малейшая заминка с прогрессом грозит гибелью западной цивилизации, а виртуальный человек уже будет не человеком, а его симулякром, который все равно не сможет обслуживать прогресс, ибо для такого существа приемлемы лишь программы, а не творчество, без которого и прогресс «заглохнет». Прогресс — это Молох, который требует в качестве пищи жизнь молодую, творящую.

На земле существует множество народов, но ни один из них не вызывает такого корыстного интереса, такой ненависти и зависти, такого любопытства и нежелания понять его, как русский народ, история, бытие, суть, смысл и назначение которого сокрыты в его непознаваемых основаниях, покрыты таинственными облачениями загадок, секретов, фальшивых измышлений и самых абсурдных извратов. С момента своего появления Россия вызывала и вызывает вплоть до наших дней у других стран (за немногими исключениями) странное и неодолимое непонимание, спонтанную раздражительность, беспричинный страх, патологическую неприязнь,

стремление поработить или уничтожить ее, стереть даже следы памяти о ней во Вселенной. В ход идут любые средства, и лишь угроза взаимного уничтожения сдерживает пока глобальные племена русофобов.

Да, бывали немалые благодеяния со стороны России многим народам, временные союзы, братские отношения, договоры о вечной дружбе и прочном мире, но все эти благие реалии рано или поздно заканчиваются одним и тем же — почти для всех государств Россия неотвратимо становится явно или скрыто воплощением вселенского зла, всех их бед и несчастий. «Дружба против России», русофобия и антирусскость стали ведущими брендами современной больной международной политики, большинства человеческих популяций в их общении и даже в их поедании друг друга.

Но сегодня русофобия и антирусскость достигли неслыханных масштабов и невиданного накала, стали прямо-таки особыми физическими реалиями, рискуя бросить человечество в огненный омут третьей мировой войны. И дело не только в огромных территориях, природных, духовных, этнических богатствах ее земель, хотя и это естественное изобилие ставится в вину России цивилизованными хищниками. Сегодня все эти дары природы можно дешево обрести в России. Но дело не в материи России, а в ее духе, не в средствах обогащения, а в ее целях, задачах, назначении ее бытия. Поэтому вокруг России всегда царит геополитическое напряжение, формируются геостратегические матрицы взаимодействующих государств, сама архитектура исторического мира.

Апокалиптическое обострение русофобии отчасти вызвано тем, что Россия возвращает свою глубинную геополитическую субъектность, которая познает себя, свою социохозяйственную, политическую, государственную идентичность, свое историческое место и творческую ипостась в бытии, решая роковой вопрос: «Быть или не быть вообще человеку?».

Сегодня Запад духовно, культурно, творчески не может предложить России никакого проекта новой цивилизации, нового образа человека, а потому ему остается лишь исходить русофобской неприязнью. Россия практически испытала все идеи, проекты, идеологии, учения, религии и мировоззрения Запада, выявила их негодность не только для русской жизни, но и для человека вообще, который в результате западной мудрости сегодня уже не может и не

хочет быть человеком, объявив самому себе, природе и культуре научный, экологический и экономический суицид.

Правда, в России не испытаны еще кастовая структура, социальный тоталитаризм Китая, но для этих проектов в России мало людей, слишком велико этническое и культурное разнообразие, слишком много необжитых территорий и главное — кастовый ум не в силах постичь ее суть. Хотя в локальных масштабах России может быть навязан и кастовый эксперимент. Всерьез об этом уже и президент заявил, что существует угроза возникновения кастового общества (хотя в России оно уже «состряпано» на сырьевой низкотехнологической основе). Это глобальное кастообразование Россия в 1917 г. сломала проектом справедливости, который доказал свою правоту разгромом евроамериканского и японского фашизма. Россия — это сакральное гнездо, в котором священное безмолвие откладывает яйца справедливости, напоминая России о ее вселенской миссии. И в этом яйце сегодня бьется, готовится к выходу в явь исконная самобытная Россия².

Русофобское беснование обусловлено сегодня тем, что Запад не то, чтобы понял, но почувствовал, что именно Россия порождает — несмотря на всю дикость ее современного социума — неизвестное для всего человечества справедливое общество, неизвестный разум, неизвестное сознание, неведомую религию, неведомый смысл жизни человеческой. И этот рождающийся в России социум

² Удивительно, поразительное глубокое и нужное нам понимание России дал австрийский поэт Р.М. Рильке, утешая эмигрантов поневоле: «Решающим в моей жизни была Россия... Россия стала в определенном смысле основой моей жизни и мировосприятия. Она сделала меня тем, что я есть; внутренне я происхожу оттуда, родина моих чувств, мой внутренний исток — там... Все страны граничат друг с другом и только Россия граничит с Богом... Глубинная, исконная, вечно претерпевающая Россия вернулась ныне к своим потаенным корням, как это было уже с ней однажды под игом татарщины; кто усомнится в том, что она живет и, объята темнотой, незримо и медленно, в святой своей неторопливости, собирается с силами для какого-нибудь еще, быть может, более далекого будущего? Ваше изгнание, изгнание многих бесконечно преданных ей людей питается этим *подготовлением*, которое протекает в известной мере подспудно; и подобно тому, как исконная Россия ушла под землю, скрылась в земле, так и все вы покинули ее лишь для того, чтобы сохранить ей верность сейчас, когда она затаилась...» [3]. Великая идея высказана самим безмолвием России *прямотаки в молитвенном гимне и лишь в нем находит свое истинную работу.*

не постичь корыстным евроамериканским умом, хитроумно терпеливой восточной мудростью, южным воинственным напором. Дело в том, что для России между «Тем» и «Этим», между «Да» и «Нет», между «Материей» и «Духом», между «Богом» и «Дьяволом», вообще, между всеми противоположностями диалектики есть не просто опосредствующие эти противоположности звенья, а существует целостный «Иной мир», «Иное Царство». И царство это Русь сама не вполне понимает, но усваивает его своим умом и сознанием в качестве высшего закона мудрости великой неизвестности, хранит его в глубинах своей души, защищает его верой и мечом против нашествий и наветов просвещенных, слишком просвещенных соседей. Почти все тексты, литература, идеологии, науки не могут выразить в силу своей ограниченности, в силу своей зараженности латинством (искусственным языком) мудрость откровений великого безмолвия, составляющего творческую субстанцию, перводвигатель России. Науки, искусства, религии, знания не гарантируют даже простого спасения человека и самих себя. Зная и понимая это их глубинное банкротство, Россия ищет пути к своим началам, ибо все сотворенное человеком бытие изгажено, испачкано, извращено, сломано, фальсифицировано. У России сегодня нет ничего ценного, достойного, осмысленного, кроме самой России, которая — ведомая своей скрытой, но действенной справедливостью — вершит криптореволюцию мира Иного, хотя большинство людей чувствуют только запах тления, не понимая, что это запах их тления, а не России, что они протестуют не против России, а против своей никчемной жизни. Ведь истина идет от безмолвия, а когда за нее берутся слова, она темнит по-английски.

Отсюда и невероятное, невозможное пророчество поэта, узревшего, что умом и языком Россию не понять, ее можно лишь безмолвием веры принять и служить неизвестности, откуда она принесла с собой этот спасительный мир Иной, который покоится на справедливости и постигается через смысловые откровения священного безмолвия. Но верить не по церковным и по религиозным стандартам, которые не достают смысловых оснований России, а верить в саму Россию в качестве нераскрывшейся еще религии, верить в неведомый храм справедливости. Сама Россия, русскость, есть религия, в которой безмолвие открыло смысловую, телеологическую матрицу устройства Справедливости вопреки окружающей ее постоянно несправедливости и беспредела, которые сегодня уже

ступили на путь уроборосного самоедства. А безмолвие — это мощнейшее оружие, которое является как способом решить многие проблемы, так и способом их избежать. Безмолвие — это творящая гармония мира и души, ибо все великое (и малое, но значимое, например, прорастание зерна) совершается в тишине.

Безмолвие — это незримая целостная и действующая субстанция Вселенной, ее смысловая библиотека, в которой хранятся все тайны, события, проекты, изделия времени и великой неизвестности. В китайской культуре символом, смыслом, решением и действием безмолвия служит Дао, использующее семантику иероглифов, знаков, образов, метафор, воли и сознания людей, ум самих проблем, вещи значения архитектуры, природы, культуры для гармоничного устройства Вселенной и Поднебесной. Дао не признает человеческих слов, которые сами забивают себя производимым ими шумом. Вначале было неведомое безмолвие Дао, а затем появилось слово, которое усомнилось в Дао и неправильно назвало его.

Специалисты, многоумные эксперты утверждают, что около 95% сведений, нужных для понимания реальности и для решения неотложных проблем, сегодня полностью закрыто даже от науки, либо специально выведено из фокуса ее внимания, что фактически означает отказ от познания, которое возможно в таких условиях лишь посредством дедукции, символов, аналогий, образов, конструирования, интуиции, математических формул и геометрических фигур, религиозных ритуалов, моральных норм, аксиом совести, мистических откровений и магических прозрений. Ведь истина — это радуга, примиряющая небо и землю, и если скрыть середину радуги, то концы «выдадут» ее, а если скрыть ее концы, то середина укажет на нее. А поскольку истина есть целое, то скрыть ее невозможно, ибо она есть полная несокрытость бытия и его врагов. Истину поэтому не нужно искать, ибо она уже нашла нас и дарит нам жизнь; ищут не истину, а тщеславные заблуждения, скрывающие несправедливость, суицид псевдобытия и псевдоценностей, живые смыслы великой неизвестности.

Осознавшим эту роковую участь людям остается взывать к мудрости безмолвия, тишины, молчания! Семантика слов научного, художественного, обыденного языка неплохо оглашает шумы, гулы, шорохи, невнятные звуки мира и в самой малой доле³ выражают

³Молчи, скрывайся и таи.

смыслы безмолвия в метафорах и образах; более полно безмолвие говорит языком формул, математики, икон и архитектуры, жестами и танцами, проектами и решениями, отчасти — музыкой земной и музыкой небесных сфер, которую воспринимают великие избранные. А чествование усопших «минутой молчания» возводит безмолвие в священный сан, доверяя ему все несделанное ушедшим от нас, все указы неизвестности, нам недоступные.

Исихазм — православное учение — учит, что безмолвие есть божественная энергия, посредством которой ум, душа, сознание и тело очищаются от слабостей и пороков и могут воспринимать смысловые послания вещей, людей, Бога [2]. В то же время безмолвие служит мощным универсальным врачевателем почти всех болезней, ибо их источником служат пустословие, многословие, сквернословие, злословие, лукавые словесные испражнения. Язык дан для того, чтобы научиться молчать и посредством молчания понимать. Язык, разум, науки — это средства решения проблем путем их словесного заговаривания, а безмолвие дает смысловые откровения для решения целостных проблем посредством криптокративных ресурсов языка. Не язык — средство безмолвия, а наоборот: безмолвие — средство языка, делающее его языком, словом.

Безмолвие и исихазм суть наиважнейшие лекарства, сохраняющие и духовное здоровье, поскольку депрессия, тревога, неуверенность, психогенные терзания, моральная маета вызваны именно

И чувства и мечты свои —
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.
Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!.. (Ф.И. Тютчев)

утратой безмолвия. Безмолвие — это «смысловой университет» ума, сознания, души, в котором они учатся постигать, производить, применять смысловые энергии Бога. В состоянии безмолвия ум мыслит, сознание сознает, душа воспринимает, тело очищается самой действенной субстанцией мира — светом, из которого формируются смыслы. А великие святые в своем безмолвии постигают даже Фаворский свет, из которого состоит грядущее.

В откровениях безмолвия человек общается с познаваемой реальностью через живые субстанции света, который выявляет смысловое содержание неизвестного; и непостигаемая Россия открывает свою суть через смысловой свет, с которым срастается ее великое и величественное «плодоносное безмолвие». Безмолвие содержит в себе самые глубокие, значительные смыслы, в которых мир, Бог, человек, все реалии бытия могут найти самих себя, свои неискаженные цельные идентичности.

И безмолвие — это не пассивность, а самая активная деятельность, протекающая в сфере неизвестных смыслов, которые уже готовы стать реалиями, формами мира и бытия. А все глупости, преступления, пороки, несправедливости люди делают языком и словами, взаимно истребляя друг друга. Правда, у людей бывают проблески безмолвия, которые дарят им минимум терпимости друг к другу. Ведь очевидно, что когда «добрэ» подумаешь, то и говорить не о чем. Вот поэтому безмолвие действует посредством откровений, плодами которых являются смыслы, идеи, идеалы, ценности, совесть. Однако безмолвие целого все же непостижимо для человека, действуя посредством своего бездействия, предоставляя самонадеянным, громкоглаголящим гудошникам взаимно оглушать друг друга, тем самым восстанавливая права безмолвия.

Россия как целое высказала смысловую суть своего молчания в Библии, которая не поняла его, даже не упомянув о Руси. Но Русь и своего Писания не создала, не доверяя словам законы, цели и смыслы своего безмолвия. Слова врут, жесты, ритуалы, голос, глаза плутуют, сердце лукавит. И только безмолвие архитектуры, храмов, могил, ракет, тишь ее пространств знают ее подлинные планы, цели, решения, действия в эпоху СМИ, информационного беснования. Но в предельно критических ситуациях некоторые откровения безмолвия великой неизвестности отчасти доступны переводу на лукавый язык современной мысли и сознания.

Слова обозначают, выражают не только вещественное, информационное, структурное, императивное, кодово-шифрованное, семантическое содержание реальности, не только «шум и гам» бытия, но и смысловые светлые безмолвия неизвестности. Поэтому всякое слово ограничено в себе смыслами неизрекаемого, но действительного безмолвия. Но есть тексты, органично сочетающие в себе «семантический фюзис» предмета и смысловой гнозис откровений безмолвия, его вещие послания и декреты. Таковы тексты, например, философии хозяйства, софиасофии Ю.М. Осипова. В них смысловые откровения безмолвия прямо-таки доминируют над физической плотью слов и над их предметной семантикой, а главную роль играют внесловесные, засловесные, междусловесные, надсловесные смысловые связи безмолвия, которое имеет свой контекст, свою смысловую ноосферу. Для постижения таких текстов нужен упорный труд мыслящего сознания, умеющего воспринимать вещие смыслы в откровениях безмолвия. Безмолвие невозможно прямо и непосредственно постичь, ибо оно само дает откровения, которые нужно уметь распознавать, познавать и понимать в языке и в других формах его проявления и действия. Мы отчасти постигаем проблемы, отчасти решаем, отчасти знаем динамику шума и звуков, но вот необходимые смысловые подсказки безмолвия, без которого ничего не делается и не решается, приходят лишь к избранным. С учетом этих оговорок, требующих в словах слышать и понимать всю целостность сказанного вместе со смысловыми откровениями безмолвия, попытаемся угадать, постичь основные декреты безмолвия современной России. Вне декретов безмолвия сознание и ум повреждаются рациональным беснованием и «алгеброзом».

Но что открывает нам великое безмолвие современной России?

Молчит Россия до своих времен, молча верша волю своего безмолвия, не доверяя его смыслы болтающим, в словесах утопающим экспертам. И сегодня ее молчание сгустилось до невыносимой плотности: эмпирическое, метафизическое, государственное молчания смешались с тайнами и секретами текущей политики и международной напряженности. Но о главном, о том, что же именно делает Россию Россией, дает ей силы выстоять во всех военных религиозных, экономических, политических нашествиях, противостоять внутренним врагам, ее безмолвие не открывает даже ей самой, хотя охраняет ее и ведет сквозь дикие дебри неправды в мир справедливости.

вости — Иной, скрывая его под покровами всех видов несправедливости. Грозное безмолвие России напоминает безмолвие Ничто, которому было суждено вскоре стать Инобытием.

Европа не признавала сакральный статус безмолвия, видя в нем не миротворную силу, а пустоту, вакуум. Но в качестве органа безмолвия евроамериканцы избрали Логос, который воплощал в себе и Бога, и Слово, и Разум, и Закон, и Справедливость. Но главным для Логоса является Закон, которым он создал западную цивилизацию с ее науками, религиями, искусствами, институтами, банками, с топикой мысли, ума и сознания.

Да, Логос отчасти раскрыл содержание, законы великой неизвестности, но не заметил, что при этом для самого себя он стал неизвестным законом, не способным постигать безмолвие. И Логос ведет западную цивилизацию по пути самоотрицания, уроборосного самоедства. И. Кант показал, что разум может любой тезис и анти-тезис как доказать, так и опровергнуть, а самому укрыться в скептицизме. Ум может даже доказать и опровергнуть как свое умение, так и свое безумие. Но человек упрямо надеется, что именно разум спасет его от суицидного самоотрицания. Хотя именно разум делает ношу человечности неподъемной, а потому человек ищет гибель, ибо не знает, как избавиться от ракового роста своей умственности.

Трагедия и кара современного человечества в том-то и состоит, что оно не видит ограниченности разума, а потому не может воспринимать вещей посланий безмолвия, которое уже прорвалось к человеку через мировоззрение философии хозяйства и софиасофии. Разум же сохраняется в них как служебный орган фиксации вещей посланий мудрости безмолвия. Но само безмолвие неприемлемо для рефлексии разума. А сегодня Запад объявил прямо-таки шумовую войну безмолвию, заложив в уши почти всему населению аппараты для звукового суицида смыслов безмолвия.

Поэтому трудности в познании России, в установлении ее путей к самой себе, маршрутов русских дорог, в создании русского социального строя обусловлены не столько внешними и внутренними, явными и скрытыми врагами, сколько природой самого ума-разума, который по сути своей не может понять Россию; ум вообще не может понять любую реалию, цели, смыслы жизни, человека, самого себя. Разум не знает своих желаний и целей, своего смысла и назначения: а потому руководствоваться таким навигатором для человека пагубно. Ум-разум — это всегда средство познания, бы-

тия, практики, но цели и смыслы мира и людей ему недоступны. Об этом свидетельствует необратимый кризис западной цивилизации, созданной умными людьми посредством ума и умных проектов, но в итоге умное безумие разрушает эту цивилизацию посредством сладостного самоотрицания. Поэтому русская мудрость признавала и ценила ум как средство целей, программ, но отказывала ему в понимании деяний России.

Но Россия не преклонилась и перед иррационализмом, мистикой, а обратилась к смысловой рефлексии сознания, к методам полилектики, к идеологии справедливости. И основным методом самопознания России стало сакральное безмолвие. Поэтическая формула А.С. Пушкина: «Народ *безмолвствует*» служит метафизическим ключом к познанию Росси, которая о самом главном в себе и для себя безмолвствует. И современная Россия познает свою субстанциальную идентичность, создает свое социокультурное пространство посредством философии хозяйства и софиасофии, которые используют в качестве средств самопознания России безмолвие, его проявления в великих деяниях народа, власти, страны, в смысловой ноосфере сознания, в древних ведических ценностях. «Народ безмолвствует!»⁴. «Народ творит». «Народ сознает и понимает». А разум, идеи, теории, идеологии, Логос служат лишь средством для выработки адекватных форм великого безмолвия, в недрах которого зарождается, созревает, формируется и утверждается русский мир Иной, укрепленный на основаниях справедливости. Россия вся еще в мире безмолвия, которому принадлежат решения настоящего и будущего. Безмолвие есть таинство грядущего, а слова суть его орудия. В безмолвии заключено столько мудрости и смыслов, сколько статуй — в необработанном материале скульпторов. В безмолвии народа звучит громкий и страшный крик, который мы не слышим, подобно тому, как не можем смотреть на Солнце.

Говорящие чаще всего не понимают сказанного, а знающие безмолвствуют, видя бесполезность наставлений. Так вот все периодически и переворачивается, не находя точки опоры в безмолвии, которое всегда открывает новый мир для молчаливых и упрямых в своем молчании. Человечество пока существует благодаря множе-

⁴Не случайно главным героем великой по смыслу и малой по тексту трагедии А.С. Пушкина служит принцип: «Народ безмолвствует!». А для народа молчание — это золото.

ству еще не произнесенных слов, а произнесенные слова его уже добивают мир, людей, уставших от слов, исчезающих в пустоте. А молчаливые не свидетельствуют против себя и безмолвия. Ведь все слова перевираются, хотя отвечать за это приходится людям, которые никогда не учились безмолвствовать и молчанием отвечать на бессмысленные слова и вопросы. А ведь в безмолвии много думается, само безмолвие состоит из мыслей. Не случайно мудрецы советуют детей учить сначала молчать, ибо говорить они к беде своей сами научатся. И нужно семью семь раз подумать, чтобы потом промолчать, уйдя в мудрость безмолвия, которое есть короткий, холодный, ужасно суровый ответ без пояснений. Может, безмолвие призвано заменить мозги, когда они выговоряют все свои слова? И древние мудрецы полагали, что говорить мы учимся у людей, а безмолвствовать — у богов. И много фундаментальных смыслов еще откроет безмолвие, ибо смыслы — это послание, вести, вещи ангелы безмолвия. Нужно уметь слушать их безмолвные поучения.

Безмолвие — первая творящая субстанция, перводвигатель великой неизвестности, причина, условие, метод созидания шумящего, говорящего, текстуального, идейного мира. Безмолвие — исходное миротворное начало, субстанция всех реалий бытия, сакральный конец сущего. И когда человек молчит, то в его сознании и уме оживают познаваемые реалии, идут потоки внешних и внутренних смысловых откровений вещей, идей, слов; и эти откровения подсказывают, показывают, указывают, требуют новых целей и форм, нового бытия и нового мира русского. Все великое (да и малое тоже!) в мире имеет своей родиной и матерью безмолвие, порождающее лоно которого способно преподнести еще немало сакральных, космологических и русских сюрпризов. Безмолвие — субстанция, творящая смыслы и замыслы, а затем и слова. И в начале было смысловое безмолвие, а только потом — слово. Безмолвие хранит глубинную целостность предвечности и мироздания, а слово (язык) выражает только их поверхностное, известное содержание, которое постоянно дробится и никак не может найти цельность слова и обозначаемого им предмета. Русский святой XX в. Силуан Афонский посредством многолетнего молчания получил откровение, как быть человеку в нынешнем мире: «Держи ум во Аде и не отчаивайся!». Такой смысловой и сакральный шедевр не создаст никакая словесная мудрость, а только мудрость самого безмолвия.

Безмолвие выражает незримые реалии будущего века, а язык и слова суть орудия этого мира. Безмолвие не может адекватно выразиться в слове, а слово не может охватить целостность молчания. Наиболее адекватно в мире сем молчание выражают храмы (вообще — архитектура), иконы, символы, деяния, смыслы, иногда — природа и человек.

Безмолвие — это бездонный, холодный, ужасно суровый вопрос, не требующий ответа, ибо оно само есть ответ на все вопросы, которые опутали и душат людей. Все произнесенные слова не принесли столько пользы, сколько одно произнесенное. Молчание сохраняет человека. Говорящие не ведают смысла речей своих, а знающие никому и никогда не скажут, ибо не поймут. Так вот и крутятся колеса суицидного прогресса.

Слово и молчание связаны антиномичной неразрешенностью, которую удивительно точно выражает афоризм Лао-Цзы: «Знающий — не говорит, говорящий — не знает». И чем к большей точности, ясности стремится человек, тем более плотный и непроницаемый туман окутывает его ум. И разрешение этого противоречия требует выявления опосредующего их начала — мира Иного, в котором молчание станет справедливостью, а слово — ее смысловым знаком-образом. Таким миром может стать Россия, в лоне которой безмолвие и его смыслы могут превращаться в справедливость.

Язык — плод, орган безмолвия, которое порождает его семантику, наделяет смыслами, которые всегда беззвучны. Безмолвию нужно учиться, как и языку, который чаще всего служит ментальной пустоте, суицидной энтропии и суете сует. Есть притча-совет: если вам очень хочется задать вопрос, помолчите пятнадцать минут; если ответ не появится, можно спрашивать. Смыслы хранятся в молчании, а потому для постижения смыслов нужны не слова, о которых всегда спорят, а молчание, в котором содержится мудрость, знающая, что, кому, как, когда и где сказать. Безмолвие — это мысли и смыслы, которые даже в мозгах не нуждаются.

Сегодня в России народ («Народ безмолвствует!») совершает «криптореволюцию», в которой страна посредством молчания созидает свой русский мир, утверждает свою идентичность, созидая социально-хозяйственный строй, который соответствует ее собственной сакральной натуре. Грозная и неотвратимая поступь безмолвия развеет словесный базар, в мусоре которого утопают смыслы, и даст возможность молчанию народов творить справедливость. Власть не

должна мешать народу превращать его безмолвие в полноценную справедливость. А речи русофобов, пустофобов и дурофобов развеет ветер истории. В безмолвии народа слышен ужасный глас возмездия великой неизвестности, готовящий свой суд над преступниками, которые укрываются под «сенью закона». Безмолвие — это не ментальная кома сознания, не смысловая агония, в нем таится высшая правда судьбы истории, которая самые важные решения принимает в безмолвии. Народная Немезида вершит справедливость бытия в безмолвии и безмолвием.

И в качестве своих смысловых институтов криптореволюция безмолвия избрала *военно-хозяйственный комплекс*, объединяющий в себе труд, оборону, образование и русский ведизм. Этот выбор народного безмолвия совпадает с древнейшей русскостью, в которой воин-витязь, хлебопашец и волхва со своей мудростью совпадали, образуя заслон от ворогов лютых.

Философию хозяйства, софиасофию ученый люд не воспринимает, ибо эти дисциплины взаимодействуют с безмолвием народным, выражая новые смыслы его мудрости, новые роковые идеи и слова. Эти учения взаимодействуют не с другими учениями, а с... безмолвием; а слова этих учений взаимодействуют не с другими словами и формулами, а со смысловым безмолвием. Эти дисциплины невозможно представить в форме теорий, концепций, их нужно признать и принять, вооружить их методологией свой ум и сознание для решения проблем, созданных чистыми теориями, идеологиями, языками.

Но такая форма и стиль познания, духовной деятельности доступны пока единицам. Нужно у религий учиться, ибо Священные писания — это книги, в которых ум и сознание человека общаются с богами посредством безмолвия, черпая из него смысловые и словесные откровения, дающие понимание и решение проблем народов.

Альтернативой русского мира справедливости — военно-хозяйственного комплекса (оружие-творчество-образование) — может быть лишь кастовое общество, которое в зародышевом состоянии уже сложилось на сырьевом, финансовом, технологическом уровнях. Но полноценный кошмарный кастовый строй утвердится

после завершения программы NBICS⁵, призванной создать для искусственного цифрового мира столь же искусственного человека. Но реализация этой программы возможна лишь посредством третьей мировой, или гибридной, войны, которая должна сломить сопротивление биологии, морали и духа человека традиционного.

Россия должна непреклонно строить общество справедливости, или же ее поработят мастера кастового строя. В этой борьбе России терять нечего, кроме орды болтающих экспертов, интеллектуалов, прокисшей интеллигенции. Обретет же она людей, умеющих работать с безмолвием, превращать его смысловые ресурсы в материю и органы справедливости.

В русской культуре власть и культурный класс, воспитанные в школе западной диалектики, не видят среднего («серого») звена между белым и черным, между Россией и не-Россией (Антироссией); поэтому страна постоянно выбирает архаизированные алгоритмы жизнедеятельности, власти, совершая возвратно-поступательное движение — кризис, запоздалые реформы, медленные откаты, назревание нового кризиса.

И так будет до тех пор, пока не возникнет абсолютно беспощадная потребность насильственно утвердить между двумя полюсами третье, живое пространство, которое объединит русские крайности в устойчивую целостность, которую со времен фольклора называют «Иным Царством», миром Иным; и в этой целостности постоянные войны, революции, которые порождает диалектика, будут заменены полилектическим сотрудничеством всех частей целостности. Только посредством мира Иного Россия останется живой и перемелет всех.

Самые главные смыслы истории и провидения Россия высказывает народным безмолвием, которое отчасти улавливается ее верными властителями, великими конструкторами, инженерами и художниками, профессионалами труда, святыми. У народа просто хороший слух, он слышит декреты безмолвия и делает нужное. А безмолвие народа сегодня говорит, что адекватным устроением России может быть лишь военно-хозяйственный комплекс, который только и сможет оградить страну от внешних и внутренних «либеркаций». Ведь Россия, русскость восходят даже не к славянству, а к доисторической древности, где покоится мировое безмолвие, которое мно-

⁵Конвергентное развитие нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных и социогуманитарных технологий.

го еще откроет нам тайн Руси, если мы сумеем воспринять его смыслы. Категорическая словесная и логическая ясность⁶ — лучший способ, чтобы не понимать реальность. А осторожная попытка смыслового и целевого понимания, эсхатологической оценки безмолвного откровения свойственна лишь софийной (софиасофской) мудрости.

Сегодня наука, экономика, власть, образование, эксперты, почти вся интеллигенция сидят в тюрьмах своих концепций. А ведь все на свете становится одновременно и хуже и лучше. «Хуже» всегда очевиднее, потому-то оно всегда громче заявляет о себе. А разум одинаково доказывает и опровергает в зависимости от партийной позиции или «и хуже», «и лучше». Но в каждом отдельном случае он утверждает или отрицает или хуже, или лучше. Он не может смотреть на предмет полилектически посредством множества смысловых глаз. И вряд ли эксперты задумываются над тем, что они узники своих диалектических концепций. Современный мир, преданный наслаждениям и самодовольству, терзают страх, кошмары и неопределенная тревога, ибо мир этот за океанами словес и резолюций забыл о мудрости безмолвия. Но время напоминает и разоблачает, что слова сами по себе — это всегда клевета и ложь, а безмолвие — смысл, врачующий их суицидные наклонности, превращающий их в демонов добра. Безмолвие — залог грядущего, гарантия необратимости проектов русской справедливости.

И философия хозяйства, софиасофия родились не как имманентные развития словесного творчества, наук, культуры, философии, религии, не из исторических катаклизмов и революций. Они возникли как откровение исконной, скрытой, потаенной России, безмолвие которой сказало самой себе: «Пора! Время пришло туда, где гуляют лишь справедливость и Я».

Итак, семантика языка обозначает, выражает, формулирует лишь частное, отдельное, фрагментарное, локальное, региональное содержание, взаимодействия его частей, их блуждание, конфликты и войны в дебрях эволюции, революций и прогресса. Язык не может (и не должен) обозначать и выражать смысловую композицию Целого; язык лишь галдит, шумит, кричит, вопит, шипит, ревет, орет, воеет, горланит, зовет, кличет, в общем — мешает восприятию и пониманию Целого в угоду своему лукавому владыке.

⁶«Как трудно видеть то, что ясно вижу» (Шекспир). «Что труднее всего видеть? То, что находится перед нашими глазами» (Гете).

Целостность России доступна лишь безмолвию, которое присуще Целостности, выражая ее телеологию, ее цели и смыслы, ее пути в царство великой неизвестности посредством пространства и времени справедливости,

О чем же сокровенном безмолвствует современная Россия, не доверяя лукавому, коварному и бессовестному языку?

Во-первых, безмолвие России требует срочно создать военно-хозяйственный комплекс, сделав экономику его служебной частью. И этот комплекс уже создается, о чем свидетельствует вхождение МЧС в состав армии, которая превращается в мощнейший хозяйственный институт, способный работать и в условиях кризисов, и на ликвидацию оных. Древняя исходная матрица русских — сочетание воина и хлебопашца — возрождается на новой основе и в новом облике. А чистая экономика сама по себе сегодня — это inferнальное дело⁷, которое не поднимет на благие проявления даже живая вода русская. Поэтому экономика сама себя цивилизованно и культурно отрицает, уступая место когнитивной техноэкономике, исчезает в Техносе.

Во-вторых, безмолвие России как целого требует создания для военно-хозяйственного комплекса соответствующей ему школы, образования, которые должна готовить кадры, органически сочетающие в себе знания, хозяйственные умения («компетенции») и ракетно-военное дело. И в России незаметно и постепенно создается для грядущих битв новая, параллельная школьно-образовательная структура, которая соответствует задачам великого безмолвия страны. Современная школа (за немногими исключениями) превратилась в рассадник всевозможных пороков и зол, от которых учеников охраняет ОМОН. Эта школа гробит, губит, калечит детей, ибо обретаемые в ней знания, методика «обучения» неприменимы в экономике, да и не нужны ее inferнальным запросам.

В-третьих, безмолвие России как целого требует для решения своей самой больной проблемы — коррупции — особого института, который условно можно назвать Народным Трибуналом; и в его

⁷«Экономика — монстр, гидра, змий, дарующий людям хлеба и зрелища, но отнимающий у них самость, сознание и саму человечность. Экономика гнездится в дорогом ей зазеркалье, в любезном ей потаенном сингуляре, в возлюбленной ею криптосфере, откуда выпархивает безостановочно на свет и куда непременно — уже в полную темень — ускользает. Апокалиптика экономики, ее развязная телеология и заказная эсхатология..., ее глухой исторический взрыв и безмолвное внеисторическое погребение» [2, 314—316].

подчинении непременно должен быть институт гибридной инквизиции — орган, ищущий и исследующий в душах людей плевелы коррупции. Сотрудники этого министерства должны быть на полном государственном обеспечении и не иметь никаких личных дел с деньгами. Существующие институты по борьбе с коррупцией заинтересованы в ней, ибо она сохраняет их бытие, да еще неплохо подкармливает. Поэтому они никогда не искоренят это зло. Некоторые исследователи обращаются к опричнине⁸, видя в ней эффективное средство борьбы с государственным воровством. А призывами к созданию инквизиции, сталинским методам борьбы с коррупцией народ внимает с надеждой и верой. Независимо от высказываемых мнений, безмолвие России все же создаст гибридный институт, который сведет коррупцию до минимума. В любом случае никогда нельзя решить проблемы тем умом, теми методами, теми институтами, которые породили эти проблемы. А сочетание вышеуказанных четырех императивов великого безмолвия дает шанс России все же устроиться в мире на основаниях меры и справедливости.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Экономика как есть. (Экономика Зоила или судный день экономизма). М.: ТЕИС, 2017. 318 с.

⁸«Опричнина исполнила свою историческую миссию. Но почему о ней сохранилось мало фактов (письменных) того периода? Кто и зачем постарался подчищать историю? И что о ней сокрыто? Почему именно о ней столько вылито лжи? Куда, зачем и от кого спрятали опричники легендарную библиотеку Иоанна Грозного? Так востребована ли в современных условиях опричнина? В какой-то мере, но в современных формах, она действительно востребована. Во главе такой опричнины, безусловно, должен стоять сильный, справедливый и благочестивый лидер! Стоит сказать, что опричнина внутри себя имела функциональные разделения, которые сейчас можно назвать как отдельные ныне действующие ведомства в государстве. Но вот самое главное, что входило в их состав — это нравственная государственно-образующая политика. И, если это применять по отношению народных избранников или чиновников, то стоит поставить перед ними в первую очередь нравственные требования. Перед тем, как занять пост, кандидат обязан вести строгий аскетический образ жизни, на подобие уклада монашеской республики. Если же слуга народа не хочет принимать такие требования, значит он — не патриот Родины. На его место найдутся патриоты-энтузиасты, кто будет выполнять эти правила!» (протоиерей Олег Трофимов, д-р богословия [4]).

2. *Палама Григорий Св.* Триады в защиту священно-
безмолвствующих. 2-е изд. СПб.: Наука, 2007.

3. <http://pravlife.org/content/vera-avraama-i-vera-nasha> (дата
обращения: 29.11.2017).

4. [http://rosgeroika.ru/podvigi-v-nasledstvo/2017/february/fe-
nomen-oprichniny?page=4](http://rosgeroika.ru/podvigi-v-nasledstvo/2017/february/fe-nomen-oprichniny?page=4).

References

1. *Osipov Yu.M.* *E`konomika kak est.* М.: TEIS, 2017. 318 с.

2. *Palama Grigorij Sv.* *Triady`v zashhitu svyashhenno-
bezmolstvuyushhix.* 2-е изд. СПб.: Наука, 2007.

О.В. ДОБРОЧЕЕВ

Народодинамика, или Основы натуральной философии хозяйства*

Аннотация. Рассматриваются причины и механизмы движе-
ния общественной среды, которые обуславливают ее наиболее
крупные социальные, экономические и политические изменения.

Ключевые слова: общество, движение, турбулентность, эконо-
мический рост, экономическая неопределенность, роль личности
в истории, философия.

Abstract. The article discusses the causes and mechanisms of the
movement of the social environment that make it the most significant
social, economic and political changes.

Keywords: society, traffic, turbulence, economic growth, eco-
nomic uncertainty, the role of the individual in history, philosophy.

УДК 31
ББК 65в

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Добročеев О.В. Наро-
додинамика, или Основы натуральной философии хозяйства // Философия хо-
зяйства. 2018. № 1. С. 56— 83.

Творящий хаос экономики⁹

Основным вопросом общественного развития, как это не покажется странным, является вопрос о причинах движения людей, а не создаваемого ими богатства. Иначе говоря, вопрос о закономерностях перемещения в пространстве народных масс, или о *народодинамике*. Только поняв механизм этого процесса, можно судить обо всех его социальных, политических и хозяйственных последствиях.

Эмпирических знаний о физике движения общественной среды мало. В этой связи обычно упоминаются работы Стюарда по гравитационной модели «демографических» сил и Цапфа и Изарда по их статистической верификации. Но, как известно, убедительных количественных доказательств гипотезы Стюарда они не представили.

Другие исследования в этой области добавили лишь косвенные сведения о физике социальных движений. Это, прежде всего, работы Чижевского по солнечной модуляции социальной активности масс и циклистов, начиная с Кондратьева, по измерению длительности экономических волн.

Небольшая работа Колмогорова по турбулентному механизму финансовых потоков не вызвала в свое время такого же интереса экономистов, как работа Стюарда. Возможно, из-за чрезвычайной краткости математического описания. Только в последнее время гуманитарии начали проявлять живой интерес к проблеме социального хаоса, или турбулентности, и его трансформации в общественный порядок. Центр общественных наук МГУ провел, например, 15 февраля 2017 г. научный семинар под названием «Экономика как творящий хаос», посвященный природе макроэкономических изменений.

Тем не менее такие слова, как политическая и экономическая турбулентность, стали весьма употребительными среди политологов и экономистов, что, естественно, вызывает полемику. Александр Гарин, почетный профессор Центра стратегических исследований имени Джорджа Маршалла в Германии писал, например, в начале 2017 г. на сайте радио «Свобода», что Владимир Путин, ча-

⁹Термин «творящий хаос» предложен Ю.М. Осиповым на теоретическом семинаре в МГУ на тему: «Экономика как творящий хаос» (15.02.2017).

сто ссылающийся на политическую турбулентность, не понимает, как устроен современный мир. На что Сергей Кропычев (сетевой обозреватель) задал ему в «Независимой газете» (24.01.2017 г.) встречный вопрос: «А знает ли это устройство экс-президент США, лауреат Нобелевской премии мира Барак Обама? А предшествующие ему американские лидеры? Или, может быть, настоящие знатоки мироустройства сконцентрировались по другую сторону Атлантики? Те лидеры стран Евросоюза, которые сейчас, как я считаю, не в силах понять, что же с этим вибрирующим и пульсирующим сообществом нужно сделать».

Посмотрим, поэтому, еще раз на проблему движения социальной среды с точки зрения накопленных к настоящему времени знаний.

Три механизма движения среды

«Все течет, все изменяется», — сказал Гераклит в V в. до н. э. Такими словами начинался в советской школе учебник физики.

Но как течет, как изменяется?

Первый раз вполне продуктивно на эти вопросы ответила греческая философия, выстроив законченную для своего времени систему представлений о потоках общественной жизни, элементы которой с разной степенью подробности воспроизводятся до сих пор.

Эпоха Возрождения поставила вопросы Нового времени, для ответа на которые предложила научную картину мира (или натуральную философию), первый тезис которой, по словам Френсиса Бэкона, состоял в том, что знание — сила.

За прошедшие с тех пор почти 500 лет накопилось довольно много сведений о том, как движутся тела и их множества, образующие физические, социальные или экономические среды.

В настоящее время науке известны три механизма движения среды: конвективное (т. е. направленное движение потока как единого целого), тепловое (броуновское, или хаотичное блуждание) и турбулентное, сопряженное с временной локальной самоорганизацией потока. Посмотрим, к какому из этих типов относятся перемещения в пространстве людей и порождаемые этим процессом экономические изменения.

1. *Конвективное движение.* Наглядно увидеть картины движения больших масс людей удалось лишь в последнее время

благодаря прогрессу техники наблюдений и фиксации движения. Одна из картин направленного потока людей показана на рис. 1. Изображенное на ней движение автомобильного транспорта имеет ярко выраженный конвективный характер.

Рис. 1. Потоки автомобилей

2. *Броуновское блуждание.* Однако таким уже нельзя назвать движение множества самолетов в воздухе (одна из мгновенных картин которого показана на рис. 2), формирующее их неравномерное распределение в пространстве с элементами вихреобразования в районе Украины и Монголии.

Рис. 2. Неравномерное распределение людей и самолетов в пространстве

Этот тип движения больше напоминает хаотичное блуждание людей на больших площадях, формирующих их неоднородное распределение.

Турбулентное движение. Третий тип движения людей — турбулентный (вихреобразный) — или спонтанное конвективное перемешивание социальных масс — можно иногда наблюдать в закрытых пространствах (рис. 3).

Хорошо видимое на этих картинах вихреобразные потоки людей с участками заторженности вблизи Кааба и вдали от него напоминает турбулентные вихри в атмосфере и галактики космосе (рис. 4).

Рис. 3. Вихреобразное движение людей вокруг Кааба в Мекке

Рис. 4. Вихри в атмосфере и галактики в космосе

Эта качественная аналогия в движении людей и потоков частиц подтолкнула власти Саудовской Аравии к приглашению физиков Дрезденского университета для изучения причин возникающих при движении паломников трагических ситуаций. Физики и обнаружили там вихревые потоки, порождающие участки сжатия человеческих масс. Результатом их работы стали рекомендации по траекториям безопасного движения людей.

4. *Гидродинамическая аналогия.* Описанный выше случай вихреобразного потока людей наглядно показывает, что ярко выраженные картины социальной турбулентности мы наблюдаем редко. Поскольку для этого требуются уникальное стечение обстоятельств, как это, например, имеет место в случае одновременного паломничества большого количества мусульман в Мекку, специальный маршрут и время наблюдений.

В обычной жизни мы чаще видим хаотичное блуждание людей. И это не удивительно, поскольку на ограниченном горизонте наших наблюдений, не превышающем сотни метров, люди проходят мимо нас в разные стороны со средней скоростью около 5 км/час за минуты. Скорость же хозяйственного продвижения людей по Земле, как это, например, имело место в случае строительства железных дорог в Англии в XIX в. в тысячи раз меньше и составляет около 5 м/час. (Такая оценка следует из того, что приблизительно за 30 лет с 1825 по 1856 г. железные дороги полностью покрыли территорию этой страны, линейный размер которой составляет около 530 км.) Для наблюдения подобных процессов необходимо их непрерывное сканирование не менее 30 лет подряд на 530 километровой протяженности страны. Конечно, такого не может позволить себе ни один человек.

Поэтому в условиях несопоставимости масштабов общественной среды и наших ограниченных способностей их наблюдать и измерять люди (как и молекулы воды) не способны увидеть все течение жизни в целом.

Долговременное движение человеческих масс можно представить себе лишь в воображении, задумавшись, как это сделал в свое время академик А.И. Анчишкин, о том, как появляются космодромы. Вначале у реки строится шалаш, потом вырастают дома, а вокруг них крепостные сооружения, затем прокладываются дороги и строятся мельницы, которые со временем сносятся из-за роста населения, на новых рубежах возникают заводы, мануфактуры и

прокладываются железные дороги. И так далее, вплоть до некоторых пределов роста, когда появляются космодромы. Или, как это уже случилось в прошлом, египетские пирамиды. А после создания эпохальных для своего времени творений люди покидают насиженные места. В результате там, где бурлила жизнь, археологи обнаруживают лишь ее следы.

Попытки оценки по ним (с помощью разных инструментов анализа) законов общественного развития приводят к разным результатам. Археологи, например, обнаруживают последовательно изменения видов архитектуры, оружия, домашней утвари, культуры быта. Историки — смены укладов общественной жизни, династий, правителей и т. д. Экономисты — смены хозяйственных укладов и общественных отношений.

Физики же видят в истории пространственно-временные закономерности и их производные. Например, энергию, как это сделал 90 лет назад Чижевский, обнаружив практически синхронную изменчивость социальной активности масс (энергии) и солнечной активности. Или Колмогоров, обнаруживший 55 лет назад гидродинамическую аналогию пульсаций финансовых и гидродинамических потоков [17]. Или 40 лет спустя после него Ю. Батулин, предложивший гидродинамическую аналогию для анализа процессов распада Советского Союза [1].

На этом подобие движения физических и социальных сред заканчивается. Дальше начинаются различия. В потоках воды, например, трудно зафиксировать отдельные сгустки (в опытах их, как правило, создают искусственно, как, например, вихри Кармана), а в обществе мы их наблюдаем постоянно. Это и толпы народа, время от времени собирающиеся на улицах, и более долговременные социальные и экономические структуры, города и государства. Все они, конечно, появляются и исчезают, но как цельность мы их наблюдаем достаточно долго. Точно так же в потоках воды из-за ее быстротечности трудно увидеть многочисленные волны, вызывающие хаотические пульсации течения, а в общественной жизни, из-за ее относительной медлительности, ученые фиксируют длинные волны экономики Кондратьева, волны Кузнеца и т. д.

Общим же, но менее изученным свойством этих двух типов течения является их изменяющийся характер от упорядоченного до хаотического и обратно. Оба пульсирующих течения способны также похожим образом откликаться на слабые внешние воздействия.

Только в потоках газа в их качестве выступают, например, акустические волны, а в потоках людей, как это показал Чижевский, солнечная активность.

Все это говорит о том, что потоки социальной и физической природы обладают схожими свойствами, многие детали которых, однако, мало изучены.

Но если гидродинамика исследована настолько, что позволяет на ее основе проектировать корабли, самолеты и ракеты, то народодинамика, назовем ее так, находится лишь в фазе становления.

В этих условиях задача описания хозяйственного движения среды, полную картину которой мы не видим, оказывается парадоксальной. Ее модели должны совмещать беспорядок в деталях с порядком в целом. Ю.М. Осипов назвал такую экономическую динамику «творящим хаосом».

Понятно поэтому, что для создания содержательной модели хозяйственного развития одного лишь качественного понимания предмета и знания его художественных образов недостаточно, поскольку они, несмотря на удивительные аналогии, не раскрывают механизма явления.

Тем не менее даже в этих фрагментах видно, что социальное и экономическое развитие обладает признаками турбулентности, такими как неустойчивость, неравномерность развития с неопределенными точно формами и границами движения.

Турбулентные закономерности народодинамики

1. *Амплитудно-частотные характеристики.* Принятое в естественных науках понимание того, что всякому движению среды (отраженному в наблюдаемых картинах) соответствует физический механизм, отражающийся в математических моделях, позволило физику и политику Ю.М. Батурину поставить в 1991 г. задачу поиска турбулентных закономерностей исторической динамики. Через три года появилась первая публикация на эту тему [2]. В ней был представлен график размеров наиболее известных государств древности и современности в зависимости от времени их существования (рис. 5).

АЕК — Египет (Древнее царство); НЕК — Египет (Новое царство); Gr — Древняя Греция; Bi — Британская империя; SU — Советский Союз; AV — Австро-Венгрия; GM — Греция А. Македонского; Ch — Китай; In — Индия; GB — Великобритания; Fr — Франция; Ge — Германия; It — Италия; Jap — Япония; Fin — Финляндия; Bel — Бельгия; US — США; Iz — Израиль; Mon — Монако; Sw — Швейцария; Es — Эстония; Li — Литва; Ri — Римская империя; Af — Греческий полис, Афины.

Рис. 5. Зависимость времени существования государства от его размера

На этом графике вместе с известными историческими данными показан закон Колмогорова о турбулентной зависимости линейных размеров флуктуаций от времени (прямая линия)¹⁰. Из этого графика следует, что, даже несмотря на большой разброс данных, аналогия исторического развития и турбулентного движения воды не лишена оснований.

Это сравнение показывает также, что разница между движением молекул воды и социальных масс заключается лишь в том, что жизнь изменяется веками, а брызги воды — долями секунды. Но закон пространственно-временных соотношений, отражающий механизм движения, у них один — турбулентный. В том же году, по гипотезе Колмогорова, был оценен длинный цикл экономики России 78 годами. И на этой основе построен оптимистический сценарий развития страны на 1998 — 2076 гг. (см.: [5]).

¹⁰Закон Колмогорова $T \sim L^{2/3}$, T — период флуктуаций, L — пространственный размер флуктуаций.

Это был первый пример анализа исторической динамики с позиций турбулентной гипотезы, однако не первый опыт применения этой гипотезы в гуманитарных науках. Первый, насколько нам известно, принадлежит автору турбулентной гипотезы — Колмогорову [17]. В графической форме он показан на рис. 6.

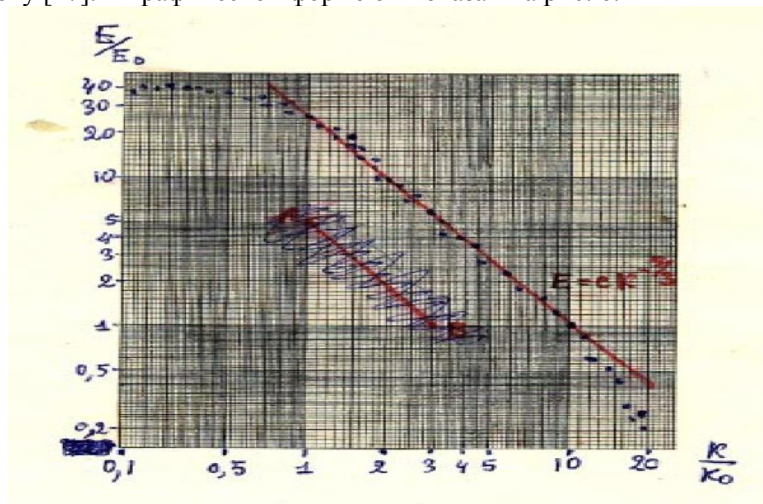

Рис. 6. Подобие спектров колебаний гидродинамических и финансовых (В) потоков, обнаруженное Колмогоровым (его авторский рисунок)

Колмогоров в начале 1940-х гг. открыл закон распределения энергии в турбулентных потоках, который, исходя от того, что анализируется — зависимость ли амплитуды флуктуаций от частоты или спектральной плотности флуктуаций от частоты — носит название закона 2/3 или закона 5/3¹¹.

Последний закон 5/3 и показан прямыми линиями на рис. 6.

Колмогоров, в отличие от авторов исследования исторической динамики (размеры флуктуаций которых измеряются веками и сотнями километров), анализировал в миллионы раз более высокочастотные гидродинамические флуктуации, измеряемые долями

¹¹ Закон 2/3 — $f \sim 1/L^{2/3}$ (или $T \sim L^{2/3}$), закон 5/3 — $E \sim 1/f^{5/3}$, где f — частота флуктуаций, T — период флуктуаций, L — пространственный размер флуктуаций, E — спектральная плотность флуктуаций.

секунды, поэтому он использовал спектральный анализ опытных данных. Как видно из рис. 6, теоретическая модель Колмогорова удовлетворительно описала самый продолжительный участок спектральной функции, обозначенный его формулой. Рассматривая много позже — в 1960-х гг. — результаты спектрального анализа колебаний финансовых потоков, он также увидел в них закон $5/3$, обозначенный буквой B . Однако и для финансовых потоков, и для исторических флуктуаций разброс эмпирических данных оказался во много раз больше, чем для гидродинамических. Такая же особенность спектральной функции, как это видно на рис. 7, была обнаружена Соловьяновым и нами в динамике роста энергопотребления и народонаселения [11].

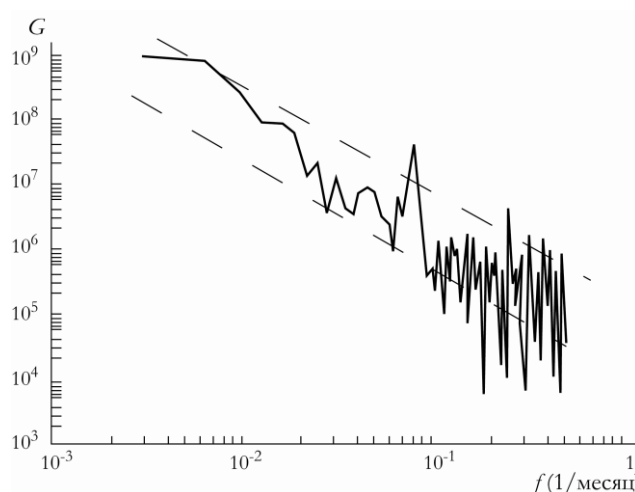

Рис. 7. Частотный спектр колебаний прироста населения, сопоставление статистических данных (кривая) с законом Колмогорова (штриховые линии)

Спустя почти тридцать лет после Колмогорова аналогичную закономерность установили в финансовых потоках американские ученые (см.: [16]).

Немного позже — в середине 1990-х — закон Колмогорова был обнаружен в колебаниях распашки земли в США (см.: [18]). А в начале 2000-х и в распределениях энергетических мощностей в России [8] и объемах вылова рыбы [9].

А в 2016 г. аналогичную «колмогоровскую» (степенную) зависимость удалось установить А.Н. Клепачу и автору статьи в длинных волнах экономики (она показана на рис. 8).

Таким образом, к настоящему времени собран достаточно объемный эмпирический материал, свидетельствующий о присутствии в социальных процессах турбулентных закономерностей развития, но достаточно специфичных закономерностей.

Так, во всех социальных и экономических флуктуациях видны не строго детерминированные закономерности, а широкие каналы неопределенности развития.

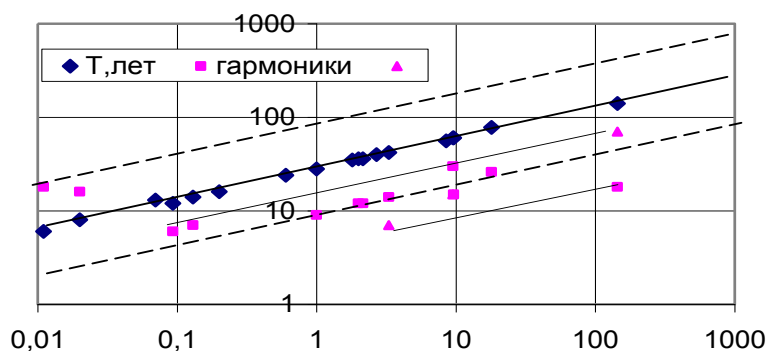

Рис. 8. Зависимость длины экономических волн различных государств от размеров их территории (сплошная линия — основная волна, штриховые — гармоники и обертоны). Сравнение с законом Колмогорова (прямые линии)

Такое положение дел требует объяснений.

Обратим в этой связи внимание на то, что в силу большой длительности социальных и экономических флуктуаций мы можем наблюдать их не только в среднем — как в гидродинамике, но и целиком — от начала и до конца.

2. *Длинные волны экономики.* Как известно, о существовании длинных волн экономики первым заявил Кондратьев, который обнаружил их в вековых рядах экономических индикаторов. Тогда он смог лишь качественно описать это явление. Сегодня же, после появления турбулентной гипотезы экономики [13], которая предполагает существование двух качественно различных видов волн ро-

ста: деловой активности (пассионарности) и объемов хозяйственной деятельности субъектов экономики¹², длинные волны оказалось возможным не только обнаружить в хаосе первичных данных, но и рассчитать. (Как это сделано в докладе МГУ в 2015 г. «Стратегическое управление в российской экономике в условиях мировой турбулентности» (под ред. А.Н. Клепача) по заказу Фонда «Диалог цивилизаций».)

Примеры подобных волновых закономерностей демонстрируют результаты измерений ежегодного прироста народонаселения отдельных стран и их ВВП (рис. 9, 10).

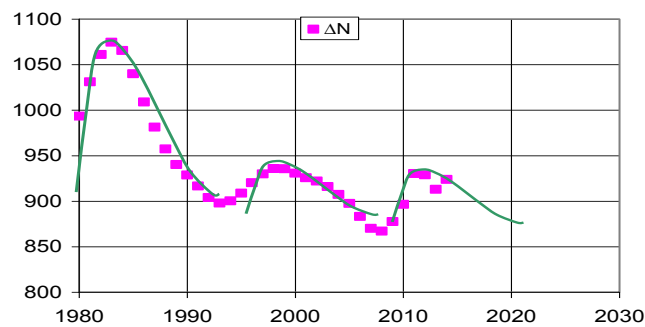

Рис. 9. Прирост населения Турции 13 — 14-летними гармониками ее собственной 27-летней длинной волны (тыс. чел.)

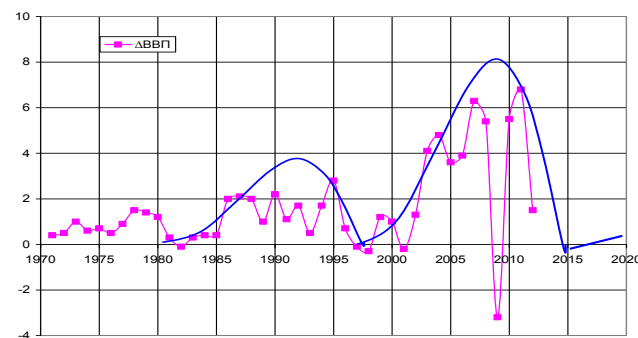

Рис. 10. 17—18-летние гармониками глобального 140-летнего цикла прироста ВВП мировой экономики

¹²Пассионарность $P \sim (1-t/T)^2 (t/T)^{2/3}$, прирост объемов хозяйственной деятельности $O \sim (1-t/T)^{2/3} (t/T)^2$, где t/T — фаза волны.

Как видно, волновые закономерности удовлетворительно описывают эмпирические данные, представленные в этом докладе. Их же детальное сопоставление с турбулентной моделью показывает, что демографические волны неплохо рассчитываются в среднем, а для экономических волн модель показывает лишь верхнюю границу возможных колебаний индикаторов (т. е. границу неопределенности).

Дальнейшие исследования проблемы позволили выявить в волновой динамике качественно различные фазы экономического роста (термин ввел академик РАН А.И. Анчишкин в 1980-х гг.), зависящие от этапа развития экономики (табл. 1).

Таблица 1

Фазы длинной волны экономики

Фаза	Содержание
0	Начало волны, перерождение
1/8,	Поиск целей развития
1/4	Начало подъема, восхождение
1/2	Достижение цели и закрепление результатов (кризис целей)
2/3	Достижение социального благополучия
3/4	Начало системного кризиса и поиска путей его преодоления
7/8	Перелом
1	Начало следующей волны

Качественно несколько иной (но тоже волновой) характер установлен в 1995 г. в динамике роста площади исторической России [7] и прироста площадей посевов пшеницы в США. Их графики показаны на рис. 11—12. Как видно, турбулентная модель [10; 13] и в этом случае позволила не только обнаружить волновые закономерности, но и описать их теоретически¹³.

Аналогичные волны были обнаружены в динамике пространственного, демографического и экономического развития ЕС, которые позволили в 2013 г. сделать прогноз об исчерпании потенциала развития союза после 2016 года [12].

¹³ Уравнение для флуктуаций — $L^{2/3} / (1-L/R) \sim t$, где L/R — относительный линейный размер флуктуации, t — время

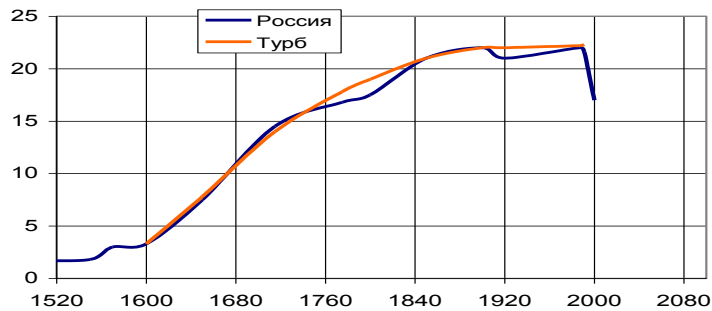

Рис. 11. Площадь территории России, млн. км². Сравнение исторических данных с турбулентной моделью (построено автором)

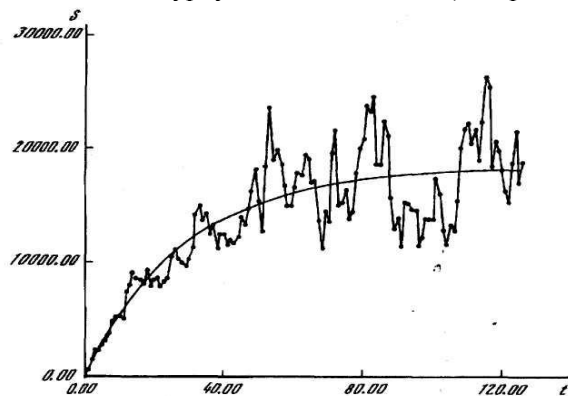

Рис. 12. Прирост площадей посевов пшеницы в США, тыс. га [8]

Несмотря на удовлетворительный характер описания теоретической моделью нелинейных закономерностей экономической динамики, на рис. 5—12 хорошо видно, что ее возможности точного расчета ограничены.

В чем причина этого?

Неопределенность социально-экономического развития

Не просите у человека то, чего у него нет, например, любви.

Неизвестный автор

На ограниченные возможности теоретического описания экономической динамики обращали внимание многие ученые. По мне-

нию Ю.М. Осипова, например, неопределенность является отличительной особенностью поведения экономики, а не недостатком ее теоретического описания. Поскольку экономикой управляют не строго определенные силы, а нечто, что не научились еще учитывать: гибкость, подвижность и дискретность изменения таких ее показателей, как стоимость. В силу этой неопределенности, считает Ю.М. Осипов, известные экономисты, как, например, Дж. Кейнс, полагали, что бюджет хозяйства может быть несбалансирован. В то же время необходимо понимать, что неопределенность содержит в себе как деструктивное, так и конструктивное начала, поскольку расширяет условия для свободной хозяйственной деятельности и научных открытий, которые стимулируют развитие. Хаос как бы делает экономику живой, в отличие от советского Госплана, который разрушил ее чрезмерно строгими планами. Поэтому, по мнению Осипова, механизм хозяйственного развития должен проявляться в видимой хаотичности экономических действий, порождающих тем не менее закономерное в среднем развитие.

Аналогичного мнения придерживался и Д. Норт: «Как правило, экономисты не задумываются о структуре, которая накладывается на сознание... для уменьшения неопределенности. Экономисты также не считаются с динамической природой мира...». Поэтому «институты... создаются для снижения неопределенности поведения физической и социальной сред».

Алан Гринспен, бывший много лет главой ФРС США, в своей книге: «Эпоха турбулентности» [3], которая в переводе на русский язык получила название «Эпоха потрясений», попытался если и не ответить на вопрос о причинах неопределенного, или турбулентного, поведения социально-экономических систем, то его обозначить.

Одновременно с книгой Гринспена Экономико-аналитическим институтом МИФИ в сотрудничестве с Центром общественных наук МГУ была издана книга под названием «Экономика хаоса» [10]. И если в первой книге речь шла об уникальном опыте регулирования мировой экономики, то во второй анализировался турбулентный механизм движения общественной среды, порождающий неопределенность финансово-экономических изменений.

Любопытными словами заканчивалась вторая книга: «Оценки показывают... что в краткосрочной перспективе ситуация в мировой экономике может достигнуть критического предела в

2008/2009 г. или 2011/2012 г., что может вызвать глобальные последствия, сопоставимые либо с резким всплеском цен на нефть до 200 долл. за баррель, либо сопровождаться катастрофическими событиями, подобными Нью-Йорку в 2001 г.».

Теперь мы хорошо знаем, что цена нефти действительно резко изменилась в 2008—2009 гг. и даже значительней, чем мы предполагали. Правда, она не выросла в 2 раза, а упала в 4, а в 2011—2012 гг. началась серия катастрофических событий в Ливии, Сирии и других странах Востока, конца которым не видно до сих пор.

Физическая модель течения общественной жизни, как видно на этом примере, оказывается эффективной лишь в определении времени потрясений (неопределенности, турбулентности), но не их содержания. Объясняется это не только незавершенностью модели, но и физическими особенностями общественной среды. Эта среда многосложна и многокачественна. Поэтому ее отклик на те или иные воздействия принципиально многозначен. Это в инертных потоках жидкости внешнее давление, согласно закону Паскаля, передается во все стороны одинаково, а в физически активных средах оно может вызвать и химические реакции, и фазовые переходы. Так и внешние воздействия на экономику в виде, например, торгового эмбарго могут вызвать как сокращение потребления и в результате затухание экономики, так и ее фазовый переход в виде структурной перестройки (импортозамещение), войны или революции. Не зная в каждом конкретном случае степень устойчивости общества и бесконечно широкий спектр возможных воздействий, можно прогнозировать только изменение его макропараметров, таких как деловая и социальная активность или объемы производственной деятельности, как это и делали первые циклисты. Причем прогнозировать не однозначную траекторию развития, основываясь на принципах детерминизма, а лишь некий коридор возможных изменений состояния общества в численной или образной форме — как, например, это представлено в табл. 1 в виде точек, разделяющих различные фазы развития.

О принципиальной неопределенности поведения социальных систем говорит не только общественная наука, но и драматургия, опыт которой трансформировался в один из принципов кинорежиссера Н.С. Михалкова, согласно которому смысл драматического произведения необходимо доносить до зрителя не только путем строгого следования тексту, но и непредсказуемостью мизансцен.

Для драматургии также непреложным принципом является авторский характер творческого произведения.

О том же говорит и Кейнс, считая, что «...идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром».

Как работает принцип авторства в общественной жизни (и каковы его ограничения) можно видеть на примере управления Центральным Банком России в 1990-х гг. курсовой динамикой доллара. На рис. 13, например, показан закономерный в целом (в рамках некоего коридора возможных вариаций, установленного нами в 1994 г.) характер обесценивания рубля. В этом коридоре глава тогдашнего ЦБ Геращенко оставил в октябре 1994 г. свой «автограф», когда вначале допустил обесценивание рубля в два раза с 2000 до 4000, а на следующий день установил его на отметке 3000 р./дол.

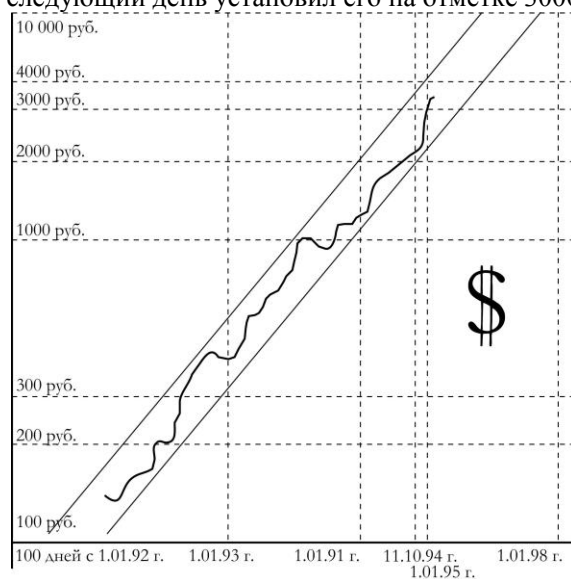

Рис. 13. Сопоставление прогноза курса доллара с реализацией [6]

Этот рис. 13 вместе с комментарием раскрывает один из аспектов роли личности в истории. Оказывается, только личность и разрешает неопределенность поведения системы в рамках некоего

объективного существующего (т. е. закономерного) канала развития.

Физические причины неопределенности поведения больших систем (к которым, относятся системы, состоящие более чем из двух частиц) впервые сформулировал Пуанкаре, обратив внимание, как об этом писал И. Пригожин, на неинтегрированность уравнений их описания. Из этого принципа следует, что с ростом численности систем начинает изменяться их качество, и из суммы описаний всех элементов больших систем не вытекает модель их поведения в целом, — как это хорошо известно для биологических систем.

Любопытно, но аналогичного представления о сложности систем придерживаются индейцы Южной Америки (до сих пор сохранившие первобытный образ жизни), которые знают лишь два числа — один и два, а все остальное называют либо словом «много», либо «куча».

Как показывают эти примеры образного и строго математического мышления, неточное числовое описание систем или явлений не означает неверное, ненужное или непрактичное. К нему следует относиться лишь как к отличительной особенности некоторых природных систем (точно так же, как в квантовой физике относятся к принципу неопределенности Гейзенберга).

Тем более, что с неопределенностью поведения макросистем подобного рода физики уже научились справляться.

В.П. Мотулевич, например, предложил метод относительного соответствия для решения тепло и гидродинамических задач [14], согласно которому описать наиболее вероятное поведение системы на ограниченных интервалах времени и пространства можно путем сопоставления полукачественной теоретической модели с опытными данными. Как это сделать практически, показывает образная математика [4]. С ее помощью можно осуществлять прогнозные оценки, не прибегая к вычислениям. Так, для получения оценочных величин прироста в будущем ВВП субъекта экономики достаточно наложить графический образ турбулентной модели волны (показанный на рис. 9, 10) на имеющуюся последовательность статистических данных, как это представлено на рис. 14. В результате такого сопоставления измерительных данных о приросте ВВП Мексики с турбулентной волной ее расчетной 35-летней продолжительности можно получить ряд содержательных выводов. Например, прийти к заключению, что после 2016 г. длинная волна экономики страны вошла в фазу своего завершения. В этом периоде, согласно табл. 1, в обществе высоко вероятны кризисные социальные и политические

процессы. Кроме этого, на графике мы видим диапазон наиболее вероятных значений прироста ВВП страны в ближайшие 5 лет, по которым можно определить наиболее вероятные объемы валового продукта в ближайшие годы.

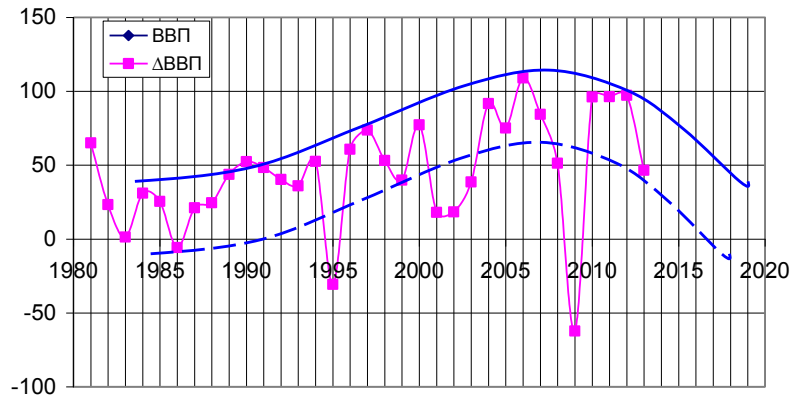

Рис. 14. прирост ВВП Мексики, млрд дол. США.

Сравнения фактических данных с графиком турбулентной волны расчетной 35-летней продолжительности 1985—2020 гг.

Турбулентные плоды социальной самоорганизации или социальные атомы

Анализируя график на рис. 12, можно заметить, что сельское хозяйство США (шире — экономическая система) по мере роста площадей посевов пшеницы выходит на некие предельные уровни развития, которые, с одной стороны, сопровождаются возникновением длинноволновых колебаний, а, с другой, возникновением устойчивых хозяйственно-экономических систем (образно говоря, «социальных атомов») [7].

Объективное и независимое существование устойчивых макроэкономических структур имеет принципиальное значение. Дело в том, что они встречаются во всей известной человеку природе. В обществе это государства, города, предприятия и т. д., в природе — физические атомы, биологические структуры и т. д., для которых Кузьмин и Жирмунский установили закон критических уровней

развития¹⁴. Только благодаря долговременной устойчивости таких структур и могут происходить в них многократные циклические колебания (длинные волны Кондратьева).

Площадь устойчивых структур экономики ($S = L^2$) и определяет, по Колмогорову, длину цикла. В этом смысле длинную волну экономики, как и устойчивый размер социального атома, можно рассматривать некими физико-экономическими константами общественного развития. Со временем в них вписывается любое растущее общество. (Общество, как и младенец, как бы изначально знает период и предельные размеры своего созревания [13].)

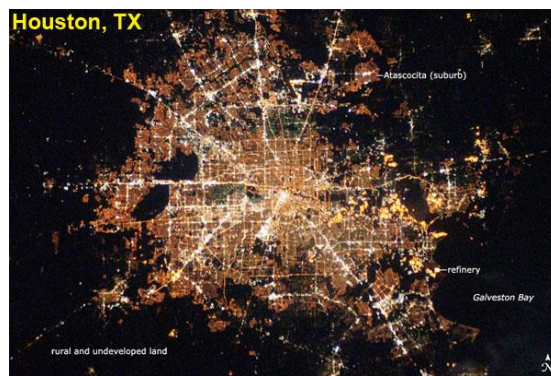

Рис. 15. Примеры социально-экономических структур (социальных атомов) Москвы и Хьюстона

¹⁴Критические уровни развития подчиняются экспоненциальному закону Кузьмина — Жирмунского, например, ВВП $\sim \exp(n)$, где n — ряд натуральных чисел.

Как пользоваться неопределенными законами народодинамики?

Первое, что я спрошу Бога,
когда явлюсь перед ним, что такое
турбулентность?

Прандтль

Господь Бог хоть и коварен,
но не злонамерен.

А. Эйнштейн

Несмотря на значительное количество собранных к настоящему времени измерительных данных, свидетельствующих о турбулентном характере развития общества, необходимо вслед за Прандтлем (заложившим краеугольный камень в изучение физики этого явления) признать, что общую картину турбулентности мы не знаем.

А перефразируя Эйнштейна, можно сказать, что, хотя наши знания о турбулентности ограничены и выражаются не точными уравнениями, как законы классической механики, а лишь пропорциональными выражениями, они полезны — поскольку говорят о наиболее вероятных направлениях развития социально-экономических систем и вдобавок о границах неопределенности их развития.

В этих условиях движение народных масс (и, как следствие, макроэкономические изменения) следует рассматривать именно как ограниченно определенные (турбулентные) — и лишь на малых временах и в локальных объемах (как это, например, имеет место в микроэкономике) — детерминированные. (Поэтому обширный опыт микроэкономики оказывается ограниченно применимым к макроэкономике, что обуславливает большие трудности для классических образованных экономистов при анализе долговременных исторических и макроэкономических процессов.)

Тем не менее незавершенность теоретической модели социальной турбулентности может свидетельствовать о неисчерпанном еще ее высоком «объяснительном» потенциале. Поскольку основные результаты новые теории, как правило, приносят именно в стадии своего становления (поскольку для этого они и создаются).

В силу этих отличительных особенностей народодинамики и макроэкономики для их понимания необходима совершенно другая философия — *философия хозяйства*, основы которой 100 лет назад заложил Сергей Булгаков и которая современный облик приобрела в трудах Ю.М. Осипова [15].

В описанных же выше закономерностях народодинамики сделаны первые наброски формально-математической основы натуральной философии хозяйства.

Перечислим кратко ее принципы:

- относительные размеры устойчивых социально-экономических структур определяются экспоненциальным законом Кузьмина — Жирмунского;

- относительные размеры длинных волн экономики описываются законом $2/3$ Колмогорова;

- максимальный прирост ВВП и пассионарность рассчитываются по модели длинных волн Клепача и Доброчеева;

- качественное содержание основных фаз длинной волны отражено в табл. 1.

- изменения макроэкономических индикаторов на ограниченном пространстве (в пределах социального атома) и на относительно коротких интервалах времени (в длинных циклах) можно оценить методами образной математики.

Отвечая же на вопрос, поставленный в начале статьи, о том, как из хаоса возникает общественный порядок, мы должны ответить — только в процессе решения таких крупных народнохозяйственных задач, как египетские пирамиды, английские железные дороги или советские космодромы... Подобные задачи формулируют великие гуманисты, ученые, философы, писатели и фантасты, реальный облик придают крупные политические деятели и экономисты, в жизнь воплощают инженеры и строители, а плодами пользуется все человечество.

Литература

1. Батурин Ю.М. Ледоход истории // Сегодня. 1991. № 1.
2. Батурин Ю.М., Доброчеев О.В. История как частный случай физики // Столица. 1994. № 10.
3. Гринспен А. Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы // М.: Альпина Бизнес Бук, 2007.

4. *Добро́чев О.В.* Образная математика для экономистов // *Философия хозяйства*. 2015. № 1.
5. *Добро́чев О.В.* Россия 2006 года — лидер мировой экономики. Оптимистический сценарий // *Независимая газета*. 1994. 19 авг.
6. *Добро́чев О.В.* Физика жизни, или Инструментальная метафизика // *Философия хозяйства*. 2016. № 5.
7. *Добро́чев О.В.* Физические закономерности общественного развития // *Общественные науки и современность*. 1996. № 6.
8. *Добро́чев О.В., Алексеев Е.Е.* Естественнонаучные основы долгосрочного прогнозирования и перспективные оценки для мировой и российской ядерной энергетики. М.: ИАЭ, 2007.
9. *Добро́чев О.В., Добро́чева О.В.* Атомы хозяйственной жизни и природы // *Философия хозяйства*. 2007. № 1.
10. *Добро́чев О.В., Коваль Ю.А.* Экономика хаоса. М.: МИФИ, 2007.
11. *Добро́чев О.В., Соловьянов А.А.* О подобии колебаний в энергетическом производстве и социально-экономических процессах // *Энергетическая политика*. 1995. № 1.
12. *Добро́чев О.В., Шнепс-Шнеппе М.* Евророссия или Gerussia // *Международная экономика*. 2013. № 7, 9, 11.
13. *Клепач А.Н., Добро́чев О.В.* Ансамбль экономических волн, или Турбулентная гипотеза экономики // *Философия хозяйства*. 2015. № 6.
14. *Мотулевич В.П.* Метод относительного соответствия и его применение в задачах тепло- и массообмена // *Инженерно-физический журнал*. 1968. № 1.
15. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства. М.: МГУ, 2006.
16. *Пер Бак, Кан Чен.* Самоорганизованная критичность // *В мире науки*. 1991. № 3.
17. *Ahiraev A.N.* Kolmogorov and Turbulence. MPS-misc. 1999 — 12: [Электронный ресурс]. URL: www.maphysto.dk.
18. *Alekseev E.E., Dobrocheev O.V.* The Fluctuation Analysis and Simulation of the USA and Russian Agriculture Production // *Risk Analysis and Management in Global Economy*. Stuttgart, 1995.

References

1. *Baturin Yu.M.* Ledokhod istorii // *Segodnya*. 1991. № 1.
2. *Baturin Yu.M., Dobrocheev O.V.* Istoriya kak chastnyj sluchaj fiziki // *Stolitsa*. 1994. № 10.

3. *Grinspen. A.* EHPokha potryasenij. 2007.
4. *Dobrocheev O.V.* Obraznaya matematika dlya ehkonomistov // *Filosofiya khozyajstva.* 2015. № 1
5. *Dobrocheev O.V.* Rossiya 2006 goda — lider mirovoj ehkonomiki. Optimisticheskij stsenarij // *Nezavisimaya gazeta.* 1994. 19 avg.
6. *Dobrocheev O.V.* Fizika zhizni, ili Instrumental'naya metafizika // *Filosofiya khozyajstva.* 2016. № 5.
7. *Dobrocheev O.V.* Fizicheskie zakonomernosti obshhestvennogo razvitiya // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'.* 1996. № 6.
8. *Dobrocheev O.V., Alekseev E.E.* Estestvennonauchnye osnovy dolgosrochnogo prognozirovaniya i perspektivnye otsenki dlya mirovoj i rossijskoj yadernoj ehnergetiki. M.: IAEH, 2007.
9. *Dobrocheev O.V., Dobrocheeva O.V.* Atomy khozyajstvennoj zhizni i prirody // *Filosofiya khozyajstva.* 2007. № 1.
10. *Dobrocheev O.V., Koval' YU.A.* EHkonomika khaosa. M.: MIFI, 2007.
11. *Dobrocheev O.V., Solov'yanov A.A.* O podobii kolebanij v ehnergeticheskom proizvodstve i sotsial'no-ehkonomicheskikh protsessakh // *Ehnergeticheskaya politika.* 1995. № 1.
12. *Dobrocheev O.V., Shnep's-Shneppe M.* Evrorossiya ili Gerussia // *Mezhdunarodnaya ehkonomika.* 2013. № 7, 9, 11.
13. *Klepach A.N., Dobrocheev O.V.* Ansambl' ehkonomicheskikh voln, ili Turbulentnaya gipoteza ehkonomiki // *Filosofiya khozyajstva.* 2015. № 6.
14. *Motulevich V.P.* Metod otnositel'nogo sootvetstviya i ego primenenie v zadachakh teplo- i massoobmena // *Inzhenerno-fizicheskij zhurnal.* 1968. № 1.
15. *Osipov Yu.M.* *Filosofiya khozyajstva.* M.: MGU. 2006.
16. *Per Bak, Kan CHen.* Samoorganizovannaya kritichnost' // *V mire nauki.* 1991. № 3.

Ю.В. ЯКОВЕЦ

Новое видение теории и истории будущего цивилизации в России*

Аннотация. В статье излагаются новые взгляды на 2500-летнюю историю цивилизации на территории современной России (с начала греческой колонизации Причерноморья в V в. до н. э.), основные этапы развития цивилизации (смешанная греко-скифская цивилизация — 1000-летнее Боспорское (Босфорское) царство, восточно-славянская цивилизация — Новгородско-Киевская Русь, евразийская цивилизация — Московское царство, Российская империя, СССР. Доказывается, что первые книги по теории цивилизации, опубликованные в России, — академика Андрея Шторха (1815) и Амвросия Метлинского (1838). Обосновываются перспективы и стратегия возрождения евразийской цивилизации в новом формате и ее лидерство в формировании гуманистически ноосферной цивилизации и многополярного мироустройства, основанного на диалоге и партнерстве цивилизаций.

Ключевые слова: история цивилизации, греко-скифская цивилизация; Боспорское царство, восточно-славянская цивилизация, Новгородско-Киевская Русь, евразийская цивилизация, теория цивилизаций, российская цивилизационная школа, возрождение российской цивилизации.

Abstract. The new views are stated of the 2500-year civilization history in the territory of modern Russia (since the beginning of the Greek colonization of Black Sea Coast in 5 century BC), the main stages of civilization development (the mixed Greek-Scythian civilization — the 1000-year Bospor kingdom, an east Slavic civilization — Novgorod and Kiev Rus, the Euroasian civilization — the Moscow kingdom, the Russian Empire, the USSR) in the report of the founder and the head of modern Russian civilization school professor Yakovts Yu.V. It is proved

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Яковец Ю.В. Новое видение теории и истории будущего цивилизации в России // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 82— 102.

that the first books on the theories of a civilization published in Russia by academician Andrey Shtorkh (1815) and Ambrose Metlinsky (1838). Prospects and the strategy of the Eurasian civilization revival are proved in a new format and her leadership in formation humanistically of a noosphere civilization and the multipolar world order based on dialogue and partnership of civilizations.

Keywords: civilization history, Greek-Scythian civilization, Bosphor kingdom; east Slavic civilization, Novgorod Kievan Rus', Euroasian civilization, theory of civilizations, Russian civilization school, revival of the Russian civilization.

УДК 008

ББК 1

Ядро интегральной парадигмы обществознания

Периоды научных революций — а именно такая революция развертывается в мире с конца XX в. в период смены сверхдолгосрочных цивилизационных циклов исторических эпох — происходят тектонические сдвиги содержания и структуры научного знания, формируется новая общенаучная парадигма (научная картина мира, отражающая реалии радикально изменившегося общества и его взаимодействие с природой и служащее основой для принятия стратегических решений).

В условиях эволюционного развития науки тенденции дифференциации научных дисциплин и углубления специализации ученых сменяется преобладанием обратной тенденции интеграции различных отраслей знания и выделения новых, синтетических областей в результате междисциплинарных исследований, позволяющих выделить целостную картину радикальных перемен в обществе, природе и их взаимодействия. Проявляется тенденция естественнонаучного знания и общественных наук, отмеченная Н.Н. Моисеевым в докладе на общем собрании АН СССР осенью 1990 г. [7].

Одним из проявлений такой тенденции является формирование науки о цивилизациях (цивилиографии), лидирующей в мире российской цивилизационной школы за последнюю четверть века.

Краеугольные камни науки о цивилизациях заложены мыслителями XX — XXI вв. Андреем Шторхом (1815), Франсуа Гизо (1828—1931), Амвросием Метлинским (1838), Томасом Боклем (1859), Николаем Данилевским (1869), Освальдом Шпенглером

(1918), Питиримом Сорокиным (1939—1941, 1964), Арнольдом Тойнби (цикл монографий по истории цивилизаций), Элвином Тоффлером (1980).

Синтезируя и развивая накопленные знания, опираясь на результаты научно-цивилизационных экспедиций и осмысливая радикальные перемены в мире цивилизаций в результате глобального кризиса конца XX — начала XXI в., российские ученые сформировали целостную систему взглядов на теорию, историю и будущее цивилизаций (мировых, локальных и глобальной) и обосновали сценарий их развития на период до середины XXI в.

Это нашло выражение в наших монографиях: «У истоков новой цивилизации» (1993), «История цивилизаций» (1995—1997), «The Past and the Future of Civilizations», «Глобализация и взаимодействие цивилизаций» (2001—2003), Е.Б. Черняка «Цивилиография (наука о цивилизациях)» (1996), Н.Н. Моисеева «Судьба цивилизации: путь разума» (1998), «Быть или не быть человечеству» (2001) [6], в 6-томном труде Б.Н. Кузика, Ю.В. Яковца «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее» (2006, 2008, 2009), в глобальном прогнозе «Будущее цивилизаций на период до 2050 года» (опубликован в десяти частях 2008—2009 гг.), в учебнике Ю.В. Яковца и С.Н. Фараха «Диалог и партнерство цивилизаций» [17], в монографиях Ю.В. Яковца, А.А. Акаева, А.Г. Савойского «Мир цивилизаций 2100 — научная утопия XXI века», Ю.В. Яковца и Е.Е. Растворцева «Система долгосрочных целей устойчивого развития цивилизаций» [16].

В этих фундаментальных работах дано новое понятие категории цивилизации как единства локальных, мировых и глобальной цивилизации; раскрыты циклично-генетические закономерности динамики цивилизаций, их шестимерная структура генотипа цивилизации, определено содержание современного глобального кризиса как кризиса цивилизационного, обусловленного сменой сверхдолгосрочных цивилизационных циклов; исследованы сценарии будущего цивилизаций — становления интегральной гуманистически ноосферной мировой цивилизации пятого поколения при лидерстве Востока — третьего исторического суперцикла динамики глобальной цивилизации.

Выработанные фундаментальные научные знания послужили основой для выработки долгосрочной стратегии динамики цивилизаций, их диалога и партнерства, преодоления цивилизационного

кризиса и выхода на траекторию устойчивого развития в условиях многополярного мироустройства. Это нашло выражение в подготовленных и представленных в ООН и другие международные организации научных докладах «Основы долгосрочной стратегии глобального устойчивого развития на базе партнерства цивилизаций» (2011), «Научные основы преодоления цивилизационного кризиса и выхода на траекторию глобального устойчивого развития» (2013), «Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС» (2014), «Стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций» (Доклад Ялтинского цивилизационного клуба, 2017).

Таким образом, Россия находится в эпицентре формирования новой, интегральной парадигмы общественности, отвечающей реалиям радикально меняющегося общества в XXI в., становления новой синтетической отрасли знания — цивилиография, синтезирующей достижения ряда отраслей общественных наук (социологии, истории, экономики, политологии, культурологии, демографии), а также учение о ноосфере и экологических наук.

Результатом этого научного прорыва является выработка нового видения теории, истории и будущего цивилизации на территории современной России. Показано, что именно здесь впервые были сформированы основы теории цивилизации (Андрей Шторх, Амвросий Метлинский, Николай Данилевский); что история цивилизации здесь началась с греческой колонизации VI—V вв. до н. э. и прошла три этапа (греко-скифская, восточно-славянская и евразийская локальная цивилизации) и цивилизационная катастрофа конца XX в. состоит в возрождении евразийской цивилизации в новом формате и с новым содержанием до середины XXI в.

Эти новые положения обогащают знания об истории и будущем цивилизации в России и должны найти отражение не только в научных исследованиях, но и в системе гуманитарного образования, в формировании мировоззрения нового поколения¹⁵.

Формирование теории цивилизаций в России

В российской и зарубежной научной и образовательной литературе преобладает мнение, что источником формирования теории и истории цивилизации является Западная Европа, публикация мо-

¹⁵Литературу по теме см.: [1—17].

нографии французского историка Франсуа Гизо «История цивилизации во Франции» (1928) и «История цивилизаций в Европе» (1931), а также английского мыслителя Томаса Бокля «История цивилизации в Англии» (1959).

Однако наши исследования показали, что истоком теории цивилизации является Россия. В 1815 г. в Санкт-Петербурге была опубликована книга «Курс политической экономии» первого российского академика экономиста (впоследствии вице-президента Российской императорской академии наук) Андрея Шторха, вторая часть которого носила название «теория цивилизаций».

В отличие от Адама Смита Андрей Шторх считал, что предметом политической экономии является не только сфера производства, обмена и распределения материальных благ (товаров), но и создание, потребление нематериальных благ — элементов цивилизации (здоровье, образование, культура, культ, религии, а также внутренняя и внешняя безопасность), и что государство должно обеспечивать приоритетное развитие элементов цивилизации, которые не имеют товарного характера.

Эти взгляды получили развитие в книге харьковского ученого Амвросия Метлинского «О сущности цивилизации и значении элементов» (1838). Развивая идеи Андрея Шторха, Метлинский особое значение придавал языку как носителю цивилизации.

Если Андрей Шторх и Амвросий Метлинский заложили краеугольные камни общей теории цивилизации, то Николай Данилевский в монографии «Россия и Европа» (1859) заложил основы теории локальных цивилизаций как культурно-исторических типов развития общества. Его идеи были развиты Освальдом Шпенглером в нашедшей монографии 1918 г. «Закат Европы».

В XX в. свой вклад в развитие теории цивилизации внесли Владимир Вернадский и Питирим Сорокин. В трудах Владимира Вернадского подчеркивалась чрезвычайная древность истории цивилизации и отмечалась роль науки, периодических взрывов научного творчества, движение цивилизации от ступени к ступени, он подчеркивал значение научной мысли, формирование ноосферы как исторической ступени развития цивилизации.

Питирима Сорокин не только классифицировал известные в то время теории цивилизации и подчеркнул особенности и неповторимость каждой цивилизации, но и в своем 4-томном фундаментальном труде «Социальная и культурная динамика» (1939 — 1941,

сокращенный вариант 1957) раскрыл исторические этапы и направления трансформации цивилизации в течение двух с половиной тысячелетий на примере преимущественно Западной Европы. Он ввел в научный оборот категорию социокультурного строя, по сути дела характеризующего все составные части генотипа цивилизации и раскрыл историческую закономерность периодических флуктуаций (циклических колебаний), смены идеационального (сверхчувственного) и интегрального социокультурного строя. В монографии «Главные тенденции нашего времени» (1964) Пителим Сорокин обосновал прогноз смены преобладающего на Западе чувственного социокультурного строя интегральным строем, который будет соединять в себе лучшие черты капитализма и социализма. Он открыл социальный закон флуктуации тоталитаризма и свободы и закон негативной и позитивной моральной и религиозной поляризации в период смены цивилизационных циклов.

В период глубочайшего цивилизационного кризиса в СССР 1990-х гг. вновь вспыхнул интерес к теории и истории цивилизации. Появился ряд монографий и учебников по этим проблемам, были заложены основы формирования современной российской цивилизационной школы.

На Международной научной конференции в марте 1992 г., посвященной столетию со дня рождения Николая Кондратьева, нами обоснована необходимость перехода от формационного к цивилизационному подходу к истории и будущему человечества, определены основные черты ведущей постиндустриальной цивилизации, вдвинута идея смены цивилизационных циклов и исторических суперциклов, дан смелый прогноз смены мировых цивилизаций до середины третьего тысячелетия с учетом закона сжатия исторического времени. Эти идеи были изданы в 1993 г. на русском и английском языках в монографии «У истоков новой цивилизации», которая докладывалась на Конгрессе Всемирной Федерации исследований будущего в городе Турку (Финляндия) осенью 1993 г., а затем в монографиях «История цивилизаций: путь разума» (1995, 1997), изданной в США в 2000 г. монографии «The Past and the Future of Civilizations».

В 1998 г. нами на III Международной Кондратьевской конференции была развита теория локальных цивилизаций и определен характер их взаимодействия от столкновения до партнерства. Эти взгляды были отражены в монографии «Глобализация и взаимодей-

стве цивилизаций» (2001—2003) и в докладах «О взаимодействии цивилизаций Востока и Запада» (2001) и «О роли Санкт-Петербурга во взаимодействии цивилизаций Востока и Запада» (2003). В 2001 г. на IV Международной Кондратьевской конференции в Москве была одобрена концепция становления многополярного мира на началах диалога и партнерства цивилизаций.

Важными вехами в развитии теории цивилизаций стали монографии Е.Б. Черняка «Цивилиография (наука о цивилизациях)» (1996) и Н.Н. Моисеева «Судьба цивилизаций: путь разума» (1998), «Быть или не быть человечеству» (2001), в которых были изложены основы теории ноосферной цивилизации и дана оценка исторического пути развития цивилизаций, начиная с неолитической революции, а также взгляд на перспективы становления ноосферной цивилизации в XXI в.

Очередным этапом развития теории цивилизации в России стала публикация фундаментального 6-томного научного труда Бориса Кузика и Юрия Яковца «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее». В первых двух томах, изданных в 2006 г., на русском и английском языках и представленных в библиотеке имени Дага Хаммаршельда ООН в октябре 2006 г. и в штаб-квартире ЮНЕСКО в ноябре 2007 г., были изложены основы теории, истории и будущего цивилизаций. На основе результатов научно-цивилизационных экспедиций 2005—2007 гг. в 2008 г. были опубликованы III том «Северное Причерноморье: пространство, взаимодействие цивилизаций» и IV том «Истоки и вершины восточнославянской цивилизации», а также учебник «Цивилизации: прошлое и будущее».

В 2008—2009 гг. большим коллективом — 60 ученых из 12 стран — был разработан и опубликован в десяти частях глобальный прогноз «Будущее цивилизации на период до 2050 года»; сводный IX том прогноза «Будущее цивилизации и стратегия цивилизационного партнерства» был представлен на Заседании круглого стола в рамках 64 Сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 2009 г. и получил высокую оценку.

В докладе на Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Питирима Сорокина, в феврале 2009 г. впервые дана характеристика постиндустриальной цивилизации как интегральной гуманистически-ноосферной мировой цивилизации. Эта концепция была всесторонне развита в VI томе мо-

нографии Б.Н. Кузика и Ю.В. Яковца «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее», «Перспективы становления интегральной цивилизации», размещенной в Сети Интернет на русском и английском языках в 2009 г.

Таким образом, в России в течение двух десятилетий были сформированы основы современной теории цивилизаций, развивавшей и обогащавшей результаты исследований в этой сфере российских и зарубежных ученых за два столетия. На этой основе была выработана научно-обоснованная стратегия трансформации цивилизаций в XXI в., о которой речь пойдет ниже. Тем самым Россия оказалась в эпицентре научной революции XXI в. в общественности. Это было не случайно.

Во-первых, эти исследования опирались на давние духовные традиции цивилизаций в России, исторические корни которой восходят к древнегреческой цивилизации с ее высокой духовностью.

Во-вторых, в России имела традиция в обосновании теории и истории цивилизаций, о чем речь шла выше.

В-третьих, Россия оказалась в эпицентре цивилизационного кризиса конца XX в. в состоянии распада евразийской цивилизации, что побуждало ученых к поиску глубинных причин этого кризиса и путей выхода из них.

Истоки и этапы развития цивилизаций в России

До сих пор представления об исторических корнях и этапах развития цивилизаций в России среди ученых неоднозначны. Со времен Ломоносова развиваются и противостоят различные концепции по этим вопросам.

Одни считают, что принятие христианства чуть более тысячи лет назад способствовало приходу вместе с православием основ цивилизации к языческим племенам Восточной Европы и, следовательно, исторические корни нашей цивилизации следует искать в Византийской цивилизации. На Западе и в России широко распространено мнение, что начало российской государственности и истории цивилизации следует относить к призванию Рюрика и его дружины новгородцами 1155 лет назад. Не случайно этой дате был посвящен памятник 1000-летия России, воздвигнутый в Великом Новгороде.

Шведские историки полагают, что с приходом варягов варварские племена славян были приобщены к высотам европейской

цивилизации. Однако в том времени уровень культуры в Великом Новгороде был выше, чем в Скандинавских странах. На берегах Ильмени и Днепра уже существовали государства. Третья точка зрения представлена О.В. Ключевским, он относит начало цивилизационного процесса на территории современной России с переселением славянских племен из центральной Европы в районы Приднестровья и Приильменье, где они ассимилировали местные финно-угорские племена и сформировали российскую нацию. В таком случае история страны насчитывает около 1500 лет.

Наша точка зрения состоит в том, что история цивилизации на территории современной России насчитывает более двух с половиной тысячелетий и имеет свои исторические корни древнегреческой цивилизации. В VI—V вв. до н. э. десятки кораблей с молодыми греками основали города-полисы на побережье Восточного и Северного Причерноморья. Сформировалось 1000-летнее Босфорское царство, которое в период своего расцвета (I век до н. э.) охватывало Южное и Восточное Причерноморье, Приазовье, Крым и Ольвию. Оно вступило в борьбу с могущественной Римской империей, но потерпело поражение. В V в. н. э. Босфорское царство было присоединено к Византии, а в VI в. захвачено и разрушено Хазарским Каганатом.

Нами выдвинута гипотеза, что основой Боспорского царства была смешанная греко-скифская цивилизация, соединявшая достижения авангардной в тот период древнегреческой цивилизации с многочисленной скифской протоцивилизацией. Хотя многие историки считают, что скифы были сменены сарматами, а последние славянами, однако основная часть населения в этих регионах оставалась неизменной и передавала цивилизационные ценности из поколения в поколение. В последнее время все чаще высказывается точка зрения, согласно которой скифы, сарматы и славяне имеют общую генетическую и историко-культурную основы.

Вторым этапом истории цивилизации на территории современной России стала восточно-славянская цивилизация — Новгородско-Киевская Русь. Она носила двухполюсный характер. На Северо-Западе существовала наиболее обширная в период своего максимального распространения Новгородская Республика с вечевым строем, наиболее демократичным для того времени. Согласно грамоте, данной Ярославом Мудрым новгородцам в 1019 г., Новгородское вече имело право нанимать и увольнять князя, который не мог

жить в Новгороде, печатать деньги, собирать налоги. Многие новгородские князья становились затем киевскими князьями. Владимир Святославович в 18 лет был новгородским князем, прежде чем стал княжить в Киеве, Ярослав Мудрый — в 24 года. В Новгороде был достигнут высочайший для того времени уровень грамотности и культуры, преобладали тесные связи с вольными ганзейскими городами; в Киеве — жесткий монархический строй византийского типа и разносторонние связи и влияние Византии. Поэтому государственное устройство восточно-славянской цивилизации можно характеризовать как Новгородско-Киевскую Русь, ориентированную на связи как с западно-европейской, так и с византийской цивилизациями. Их связывал великий торговый путь «из варяг в греки», шедший по Неве, Волхову и Днепру через Черное море.

Восточно-славянская цивилизация достигла вершины в XI—XII вв., когда Новгородско-Киевская Русь стала крупнейшим по территории государством Европы с развитой экономикой и культурой и установила тесные связи с Византией, Западной и Центральной Европой. Однако с конца XII в. усилилась феодальная раздробленность Новгородско-Киевской Руси, участились войны с восточными и западными соседями. В середине XIII в. в результате столкновения с монгольской цивилизацией, охватившей большую часть Азии и значительную часть Восточной Европы, восточно-славянская цивилизация оказалась в состоянии острого кризиса, Киевская Русь и города Центральной России были разгромлены, по оценкам историков, из примерно 10 млн населения Новгородско-Киевской Руси погибли более 500 000, десятки тысяч были угнаны в рабство. Уцелела только Новгородская Республика (Северо-Западная Русь и Галицко-Волынское княжество на Западе современной Украины). Все русские княжества платили дань Золотой Орде, которая выдавала ярлык (право на княжение) русским князьям и казнило непокорных.

С XIV в. начался процесс возрождения восточно-славянской цивилизации с перенесением ее центра во Владимиро-Суздальское, а затем в Московское княжества. Благодаря мудрой политике Ярослава Мудрого и его последователей продолжали развиваться, хотя и гораздо более низкими темпами, Новгородская Республика. Великий Новгород и Псков отстаивали свою независимость в борьбе с Тевтонским Орденом и развивали взаимовыгодные торговые связи с ганзейскими городами. Процесс собирания русских земель Москов-

ским царством особенно усилился при Иване III, который провозгласил Московское царство Третьим Римом. При Иване IV Московское царство расширилось в результате завоевания Казанского и Астраханского ханств и завоевания Сибири, тем самым восточно-европейская цивилизация трансформировалась в евразийскую цивилизацию с центром в Москве. Начался третий период истории цивилизации на территории современной России.

Начало этого периода сопровождалось цивилизационной катастрофой — Смутным временем в начале XVII в. Однако после 1612 г. начался медленный процесс восстановления евразийской цивилизации, который резко усилился при Петре I, провозгласившем Российскую империю, и достиг вершин при Екатерине II и Александре I после победы над Наполеоном — Россия сыграла решающую роль в освобождении Восточной и Западной Европы. На Венском конгрессе по инициативе Александра I был создан Священный союз, объединивший большинство государств Европы, где Россия играла ключевую роль.

Однако Россия запоздала с отменой крепостного права и освоением промышленной революции, обострились геополитические противоречия и Россия потерпела поражение в Крымской войне в середине XIX в. Значительно ослабили ее геополитические позиции.

После отмены крепостного права в 1861 году и либеральных реформ Александра II развернулся процесс усиления евразийской цивилизации, ее влияния в Европе, достигший вершины при Александре III.

С начала XX столетия Россия вновь оказалась в состоянии цивилизационного кризиса. Первыми сигналами стали поражение в Русско-японской войне 1894—1895 гг. и последующая за этим кратковременная революция, нарастало противоборство социальных и политических сил, правящие монархические круги оказались не в состоянии адекватно реагировать на кризис. После недолгого подъема периода правления Столыпина Россия вновь оказалась в тисках кризиса, особенно в результате бессмысленного участия в Первой мировой войне.

Монархия пала в период Февральской буржуазно-демократической революции, прошедшей практически бескровно. Однако социально-политические противоречия обострились и при-

вели к социалистической революции, возглавляемой большевиками и левыми эсерами в октябре 1917 г.

Последовавшая за тем гражданская война, иностранная военная интервенция привели к распаду некогда мощной Великой державы более чем на 100 объявивших себя суверенными территориями. Экономика была разрушена, миллионы людей погибли или эмигрировали. Казалось, евразийская цивилизация завершила свой исторический путь, однако благодаря сильной политике советского правительства, поддержанной большинством населения, удалось достичь победы в Гражданской войне, осуществить переход к нэпу и возродить Великую державу в виде Советского Союза 30 декабря 1922 г. Тем самым евразийская цивилизация возродилась в новом, более узком, составе и с новым социалистическим содержанием, возглавив серию социалистических, буржуазно-демократических и национально-освободительных революций на Западе и Востоке.

В результате политики нэпа удалось установить разрушенную войной экономику, достичь уровня 1913 г. в 1926 г., развернуть политику ускоренной индустриализации страны и, несмотря на значительные потери в период коллективизации и в результате волн репрессий, к 1941 г. достигнуть уровня могущества, который стал основой для успешного противостояния борьбе против почти всей Европы во главе с гитлеровской Германией и достичь победы в Великой Отечественной войне. Это было столкновение цивилизаций, в котором возникло уникальное партнерство цивилизаций антигитлеровской коалиции, определившее основы Ялтинского мира в послевоенные десятилетия, несмотря на острые противоречия периода холодной войны.

Послевоенные десятилетия евразийская цивилизация в лице Советского союза достигла вершины своего исторического пути. Экономика СССР росла опережающими темпами, повышался уровень жизни населения, было достигнуто мировое лидерство в освоении космоса и мирном использовании атомной энергии. СССР возглавлял Совет экономической взаимопомощи, Варшавский договор, стал лидером формирования мировой системы социализма, достиг военно-политического паритета с западным блоком, оказывал растущее влияние и поддержку социалистическим и национально-освободительным движениям в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке.

С 1970-х гг. наблюдаются признаки вхождения евразийской цивилизации в нисходящую фазу, усилились тенденции застоя в экономике, социальном и политическом развитии. Международный авторитет СССР упал в результате военного вторжения в Чехословакию, а затем в Афганистан. Усилился процесс разложения правящей элиты, развивалась коррупция.

Ослабление международной напряженности и отказ от «холодной войны» подорвали единство как в социалистическом лагере, так и внутри СССР. Широко распространенное мнение о поражении СССР в «холодной войне» является мифом. Западный блок во главе с США не смог добиться военно-технического превосходства над СССР и его союзниками и стал на путь подрыва социалистической системы изнутри. Потеря образа врага и угрозы уничтожения в результате термоядерной войны усилила процесс дифференциации социально-политических сил в СССР и странах социализма. Руководство СССР взяло ошибочный курс на ускоренные политические реформы и на уступки стратегических позиций западному блоку. В итоге это привело к самораспаду СЭВ, Варшавского договора, а затем и СССР. Это стало очередной цивилизационной катастрофой. В 1990-е гг. на постсоветской территории развернулся рекордный для мирного времени экономический кризис. В России объем ВВП упал почти вдвое, инвестиции в основной капитал — в 5 раз, уровень реальных доходов населения — в 2,5 раза. Усилились противоречия между вновь возникшими государствами внутри бывшего СССР, а страны Восточной Европы и Прибалтики вступили в Европейский союз и НАТО, многие из них заняли антироссийские позиции.

Это было дорогой ценой за реакционные политические и неолиберальные экономические реформы, осуществляемые при прямой поддержке США и стран Западной Европы. Казалось, что евразийская цивилизация навсегда сошла с исторической сцены, превратилась, согласно положению Питирима Сорокина, в демографический материал для более сильных и активных цивилизаций. Россия покорно шла в фарватере политики США и широко раскрыла ворота для проникновения в страну транснациональных корпораций и разлагающейся западной культуры. Однако после дефолта 1998 г., прихода к власти правительства Е.М. Примакова, а затем В.В. Путина, начался мучительный процесс выхода из кризиса и возрождения России и евразийской цивилизации. Этот процесс значительно усилился в начале XXI в., когда были достигнуты опережающие

темпы экономического и социального развития, проводилась независимая от США внешняя политика, развернулся процесс интеграции на постсоветском пространстве сперва в виде ЕврАзЭС, а затем Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Мировой кризис 2007—2008 гг., а затем украинский кризис и введенные США и западным блоком санкции против России, возобновление призрака «холодной войны» временно приостановили этот процесс, но не смогли повернуть его вспять. Новые геополитические угрозы способствовали укреплению социально-политического единства в стране и проведению независимой экономической политики, ориентированной на импорто-замещение и укрепление интеграционных связей. В результате резко возросшей геологической активности России, провозглашения и проведения идей многополярного мироустройства, интеграций, Большого евразийского партнерства, укрепления стратегического партнерства с Китаем и успехов в борьбе с ИГИЛ в Сирии, резко возрос авторитет России как ведущей силы в борьбе против авантюристической политики США, стремящейся к сохранению и укреплению монополярного мироустройства при американской гегемонии. С каждым годом эти тенденции становятся очевиднее, Россия и Китай являются признанными лидерами в становлении интегральной гуманистически ноосферной цивилизации на базе партнерства цивилизаций.

Это означает, что глубокий кризис восточно-евразийской цивилизации завершается и начинается новый этап ее развития в более суженном составе и с новым цивилизационным содержанием.

Перспективы возрождения России и евразийской цивилизации

Цивилизация на территории России не в первый раз оказывается в состоянии катастрофы, за которой следовало возрождение в новом формате. Так было после крушения Боспорского царства и его захвата Хазарским Каганатом в VI в., когда на смену греко-скифской цивилизации после длительного переходного периода пришла более обширная и могущественная восточно-славянская цивилизация (Новгородско-Киевская Русь). Так было после катастрофы середины XIII в. в результате татаро-монгольского нашествия, когда Новгородско-Киевская Русь была разрушена и попала в вассальную зависимость от Золотой Орды. Выходом из катастрофы стало возвышение Московского царства и формирование евразийской цивилизации, которая после катастрофы Смутного времени

стремительно развивалась и достигла вершин своего могущества последней четверти XVIII в. и первой четверти XIX в. в виде самой крупной цивилизации Евразии. Ритм катастрофы-возрождения повторился в первой четверти XX в., когда после разрушительной гражданской войны, иностранной интервенции на месте российской империи в более сжатом формате и с новым социалистическим содержанием возник Советский Союз, который после столкновения почти со всей западно-европейской цивилизацией достиг вершины за весь свой исторический путь в послевоенное десятилетие. Этот исторический опыт показывает, что после цивилизационной катастрофы 1990-х гг. евразийская цивилизация вновь становится на путь возрождения, но уже как цивилизация пятого поколения в более суженном составе и с отвечающим тенденциям XXI в. интегральным содержанием в качестве одного из лидеров становления гуманистически-ноосферной мировой цивилизации.

Если исключить два крайних сценария будущего евразийской цивилизации и место России в ней: сверхпессимистический (завершение распада евразийской цивилизации и начало распада России), или сверхоптимистический (быстрое возрождение цивилизации в прежнем формате при безусловном лидерстве России), то реальными представляются два сценария: инерционный или инновационно-прорывной.

При инерционном сценарии будут осуществляться медленное восстановление в цивилизации при умеренных темпах экономически-социального развития и развитие интеграционных связей в рамках евразийского экономического союза при нарастании отставания от Китая и других авангардных стран. Сохранится низкий уровень интеграции в рамках СНГ, инициатива Большого евразийского партнерства не получит существенного развития. Участие России в программе «Один пояс — один путь» ограничится небольшим количеством энергетических и инфраструктурных проектов. Россия будет занимать место во втором эшелоне восходящих цивилизаций и ведущих стран при сохранении в основном олигархически-компрадорского характера экономического строя, при некотором усилении государственного регулирования экономического и социального развития.

При инновационно-прорывном сценарии будет выработан и последовательно реализован стратегический курс на опережающее социально-экономическое развитие на основе инновационно-

технологического прорыва и ускоренного развития интеграционных связей как внутри евразийской цивилизации, так и во взаимоотношениях с Китаем и другими евразийскими странами. Будет осуществлена модель планово-рыночной экономики (ныне успешно функционирующей в Китае и в оборонно-промышленном комплексе России). Обеспечено лидерство России в реализации Большого евразийского партнерства и его сопряжения с инициативой «Один пояс — один путь», расширятся рамки Евразийского экономического союза за счет включения в него большинства стран СНГ и других заинтересованных государств. Наука и образование и сфера социальных услуг будут развиваться опережающими темпами, Россия станет лидером в формировании устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций. Тем самым в России будут заложены основы интегральной, гуманистически-ноосферной цивилизации, она станет одним из лидеров в переходе человечества к новой исторической эпохе.

Стратегия восхождения России и возрождения евразийской цивилизации

Инновационно-прорывной сценарий может быть осуществлен лишь в том случае, если будут разработаны и последовательно реализованы научно-обоснованная долгосрочная стратегия восхождения и возрождения евразийской цивилизации, обеспечивающие их опережающее развитие, формирование основ интегральной, гуманитарно-ноосферной цивилизации и интегрального социокультурного строя лидерства в геочивилизационном пространстве XXI в. и становлении устойчивого многополярного мироустройства, базирующегося на партнерстве цивилизаций.

Предпосылки для осуществления такой стратегии обусловлены тем, что с 2020-х гг. начинается переход к повышательной волне 7-го цивилизационного и 6-го Кондратьевского циклов, а также разворачивается переход к лидерству поколения 2020-х гг., на национальном и международном уровнях, которое настроено на осуществление радикальных перемен.

Указанная стратегия может быть реализована в следующих восьми стратегических приоритетах:

- во-первых, переход к ноосферному энергоэкологическому способу производства и потребления, ориентированному на сбережение и комплексную переработку природных ресурсов, крупно-

масштабную замену минерального сырья и топлива воспроизводимыми источниками, сбережение природных ресурсов в интересах будущих поколений, комплексное оздоровление окружающей среды и выработку интегральной системы мониторинга, прогнозирования и реагирования на природные и техногенные катастрофы;

- во-вторых, преодоление депопуляции и укрепление здоровья населения, более эффективное использование трудового потенциала, особенно нового поколения, оптимизация миграционных потоков;

- в-третьих, разработка и осуществление новой агропродовольственной политики, направленной на получение питания населением, развитие производства качественного экологически чистого продовольствия, поддержка фермерского или семейного трудового хозяйства и кооперации, обеспечение благоприятных социокультурных условий для сельского населения и преодоление урбанизации;

- в-четвертых, крупномасштабное использование достижений научно-технологической революции XXI в., инновационные обновления экономики на основе базисных инноваций VI, в перспективе VII, технологических укладов, ускорение темпов роста производительности труда и создание условий для вовлечения нового поколения в инновационные процессы;

- в-пятых, формирование основ интегрального экономического строя, оптимизация структуры экономики на основе гармоничного взаимодействия экономических укладов, преодоление чрезмерной имущественной дифференциации и искоренение нищеты, жесткое проведение антимонопольного законодательства и реализация модели планово-рыночной экономики при ведущей стратегической роли государства, а также существенное сокращение разрыва в уровне экономического развития в странах с высокими и низкими доходами;

- в-шестых, обеспечение перехода к интегральному социокультурному строю, возвышение и опережающее развитие науки, повышение креативности и непрерывности образования, возрождение высокой культуры при сохранении культурного разнообразия, укрепление гуманистически-ноосферной нравственности;

- в-седьмых, сохранение и укрепление социально-политического единства на основе партнерства социальных слоев и

поколений в ответ на новые вызовы XXI в., укрепление демократических основ деятельности государства при оптимальном распределении функций между федеральным, региональным и муниципальными уровнями управления, воспитание патриотизма, укрепление оборонной мощи и безопасности страны;

- в-восьмых, проведение интеграционной политики в ЕАЭС, СНГ, БРИКС при реализации Большого евразийского партнерства и его сопряжении с инициативой «Один пояс — один путь», последовательное проведение курса на разностороннюю интеграцию и взаимовыгодное партнерство, сокращение разрыва между авангардными и отстающими странами, обеспечение национальных интеграционных интересов в противостоянии ТНК и агрессивной политике Запада, выработка и осуществление долгосрочной стратегии становления устойчивого многополярного мироустройства на базе диалога цивилизаций при ведущей роли трансформированной ООН.

Такая стратегия, рассчитанная на период до 2030 г. и далее, будет осуществляться лидерами поколения 2020-х гг., необходимо оказать им помощь в формировании мировоззрения, ориентированного на конструктивный диалог и взаимовыгодное партнерство цивилизаций и государств, социальных слоев и поколений. На это направлена приложенная МИСК концепция мегапроекта по созданию системы цифрового цивилизационного образования нового поколения. Эта система должна опираться на научный задел, сформированный современной российской цивилизационной школой и на многоязычную образовательную информационную сеть как важной составной части становления цифровой экономики и информационного общества в национальном и международном масштабах.

Таким образом, в настоящее время имеются внутренние и внешние предпосылки для реализации стратегии восхождения России и возрождения евразийской цивилизации, повышение их роли в геочивилизационном пространстве XXI в. Дело за тем, чтобы своевременно и крупномасштабно использовать эти предпосылки.

Литература

1. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991;

2. Глобальный прогноз «Будущее цивилизации на период до 2050-го года». Ч. 9. Будущее цивилизаций и стратегия цивилизационного партнерства. М.: МИСК, 2009.
3. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
4. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Россия 2050: стратегия инновационного прорыва. 2-е изд. М.: Экономика, 2005.
5. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. I, II. М.: ИНЭС, 2006.
6. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизаций. Путь разума. М.: МНЭПУ, 1998.
7. *Моисеев Н.Н.* Единство естественнонаучного знания и общественных наук. М.: Вычислительный центр АН СССР, 1990.
8. Научные основы преодоления цивилизационного кризиса и выхода на траекторию глобального устойчивого развития, научный доклад. М.: МИСК, 2013.
9. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1998.
10. Стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций. М.: МИСК, 2017.
11. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004.
12. *Яковец Ю.В.* Великая научная революция XXI века. М.: МИСК, 2010.
13. *Яковец Ю.В.* Глобальные экономические трансформации XXI века. М.: Экономика, 2011.
14. *Яковец Ю.В.* Циклы, кризисы, прогнозы. М.: Наука, 1999.
15. *Яковец Ю.В.* Эпохальные инновации XXI века. М.: Экономика, 2004.
16. *Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е.* Система долгосрочных целей устойчивого развития цивилизаций. М.: МИСК-ИНЭС, 2017.
17. *Яковец Ю.В., Фарах С.Н.* Диалог и партнерство цивилизаций: Учебник с предисловием С.В. Лаврова. М.: МИСК, 2015.

References

1. *Vernadskij V.I.* Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie. М.: Nauka, 1991;

2. Global'nyj prognoz «Budushhee tsivilizatsii na period do 2050-go goda». CH. 9 Budushhee tsivilizatsij i strategiya tsivilizatsionnogo partnerstva. M.: MISK, 2009.
3. Glaz'ev S.Yu. Strategiya operezhayushhego razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa. M.: EHkonomika, 2010.
4. *Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V.* Rossiya 2050: strategiya innovatsionnogo proryva. 2 izd. M.: EHkonomika. 2005.
5. *Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V.* TSivilizatsii: teoriya, istoriya, dialog, budushhee. T. I, II. M.: INEHS, 2006.
6. *Moiseev N.N.* Sud'ba tsivilizatsij. Put' razuma. M.: MNEHPU, 1998.
7. *Moiseev N.N.* Edinstvo estestvenno nauchnogo znaniya i obshchestvennykh nauk. M.: Vychislitel'nyj tsentr AN SSSR, 1990.
8. Nauchnye osnovy preodoleniya tsivilizatsionnogo krizisa i vykhoda na traektoriyu global'nogo ustojchivogo razvitiya, nauchnyj doklad. M.: MISK, 2013.
9. *Sorokin P.A.* Glavnye tendentsii nashego vremeni. M.: Nauka, 1998.
10. Strategiya stanovleniya ustojchivogo mnogopolyarnogo miroustrojstva na baze partnerstva tsivilizatsij. M.: MISK, 2017.
11. *Toffler Eh.* Tret'ya volna. M.: AST, 2004.
12. *Yakovets Yu.V.* Velikaya nauchnaya revolyutsiya XXI veka. M.: MISK, 2010.
13. *Yakovets Yu.V.* Global'nye ehkonomicheskie transformatsii XXI veka. M.: EHkonomika, 2011.
14. *Yakovets Yu.V.* TSikly, krizisy, prognozy. M.: Nauka, 1999.
15. *Yakovets Yu.V.* EHpokhal'nye innovatsii XXI veka. M.: EHkonomika, 2004.
16. *Yakovets Yu.V., Rastvortsev E.E.* Sistema dolgosrochny tselej ustojchivogo razvitiya tsivilizatsij. M.: MISK—INEHS, 2017.
17. *Yakovets Yu.V., Farakh S.N.* Dialog i partnerstvo tsivilizatsij: Uchebnik s predisloviem S.V. Lavrova. M.: MISK, 2015.

А.А. ОДИНЦОВА

От неэкономического сознания к нооэкономическому сознанию: категориальный дискурс философии хозяйства*

Аннотация. Статья посвящена осмыслению ноосферного поворота в философско-экономической теории. Осуществлен компаративистский анализ базовых категорий современной философии хозяйства. Определены преимущества термина «экономическое сознание» в осмыслении содержания хозяйственной деятельности. Показана эвристичность системного подхода в рамках качественного понимания экономического сознания. Сделан вывод о том, что координаты новой парадигмы экономического развития обнаруживаются в разработке концепта нооэкономического сознания, ориентированного на сохранение целостности человека, общества и природы в ноосфере. Предложена авторская дефиниция категории нооэкономического сознания.

Ключевые слова: экономическое сознание, неэкономическое сознание, нооэкономическое сознание, предпринимательское сознание, бизнес-сознание, ноосферный поворот, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the noosphere turn in the «philosophical and economic» theory. Comparative analysis of the modern basic categories in the philosophy of economy is implemented. The advantages of the term «economic consciousness» in understanding the content of economic activity are defined. The heuristic nature of the system approach within the framework of a qualitative understanding of the economic consciousness is shown. It is therefore concluded, that the coordinates of the new economic development paradigm are revealed in the development of the nooeconomic consciousness concept, focused on preserving the integrity of man, society and nature in the noosphere. The author's definition of the category of nooeconomic consciousness is proposed.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Одинцова А.А. От неэкономического сознания к нооэкономическому сознанию: категориальный дискурс философии хозяйства // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 102—118.

Keywords: economic consciousness, neoeconomic consciousness, poeconomic consciousness, entrepreneurial consciousness, business consciousness, noosphere turn, philosophy of economy.

УДК 330.1
ББК 87.66

Экономическая деятельность является определяющей структурой общественной жизни: с одной стороны, она создает условия для удовлетворения различных потребностей человека, а с другой — неизбежно впитывает и отражает специфику определенного типа экономического сознания социума. Можно сказать, что экономическое сознание конструирует экономическое бытие, и, таким образом, получается, что «само бытие и есть реализация человеческого сознания, отчего и можно ставить знак равенства между бытием и сознанием» [14, 259].

С точки зрения семиотики экономическое сознание можно представить как своего рода знаковую систему: с одной стороны — «материальную сущность, воспринимаемую как носитель информации» — «план выражения», а с другой — «смысл, кроющийся за данной сущностью» — «план содержания» [11, 82]. Таким образом, внешние «объективированные» проявления экономического сознания фактически представляют собой элементы экономического бытия, иными словами, экономическое бытие предстает как «план выражения» экономического сознания. «План содержания», напротив, определяется системой аффективных и когнитивных хозяйственных установок.

В диалектическом срезе развитию «плана выражения» (реально существующих экономических отношений) и «плана содержания» экономического сознания, как правило, не свойственна синхронность. На практике развитие «плана содержания» экономического сознания либо опережает развитие экономических отношений, либо, напротив, носит «догоняющий» характер. Последнее означает дискретный, ограниченный подход к регулированию экономических отношений (точечное, «догоняющее» воздействие на слабые звенья экономической системы, несвоевременное реагирование на потребности производства и т. п.) и, как следствие, влечет снижение темпов экономического роста, кризисы, социальную, экологическую и духовную нестабильность в обществе.

В то же время опережающее развитие экономического сознания невозможно в условиях «идейного хаоса»: аттрактором развития экономических отношений может выступать только научно-обоснованная, ценностная парадигма экономического сознания, целостно отражающая ключевые ориентации «экономики будущего». Полагаем, что первым шагом на пути осмысления ключевых координат данной парадигмы может стать уяснение содержания различных образов отражения хозяйственного бытия — «экономического сознания», «хозяйственного сознания» [17, 250—251], «бизнес-сознания» [20, 26], «предпринимательского сознания» [25] — посредством анализа определений приведенных понятий, имеющих место в литературе.

Экономическое сознание: проблема дефиниции

Что касается «экономического сознания», то в науке оно понимается по-разному. Например, А.К. Ахметов рассматривает экономическое сознание как «совокупность экономических знаний, идей, взглядов, суждений, интересов, настроений» [2, 10]. Данное определение, на наш взгляд, носит формальный, «универсальный» характер и «субстратно» по своему содержанию, поскольку ограничивается перечислением структурных элементов экономического сознания. Подобный недостаток присущ также определению Т.П. Глушко, который понимает экономическое сознание как «поток переживаний социально значимых сущностей, включающий в себя переживания как экономических потребностей, так и соответствующих духовных и материальных ценностей такого хозяйственного сообщества, как нация» [5, 165]. Кроме прочего, данное определение имеет локальное («национальное») содержание, в связи с чем также не может претендовать на целостное отражение хозяйственного бытия.

В этом смысле более фундаментальным представляется «субстратно-структурное» определение Н.А. Журавлевой, согласно которому экономическое сознание представляет собой «социальные представления, установки, отношения, оценки, мнения личности и т. п. о различных явлениях экономического содержания (экономических объектах), которые оказывают влияние на реальное экономическое поведение» [12, 48]. Вместе с тем, как отмечала И.В. Дмитриевская, «практическая деятельность ориентирует нас на восприятие мира как системы» [9, 5], поэтому, на наш взгляд, эко-

номическое сознание как форма общественного сознания также должно рассматриваться и определяться с точки зрения системного подхода, предполагающего анализ трех уровней исследуемого объекта: субстратного, структурного и концептуального.

Как было отмечено, приведенные выше определения экономического сознания указывают либо на отдельные объекты-элементы, либо, наряду с ними, на отношения, составляющие содержание экономического сознания. В то же время система будет считаться полностью определенной в том случае, когда определены ее субстрат, структура и концепт [32, 28].

Концепт системы «выступает как системообразующее свойство. <...> Выбор его, так же как и системы отчета, связан с характером решаемых задач и с теми методами, которые применяются для их осуществления». «Концепт системы определяет собой целый класс отношений, удовлетворяющих свойству, выраженному этим концептом. Каждое отношение этого класса будет системообразующим в том смысле, что, будучи абстрагированным из каких-нибудь объектов, оно образует из этих объектов систему» [32, 126]. Таким образом, путь к целостному исследованию экономического сознания как системы лежит в плоскости определения его системообразующего свойства. В настоящее время в проанализированных подходах к пониманию экономического сознания отсутствует концептуальность, что свидетельствует об актуальности дальнейших исследований в данной сфере.

В этом контексте интересно обращение к феномену хозяйственного сознания [22, 163]. Редкие попытки разведения экономического и хозяйственного сознания основаны на разграничении тех сфер общественного бытия, которые они отражают. Так, Ю.М. Осипов пишет: «Экономика есть особого рода хозяйство, ведущееся с участием, на основе и под эгидой стоимости, а на поверхности — денег, что позволяет говорить об экономике как об *оденеженном хозяйстве*. Отсюда экономика — хозяйство денег, с одной стороны, и опосредованное уже этим оденеженным хозяйством остальное хозяйство — с другой» [23, 7]. О.Ю. Межецкая отмечает, что «русское *хозяйственное* сознание формировалось не только под влиянием экономических стимулов и потребностей, природно-климатических факторов, но и во многом определялось религиозными и духовно-нравственными ценностями. Духовными основами хозяйственной жизни общества являлись первичные данные нрав-

ственности (стыд, жалость, благоговение), высшая свобода, альтруизм, соборность, справедливость, солидарность. Они выступали связующими звеньями между трансцендентными (абсолютными) и экономическими (относительными) ценностями» [17, 251]. С этой точки зрения, следует согласиться с тем, что хозяйственное сознание не может отождествляться экономическому сознанию, поскольку его функционирование подчинено влиянию гораздо более широкого набора факторов, чем чисто стоимостные, экономические явления: для хозяйственного сознания характерен «сложный концепт».

«Предпринимательское сознание» versus «бизнес-сознание»

Категории «предпринимательство» и «бизнес» традиционно отождествляются в научной литературе [6; 13; 34], что позволяет выдвинуть гипотезу о синонимичности понятий «предпринимательское сознание» и «бизнес-сознание». Вместе с тем очевидно различие в происхождении понятий «предпринимать» и «бизнес», составляющих основу соответствующих типов сознания. Для уяснения их содержания обратимся к этимологии указанных слов.

Так, глагол «предпринимать» произошел от глагола «принять». Основное значение глагола — взять, принять (в руки, руками, на руки), а также: получить, воспользоваться, приобрести, овладеть, захватить, завоевать, отнять, увести, приобрести, нажать и т. д. Лексическое значение глагола «предпринимать» — «приступать к совершению намерения, решаться на исполнение своего предположения» [18]. Толковый словарь В.И. Даля определяет глагол «предпринимать» как «решаться исполнить какое-либо новое дело, приступать к совершению чего-либо *значительного*» [8, 400]. Таким образом, исконно русское значение предпринимательства предполагает не просто дело (business), а значительное дело. Кроме того, в отличие от русского «предпринимать», в литературе есть предположения, что business происходит от англосаксонского слова bisigan — беспокойство, тревога [33], чем, в числе прочего, характеризуются и современная предпринимательская деятельность.

В связи с этим, например, при характеристике хозяйственной деятельности купцов-старообрядцев, сопряженной с коллективизмом, меценатством, дисциплиной, в научной литературе речь справедливо идет о «предпринимательстве» и, следовательно, «предпринимательском сознании» [29]. Напротив, «бизнес», ныне сино-

нимичный предпринимательству [21, 47], традиционно несет в себе негативный подтекст. Возьмем для сравнения известное выражение «ничего личного, это просто бизнес» [36, 118]. В отечественной литературе специфику американской модели бизнес-сознания оригинально описал В. Маяковский: «Путь, каким вы добыли ваши миллионы, — отмечал писатель, — безразличен в Америке. Все — “бизнес”, дело, — все, что растит доллар. Получил проценты с разошедшейся поэмы — бизнес, обокрал, не поймали — тоже. К бизнесу приучают с детских лет. Богатые родители радуются, когда их десятилетний сын, забросив книжки, приволакивает домой первый доллар, врученный от продажи газет.

— Он будет настоящим американцем.

В общей атмосфере бизнеса изобретательность растет.

В детском кемпе, в летнем детском пансионе-лагере, где закалиют детей плаванием и футболом, было запрещено ругаться при боксе.

— Как же драться, не ругаясь? — сокрушенно жаловались дети.

Один из будущих бизнесменов учел эту потребность.

На его палатке появилось объявление:

“За 1 никель выучиваю пяти русским ругательствам, за 2 никеля — пятнадцати”» [16, 700—701].

Таким образом, в обыденном понимании бизнес-сознание традиционно характеризуется крайними индивидуалистическими, эгоистическими ориентациями, стремлением к «наживе», пренебрежительным, легкомысленным отношением к общественно-значимым ценностям. Однако утвердившаяся в настоящее время синонимичность «предпринимательства» и «бизнеса» позволяет современным ученым и политикам говорить о «цивилизованном бизнесе» [27], о «социально-ответственном бизнесе» [7] и т. п.

От экономического к неэкономическому сознанию

Наконец, при характеристике различных проявлений хозяйственного бытия человека нельзя обойти вниманием феномен неэкономике — «хозяйства нео-денег» [23, 7] — и соответствующее ему неэкономическое сознание.

Неоэкономика, по Ю.М. Осипову, — это социальное счетно-решающее мегаустройство, в отличие от «традиционной» экономики, — компьютеризованное и техноинформатизованное, сравнимое

с гигантским «мозгом», «когнитивная (мозгоподобная) экономика», «некое идеальное облако, энерго-информационное поле, чисто нософерная компонента бытия». «Как целостность неэкономике уместнее сравнить, наряду с “мозгом”, еще и с “морем”, “атмосферой”, тем же гигантским “облаком”» [23, 8]. Неэкономике — «царство не закона и порядка, а беззакония и хаоса, еще и своеобразной “преисподней” неэкономике — субэкономического зазеркалья» [23, 9].

«Неэкономике — не просто новая экономика, ее очередная историческая форма, это уже экономика, отрицающая и... саму себя — как раз через свою внешнюю для себя технологизацию, в свою очередь, *отрицающую социальность экономики, ее зависимость от социума и вообще от социального фундаментального начала*» [23, 10]. Ю.М. Осипов фиксирует изменение природы стоимости как концепта экономики: если в традиционной экономике стоимость соотносится с материальным эквивалентом, то в неэкономике она становится предметом сознания. «Глобализация, характерная для неэкономике, — не просто миромасштабность с высокой внутримировой взаимозависимостью элементов, частей и процессов, а и отрыв виртуализированной экономики как от реальности вообще, так и от реальности собственно социальной». «Неэкономике — мир не просто цифр и чисел, а весьма *отвлеченных от соционатурно-хозяйственной реальности* цифр и чисел, весьма уже предоставленных самим себе» [23, 11]. Как мы видим, Ю.М. Осипов акцентирует внимание не столько на пространственной стороне процессов глобализации в экономике, сколько на их качественной (стоимостной) стороне — именно в ней происходит смена детерминант. «Производительный процесс, как и любой другой реальный хозяйственный процесс, — по его мнению, — не прекращается при неэкономике, но значительно *зависит от стоимостного счетно-ценностного потока и его цифровых показателей* (от потока стоимостных цифр, их, этих показателей, взаиморасположения и динамики). Теперь не производство само по себе определяет стоимость и ее динамику, а *стоимость, ее динамика определяют производство*» [23, 11]. Иными словами, экономическое (неэкономическое) сознание подстраивает под себя весь хозяйственный процесс.

«Абстрактность» неэкономике проявляется и во временном аспекте: будучи оснащенной быстродействующими техническими, информационными и коммуникационными средствами, неэконо-

мика работает почти независимо от времени-пространства [23, 8]. Вместе с тем подобная глобальность неэкономике компенсируется определенной локальностью. Так, Г.Ф. Барковский с необходимостью рассматривает экономическое сознание «в рамках определенного исторического времени» [3, 41]. На наш взгляд, действительно, развитие информационных технологий позволяет значительно ускорить экономические процессы, визуально «вывести» их из-под влияния времени. Однако данный факт тем не менее не свидетельствует о вневременном характере неэкономике. Эффект от современных «неуловимых» цифровых отношений, скорее, подобен визуальному исчезновению из поля зрения летящей на высокой скорости пули. Подобным образом реально существующие экономические отношения становятся летучими и невесомыми в силу их высокой скорости — многократного сокращения промежутка времени, необходимого для внесения изменений в существующую реальность. Таким образом, время не устраняется из неэкономике, а остается неотъемлемым условием ее функционирования. Экономическое *сознание* также не может рассматриваться вне временного дискурса, поскольку находится в неразрывных прямых и обратных зависимостях с экономическим бытием, изменения в котором *с течением времени* неизбежно предопределяют трансформации не только в менее устойчивой эмоциональной компоненте экономического сознания, но на практике — и в его более стабильных — научных и нравственных основаниях.

На наш взгляд, неэкономике — цифровая, когнитивная экономика — это фактически современная реальность, которая неизбежно формируется под влиянием неэкономического сознания и оказывает на него обратное воздействие.

Ноосферный поворот: на пути к нооэкономическому сознанию

Анализ вышеназванных форм сознания дает повод поставить вопрос о том, какое — экономическое, хозяйственное, предпринимательское, бизнес-сознание, неэкономическое сознание — должно в своем содержательном, ценностном начале сформировать основу новой парадигмы российского (и, шире, мирового) экономического развития?

Выбор этого основания, на наш взгляд, должен осуществляться с учетом принадлежности экономики сфере разума — ноосфере [24, 13], где «все живое, а отчасти и неживое, обладает осо-

бым свойством ноосферности, то есть способностью таким образом строить свое поведение и организовывать среду обитания, чтобы не разрушать целостности живого, а сохранять ее и приумножать» [10, 31]. Целостность (ноосферность) сознания является необходимым условием устойчивого развития, баланса интересов человека, общества, природы и самой ноосферы.

С этой точки зрения, ценности предпринимательского и бизнес-сознания, очевидно, не могут быть положены в основу новой парадигмы экономического сознания, поскольку традиционно характеризуют сознание определенной социальной группы — предпринимателей — и ориентированы исключительно на максимизацию прибыли, как правило, исключая область «нравственного», «духовного». Другими словами, предпринимательское и бизнес-сознание в своей первооснове не целостны, а, следовательно — не ноосферны (часто — антиноосферны).

По нашему мнению, новая парадигма экономического развития должна строиться на основе более фундаментальных образов общественного сознания: экономического, неэкономического либо нооэкономического.

Анализ научной литературы показывает, что экономическое сознание представляет собой «традиционное» расчетно-механистическое, «физио-техно-натуралистическое» сознание, с аксиологической точки зрения описываемое понятием «стоимость», а в праксиологическом — понятием денег [23, 7]. Деньги в экономическом сознании имеют неразрывную связь с материальными эквивалентами — золотом, товаром. Традиционное экономическое сознание ограничено пространством и временем и, априори, не предполагает целостного отражения мира, ограничиваясь материальной, товарно-денежной средой.

Подобным образом не может претендовать на целостность неэкономическое сознание, практически независимое от времени, пространства, социальной реальности [23, 7—11]. Очевидно, что «целостное» сознание не может предполагать ориентацию исключительно на «стоимость», которая в условиях неэкономики сама является принадлежностью сознания. Какой бы «виртуальной» не становилась сфера хозяйствования, ее ключевые координаты должны лежать в плоскости реальных общественных отношений, ориентироваться на преодоление действительных жизненных дисбалансов.

Решение проблемы поиска парадигмы обнаруживается в разработке концепта *нооэкономического* сознания, целе-ценностные установки которого ориентированы на сохранение целостности человека, общества и природы в ноосфере. Отметим здесь, что идеи перехода от «мозгоподобной» к «сознаниевой», «*сознательной*» экономике, «ноосферной общественно-экономической формации» [1, 36] восходят к научным трудам С.Н. Булгакова [4] и Н.Н. Моисеева [19] и обнаруживаются в работах таких отечественных и зарубежных ученых, как Л.А. Тутов [31], Д.С. Львов [15], А.И. Субетто [30], А.К. Адамов [1], Дж. Фуллертон [37, 8 — 9, 26], Л. Ларуш [35, 163 — 178, 208] и др.

Пафос нооэкономики, на наш взгляд, удачно выразил А.И. Субетто: «Наступающая мера хозяйствования человечества на Земле, — пишет он, — есть ноосферная мера, которая определяется тем, насколько хозяйство человечества на Земле ноосферно-экологично. Ноосферная экономика и ноосферное хозяйство — это такие экономика и хозяйство, которые обеспечивают управляемую социоприродную эволюцию в границах коридоров — и для экономики хозяйства, и для биосферы в целом как подсистемы планеты Земля» [30, 257]. Вместе с тем такой описательный подход стимулирует к осмыслению механизмов и принципов организации реального ноосферного хозяйства (экономики).

Полагаем, что нооэкономическое сознание может быть определено как форма общественного сознания, отражающая и конструирующая отношения между экономическими агентами (домохозяйствами-потребителями, фирмами, государством), связанными с производством, распределением, обменом и потреблением товаров и услуг, с позиций справедливости и ответственности в целях разумного устойчивого социоприродного и социокультурного развития, итогом целеполагания которого является целостность хозяйственной жизни. Думается, что в условиях, когда «главным актором истории» становится «разумосознание» [28, 22], ноосферность предстает как системообразующее свойство парадигмы нового экономического сознания, а само нооэкономическое сознание рядоплагается, таким образом, хозяйственному сознанию, поскольку, по сравнению с традиционным экономическим и неэкономическим сознанием, приобретает более сложный концепт.

Литература

1. *Адамов А.К.* Организация духовной и экономической деятельности на принципах ноосферной демократии // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 8. С. 34—40.
2. *Ахметов А.К.* Экономическое мышление и экономическое сознание — основные понятия экономического воспитания // Стратегии и тенденции современного образования. 2017. № 4. С. 9—11.
3. *Барковский Г.Ф.* Экономическое сознание в социально-философской теории хозяйства // Философия права. 2011. № 1 (44). С. 41—44.
4. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
5. *Глушко Т.П.* Економічна свідомість нації у контексті соціально-феноменологічного аналізу // Гілея: научный вестник. 2014. № 88. С. 164—169.
6. *Гордова Э.Е.* Этика бизнеса: установки, ценности, приоритеты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. С. 52—55.
7. *Гуриева Л.К., Нурмагомедов А.А.* Социальная ответственность бизнеса: истоки и современные представления // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2016. № 3 (88). С. 152—154.
8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. 2-е изд. М.; СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. 586 с.
9. *Дмитревская И.В.* Текст как система: понимание, сложность, информативность. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1985. 88 с.
10. *Дмитревская И.В.* «Тимей» Платона: миф о Живом космосе // Ноосферная идея и будущее России. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 29—32.
11. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
12. *Журавлева Н.А.* Психологические аспекты становления экономического сознания предпринимателей в изменяющейся социально-экономической среде // Фундаментальные и прикладные направления модернизации современного общества: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общена-

учные аспекты Материалы международной научно-практической конференции: В 4 ч. Отв. ред.: Н.Н. Понарина, С.С. Чернов. 2015. С. 47—52.

13. *Зайцева Г.В.* Проблемы становления экономического сознания в формировании потенциального предпринимателя // Человек в постиндустриальном обществе: Сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Пресс-лицей, 2013. С. 49 — 55.

14. *Зотова Е.С.* О сознании как факторе хозяйственного бытия // Философия хозяйства. 2015. № 4. С. 258 — 294.

15. *Львов Д.С., Мусеев Н.Н.* Россия в поисках третьего пути. Вехи 2001 г. // Вестник экологического образования в России. 2012. № 63. С. 10 — 15.

16. *Маяковский В.В.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Издательство «Правда», 1987. 768 с.

17. *Межецкая О.Ю.* Духовные основы хозяйственной жизни общества // Система ценностей современного общества. 2010. № 11. С. 250 — 254.

18. *Милехина Т.А.* Слово предприниматель в русском языке: история и современность. URL: http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1207132519&archive=1207225892&start_from=&ucat=& (дата обращения: 20.10.2017).

19. *Мусеев Н.Н.* Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.

20. *Одинцова А.А.* Исторические и социокультурные истоки современного социально-ориентированного и гуманистического бизнес-сознания: региональный аспект // Известия высших учебных заведений. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. Т. 8. № 3. С. 190 — 195.

21. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 944 с.

22. *Осинов Ю.М.* Пост-модерновый мир и Россия. — М.: Московский гос. университет имени М.В. Ломоносова, 2004. 674 с.

23. *Осинов Ю.М.* Российское системное перестроение как неизбежная актуальность // Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию экономического факультета МГУ «Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм».

7—9 декабря 2016 г. М.: Московский гос. университет имени М.В. Ломоносова, 2016. С. 3 — 22.

24. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть (философско-нефизический взгляд) // *Философия хозяйства*. 2017. № 4. С. 11 — 28.

25. *Перский Ю.К., Ковалева Т.Ю.* О сущностных основах интеллектуального предпринимательства // *Журнал экономической теории*. 2009. № 1. С. 63 — 75.

26. *Поletaев В.Э.* Формирование новой парадигмы бизнес-сознания в России в XXI веке // *Преподаватель XXI век*. 2009. № 3—2. С. 252—259.

27. *Путин В.В.* Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 2002 г. URL: <http://kremlin.ru/ /president/ transcripts/21567> (дата обращения: 20.10.2017 г.).

28. *Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г.* Ипостаси ноосферной истории // *Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки*. 2012. Т. 3. № 1. С. 21 — 28.

29. *Столяров С.П.* Предприниматели Морозовы — основатели российского менеджмента // *Аналитика культурологии*. 2008. № 11. С. 153 — 159.

30. *Субетто А.И.* Дилемма хаоса и порядка: на пути к ноосферной управляемой экономике // *Философия хозяйства*. 2017. № 2. С. 252 — 259.

31. *Тутов Л.А.* Философия хозяйства: предмет и методы исследования: предмет и методы исследования: Дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2005. 324 с.

32. *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.

33. *Фокин Н.И.* Экономика: В начале было Слово. URL: <http://dictionary-economics.ru/word/%D0%91%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%81> (дата обращения: 20.10.2017).

34. *Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С.* Человеческое измерение российского бизнеса: к демократически-гуманистическому типу социальной организации фирмы // *Социологические исследования*. 2012. № 7. С. 43 — 54.

35. *Larouche L.* The Economics of the Noosphere: Why Lyndon LaRouche is the most successful forecaster of the past four decades. Wash., 2001. 329 p.

36. *Puzo M.* The Godfather. Arrow books, 2012. 608 p.

37. *Fullerton J.* Regenerative Capitalism: How Universal Principles and Patterns Will Shape Our New Economy. 2015. 120 p. URL: <http://capitalinstitute.org/wp-content/uploads/2015/04/2015-Regenerative-Capitalism-4-20-15-final.pdf> (дата обращения: 20.10.2017).

References

1. *Adamov A.K.* Organizaciya duhovnoj i ehkonomicheskoj deyatel'nosti na principah noosfernoj demokratii // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2013. № 8. S. 34—40.
2. *Ahmetov A.K.* EHkonomicheskoe myshlenie i ehkonomicheskoe soznanie — osnovnye ponyatiya ehkonomicheskogo vospitaniya // Strategii i tendencii sovremennogo obrazovaniya. 2017. № 4. S. 9—11.
3. *Barkovskij G.F.* EHkonomicheskoe soznanie v social'no-filosofskoj teorii hozyajstva // Filosofiya prava. 2011. № 1 (44). S. 41—44.
4. *Bulgakov S.N.* Filosofiya hozyajstva / Otv. red. O. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii, 2009. 464 s.
5. *Glushko T.P.* Ekonomichna svidomist' naciï u konteksti social'no-fenomenologichnogo analizu // Gileya: nauchnyj vestnik. 2014. № 88. S. 164 —169.
6. *Gordova Eh.E.* Ehtika biznesa: ustanovki, cennosti, priorityty // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 1—1. S. 52—55.
7. *Gurieva L.K., Nurmamedov A.A.* Social'naya otvetstvennost' biznesa: istoki i sovremennye predstavleniya // Gumanitarnye i social'no-ehkonomicheskie nauki. 2016. № 3 (88). S. 152—154.
8. *Dal' V.I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 3. 2-e izd. M.; SPb.: Izdanie knigoprodavca-tipografa M.O. Vol'fa, 1882. 586 s.
9. *Dmitrevskaya I.V.* Tekst kak sistema: ponimanie, slozhnost', informativnost'. Ivanovo: Izd-vo Ivanovskogo gos. un-ta, 1985. 88 s.
10. *Dmitrevskaya I.V.* «Timej» Platona: mif o ZHivom kosmose // Noosfernaya ideya i budushchee Rossii. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 1998. S. 29—32.
11. *El'msliev L.* Prolegomeny k teorii yazyka. M.: KomKniga, 2006. 248 s.

12. *Zhuravleva N.A.* Psihologicheskie aspekty stanovleniya ehkonomicheskogo soznaniya predprinimatelej v izmenyayushchejsya social'no-ehkonomicheskoy srede // Fundamental'nye i prikladnye napravleniya modernizacii sovremennogo obshchestva: ehkonomicheskie, social'nye, filosofskie, politicheskie, pravovye, obshchenauchnye aspekty: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 4-h ch. Otv. red.: N.N. Ponarina, S.S. CHernov. 2015. S. 47—52.

13. *Zajceva G.V.* Problemy stanovleniya ehkonomicheskogo soznaniya v formirovanii potencial'nogo predprinimatelja // CHelovek v postindustrial'nom obshchestve: Sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo Presslicej, 2013. S. 49 — 55.

14. *Zotova E.S.* O soznanii kak faktore hozyajstvennogo bytiya // Filosofiya hozyajstva. 2015. № 4. S. 258 — 294.

15. *L'vov D.S., Moiseev N.N.* Rossiya v poiskah tret'ego puti. Vekhi 2001 g. // Vestnik ehkologicheskogo obrazovaniya v Rossii. 2012. № 63. S. 10 — 15.

16. *Mayakovskij V.V.* Soch.: V 2 t. T. 1. M.: Izdatel'stvo «Pravda», 1987. 768 s.

17. *Mezheckaya O.Yu.* Duhovnye osnovy hozyajstvennoj zhizni obshchestva // Sistema cennostej sovremennogo obshchestva. 2010. № 11. S. 250 — 254.

18. *Milekhina T.A.* Slovo predprinimatel' v russkom yazyke: istoriya i sovremennost'. URL: [http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1207132519&archive=1207225892&start_from=&ucat=&\(data obrashcheniya: 20.10.2017\).](http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1207132519&archive=1207225892&start_from=&ucat=&(data obrashcheniya: 20.10.2017).)

19. *Moiseev N.N.* Chelovek i noosfera. M.: Molodaya gvardiya, 1990. 351 s.

20. *Odincova A.A.* Istoricheskie i sociokul'turnye istoki sovremennogo social'no-orientirovannogo i gumanisticheskogo biznes-soznaniya: regional'nyj aspekt // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2017. T. 8. № 3. S. 190 — 195.

21. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. M.: OOO «ITI Tekhnologii», 2008. 944 s.

22. *Osipov Yu.M.* Post-modernovyj mir i Rossiya. M.: Moskovskij gos. universitet in. M.V. Lomonosova, 2004. 674 s.

23. *Osipov Yu.M.* Rossijskoe sistemnoe perestroenie kak neizbezhnaya aktual'nost' // Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konfer-

encii, posvyashchennoj 75-letiyu ehkonomicheskogo fakul'teta MGU «Rossijskoe sistemnoe perestroenie kak strategicheskaya neizbezhnost': neoeconomika, neoindustrializaciya, neodirizhizm». 7—9 dekabrya 2016 g. M.: Moskovskij gos. universitet im. M.V. Lomonosova, 2016. S. 3 — 22.

24. *Osipov Yu.M.* EHkonomika kak est' (filosofsko-nefizicheskij vzglyad) // *Filosofiya hozyajstva*. 2017. № 4. S. 11 — 28.

25. *Perskiy Yu.K., Kovaleva T.Yu.* O sushchnostnyh osnovah intelektual'nogo predprinimatel'stva // *ZHurnal ehkonomicheskoy teorii*. 2009. № 1. S. 63 — 75.

26. *Poletaev V.Eh.* Formirovanie novoj paradigmy biznes-soznaniya v Rossii v XXI veke // *Prepodavatel' XXI vek*. 2009. № 3—2. S. 252—259.

27. *Putin V.V.* Poslanie Federal'nomu sobraniyu Rossijskoj Federacii. 2002 g. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21567> (data obrashcheniya: 20.10.2017).

28. *Smirnov G.S., Smirnov D.G.* Ipostasi noosfernoj istorii // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2012. T. 3. № 1. S. 21 — 28.

29. *Stolyarov S.P.* Predprinimateli Morozovy — osnovateli rossijskogo menedzhmenta // *Analitika kul'turologii*. 2008. № 11. S. 153 — 159.

30. *Subetto A.I.* Dilemma haosa i poryadka: na puti k noosfernoj upravlyaemoy ehkonomie // *Filosofiya hozyajstva*. 2017. № 2. S. 252 — 259.

31. *Tutov L.A.* *Filosofiya hozyajstva: predmet i metody issledovaniya: predmet i metody issledovaniya: Dis. ... d-ra filos. nauk*. Ivanovo, 2005. 324 s.

32. *Uemov A.I.* *Sistemnyj podhod i obshchaya teoriya sistem*. M.: Mysl', 1978. 272 s.

33. *Fokin N.I.* *Ehkonomika: V nachale bylo Clovo*. URL: <http://dictionary-economics.ru/word/%D0%91%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%81> (data obrashcheniya: 20.10.2017).

34. *Ehfendiev A.G., Balabanova E.S.* *CHelovecheskoe izmerenie rossijskogo biznesa: k demokraticheski-gumanisticheskomu tipu social'noj organizacii firmy* // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2012. № 7. S. 43 — 54.

Р.Е. СОКОЛОВ

Философия хозяйства германского протестантизма*

Аннотация. Ответом немецкого государства на быстрый экономический рост в конце XIX — начале XX в. стало развитие социального законодательства в связи с быстрой поляризацией уровня жизни и возникновением опасности революционного изменения экономического порядка. Курс на формирование социального государства начался еще в первой половине XIX в., но лишь в начале XX в. оформилось социальное законодательство. Наравне с этим появлялись межконфессиональные организации рабочих, в которых ведущую роль играли католические ассоциации. С экономическим развитием Германии оживился национальный вопрос. Попытки решить социальный, или, более точно, рабочий вопрос виделись поначалу в возврате к старому сословному обществу. В дальнейшем государство все больше стало приходить на помощь нуждающимся людям.

Ключевые слова: немецкий протестантизм, социальный вопрос, социальное государство.

Abstract. The response of the German state on the rapid economic growth in the late 19th — early 20th century was the development of social legislation in connection with the rapid polarization of living standards and the risk of revolutionary change in the economic order. The course on the formation of the welfare state began in the first half of the 19th century, but only in the early 20th century the social legislation was formed. Along with this there appeared the interfaith workers' organizations, in which Catholic Association played the leading role. With the economic development of Germany the national question came to the fore. Attempts to solve a social question or being more precise a work question were seen first in a return to the old estate society. Afterwards the state started to help needy people on a growing scale.

Keywords: German Protestantism, social question, social state.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Соколов Р.Е. Философия хозяйства германского протестантизма // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 118—128.

УДК 124
ББК 65в

Данной статьей автор начинает серию публикаций, посвященных феномену Евангелическо-социального конгресса (ЕСК). В этой статье речь пойдет об общих условиях национального строительства для иллюстрации экономического и политического фона Германии в первую очередь периода имперского рейха, просуществовавшего с 1871 по 1914/18 гг., а также о социальном вопросе, актуализировавшемся в XIX в.

Общие условия национального строительства

Активное развитие экономики и вторая волна промышленной революции пришлось в Германии на период с 1890-х по 1910 г., что, по словам Велера, привело к появлению организованного капитализма и государственных интервенций. Но в то же время закладываются предпосылки кризиса, связанные со сложностями координации действий между монархией, правительством, парламентом и бюрократией. 1880-е гг. считаются тем периодом, когда Германия вступает в эпоху нового, современного мира, хотя реакция на это событие в искусстве и гуманитарных науках находит выражение только в 1890-х гг. [2, 309 — 310; 8, 48].

Падение Бисмарка в 1890 г. стало также особой вехой в немецкой истории. До этого периода он определял направления развития внутренней политики страны, сохраняя практически диктаторские полномочия и не завися от голосования в парламенте. В стране появляются объединения и группы, преследовавшие определенные интересы, например, в промышленности и крупном аграрном бизнесе. Существенной силой становится пресса. Правительство впервые столкнулось с необходимостью считаться с общественным мнением. С 1890 г. набирает силу Социал-демократическая партия Германии (СПД) и к 1912 г. становится лидирующей политической силой немецкого парламента. А еще ранее социальный вопрос стимулировал появление социально ориентированной партии Адольфа Штокера под названием «Центральное объединение за социальные реформы» и развитие «Внутренней миссии» [2, 309 — 310; 4].

Еще одной независимой силой была армия, подчинявшаяся канцлеру и являвшая славу страны после ряда недавних побед. Центральная организация союзов ветеранов Германии насчитывала к

1913 г. около 2,9 млн членов. С одной стороны, армейские атрибуты проникали в повседневную жизнь, в частности военные с удовольствием носили форму не только на службе, что создавало угрозу гражданскому обществу. С другой стороны, в это время развивается движение за мир, проявившееся в массовых демонстрациях 1911 г. Так, 20 августа мирная демонстрация в Берлине во время Марокканского кризиса собрала 100 тыс. человек. Это движение охватило Галле, Эльберфельд, Бармен, Йену и Эссен. 3 сентября демонстрация в Берлине под названием «Маммутферанштальтунг» собрала уже четверть миллиона человек в Трептов парке. Между 1912 и 1913 гг. мирное движение немного ослабло, но в 1914 г. на кануне Первой мировой войны стало снова сильным, особенно к концу июля [1, 684].

Трехлетняя воинская повинность была инструментом, сплачивающим немецкое общество. Сильным военным блоком был флот, включавший 1,1 млн чел. Вместе с развитием военно-морского флота росли и империалистические тенденции. Милитаризация страны обернулась ее изоляцией от стран-соседей, на что внутри страны обращалось мало внимания [2, 309 — 310; 4].

С 1884 г. Германия начала присваивать африканские колонии, а с 1890-х перешла от построения колониальной империи к проникновению на заморские рынки, в частности в Латинскую Америку, Османскую империю и Китай. Этим занимались частные компании при государственной поддержке, например, в рамках проекта багдадской железной дороги. Германия, следуя примеру Англии, демонстрировала свою силу в колониях, в том числе участвовала в подавлении восстания боксеров в 1900—1901 гг. в Китае. С европейскими странами и США она выстраивала тесные торгово-финансовые отношения, не имевшие тогда империалистического характера. Развитие национализма внутри страны не препятствовало росту глобализации и экономической интеграции. Германия занимала второе место в мире после Великобритании по объему экспорта (12,2% и 14,7% от ВВП соответственно) и была вторым по величине экспортером капитала. Причем она не только получала прибыль от иностранных инвестиций, но и активно участвовала в волне экономической глобализации перед Первой мировой войной в лице торговых домов и крупных концернов. Несмотря на ее дипломатическую изоляцию, уровень вовлечения Германии в международные потоки капитала и международные отношения, в частности

трансграничное почтовое сообщение, достиг беспрецедентного масштаба [4].

28 марта 1884 г. в Берлине было основано «Общество немецкой колонизации». Оно апеллировало к общественности, утверждая, что немецкая нация осталась обделенной в распределении колоний по сравнению с другими культурными народами Европы. Проблема усугублялась тем, что по сравнению с другими европейцами немцы как представители ведущей европейской державы за пределами Германии чувствовали себя чужими, не имея своих «культурных баз» в виде колоний, где местное население разделяло бы их язык и культуру. Это было и экономическим недостатком, поскольку финансирование импорта для Германии означало потерю капиталов в пользу ее конкурентов — иностранных поселений, в то время как экспорт зависел от воли иностранной таможенной политики. Стране не хватало рынков сбыта, а населению — колоний. С таким призывом в немецком рейхстаге 26 июня 1884 г. прошли дебаты, в которых Бисмарк почувствовал себя вынужденным представить свое видение колониальной политики. Он утверждал, что страна пока не готова к тому, чтобы посылать куда-то чиновников и гарнизоны солдат. А вот, что стоит сделать, так это предоставить государственную защиту предпринимателям, которые надеялись на помощь рейха в деле освоения колоний. Но финансирование этой деятельности следовало оставить самим предпринимателям, равно как и управление освоенными территориями [4].

Социальный вопрос

Понятие «социальный вопрос» восходит к первой половине XIX в. — прежде всего к 1830-м гг. В эту эпоху формировалось большинство других центральных понятий, которые овладели дискуссией о социальных проблемах и представлениями о правильном порядке человеческого общества в XIX в. Социальный вопрос описывал при этом поначалу социальные и политические последствия постепенной трансформации сословно-абсолютистского общества, которое славилось доминированием аграрного сектора и регулированием промысла соответствующими гильдиями, или цехами в либерально-капиталистическом и индустриальном обществе [6, 1].

С роспуском сословного общества и гильдий были связаны далеко идущие негативные социальные процессы: потеря значения семьи как производственного сообщества и института поддержки в

нужде, сильный прирост населения, урбанизация, массовая эмиграция — прежде всего в США — и значительная внутренняя миграция в новые центры экономического роста. Дерегулирование традиционного социального и хозяйственного уклада после 1800 г. и внедрение рыночной экономики, в которой все большую роль играли индустрия, транспорт и торговля, высвободили большие производственные силы. Но вместе с этим росла неуверенность людей в своем будущем. Ведь они были освобождены от старых привязок, и поначалу оказались подвержены повышенному риску несчастного случая при работе с машинами, опасности структурной безработицы и нужде в случае болезни, инвалидности и старения. Это относилось, прежде всего, к рабочим [6, 1].

Схождение на нет патриархальных отношений господства и защиты поначалу привело к социальному кризису, который стал обозначаться как «социальный вопрос». С ним в широком смысле связывалась массовая бедность, а значит, и «рабочий вопрос», увеличение количества и миграция работников физического труда низших слоев общества. Еще в доиндустриальный период возникали массовая бедность и кризисы голода. Тогда церковь, государство раннего нового времени, а также города и земельные общины пытались разными способами решить или хотя бы ослабить эту проблему. Тогда проблема решалась с помощью христианской благотворительности, школ для бедных, а также строгих дисциплинирующих мер, которые принуждали работоспособных бедных к работе на каботаже и в работных домах [6, 2].

Новый пауперизм отличался от доиндустриальной массовой бедности декорпорацией, дезорганизацией и деморализацией широких слоев населения, связанных с отменой традиционного сословного порядка. Изо дня в день росли безбожность и распущенность. Посредством коммерческого законодательства капитализм сделал деньги единственным властителем мира, который привел в руины мелкого ремесленника, порождая повсеместно волну грюндерства, пользовавшегося дурной репутацией. Следствиями всего этого явились обесценение денег и удорожание жизненных потребностей, что легло на многочисленные семьи тяжелым бременем и толкнуло их в пропасть бедности и преступлений. В то время как капиталисты зарабатывали тысячи на игре с акциями и биржами, не прикладывая никаких усилий и наслаждаясь переливающейся через край роскошью, страна все больше погружалась в неблагоприятное разде-

ление на неработающих, но наслаждающихся жизнью богатых, и на умирающий мир рабочих [3, 14; 6, 3].

На место старых социальных иерархических отношений пришла новая зависимость от рынка с постепенным введением зарплатных отношений в сельском хозяйстве, промыслах, на железной дороге, сигаретных мануфактурах, печатных промыслах, в горном деле и образующейся индустрии большого количества работодателей, обладающих капиталом и средствами производства. Наравне с этим возникает понятие «пролетариата» — понятие, которое с 1830-х и 1840-х гг. все чаще заменяло понятие «рабочий». Также появляются опасения, что пролетариат осознает себя как класс и сможет организовать так, что от такого организованного класса будут исходить устремления к революционному перестроению государства и общества. Социальный вопрос стал и политическим вопросом, точнее, зарядом, готовым разразиться в любую минуту [6, 3].

Лишь к концу XIX в. речь заходит о том, что социальный вопрос следовало сводить к специфическим проблемам рабочих и освещению последствий изменения экономики и общества для людей физического труда, мелкой торговли, надомной работы и сельского хозяйства. Появление так называемого «нового среднего сословия» служащих с его специфическими заботами и социальными требованиями рассматривалось теперь как часть «социального вопроса». Но это понятие все более выходило из употребления. С ним смешались социальная реформа, общественная политика, но особенно социальная политика. Концепция социальной политики в Германии, равно как понятия «социальный вопрос» и «социальное движение», под которыми понимается общественное движение, направленное на радикальное изменение политических и социальных отношений, восходят к середине XIX в. При этом понятие социальной политики не было ограничено государственными интервенциями, но охватывало вместе с государственной помощью внедрение идеи экономии и предусмотрительности у рабочих, институтов коллективной самопомощи как, например, добровольные кассы взаимопомощи, образовательные объединения, товарищества и профсоюзы, а также меры социальной политики на предприятии. Сюда же относились устремления церковью и буржуазных социальных реформаторов улучшить положение рабочих и в итоге других групп населения [6, 4].

Как известно, в первой половине XIX в. сильные старолиберальные тенденции не позволяли говорить о государственном вмешательстве в экономику. Основным социальным понятием старого протестантизма была доктрина о трех сословиях в структуре общества, сформировавшая иерархию учащего, защищающего и кормящего сословий. Идея свободного выбора профессий и прочего либерализма спровоцировала резкий протест в среде традиционных богословов, руководствовавшихся идеалом сословного общества. Политической самоорганизации народа, граждан как суверена по образцу Французской революции и американской декларации независимости противостояла концепция «княжеской благодати». Народный суверенитет и демократия связывались властями с разрушительным и греховным восстанием. Социальный плюрализм и самопровозглашенный индивидуализм воспринимались как отчуждение от истинной, внутренней свободы. Но к концу века правительство в континентальной Европе, особенно в германоязычной части, кроме Швейцарии, становится все более признаваемым регулирующим органом по сравнению с англосаксонскими странами. Хотя трудовое движение воспринималось как враждебное государству, правительство было вынуждено проводить социальную политику и принимать законы в этом направлении. Первые пособия по безработице были выплачены членам профсоюза благодаря солидарной взаимной поддержке. Эти выплаты регулировались государством и формировались взносами как со стороны рабочих, так и работодателей. В Швейцарии и США принципы федерализма ограничивали возможности государственного вмешательства в экономику [5, 151 — 154, 218 — 219].

Около середины XIX в., с одной стороны, возникла тенденция к новой политике, направленной против бедности со стороны государства, которое в двух прусских законах от 1842 г. перенесло ответственность за обеспечение бедных с общин их рождения на общины их проживания и тем самым устранило фактическое ограничение свободы передвижения. С другой стороны, городская буржуазия, развивавшая жизненные идеалы, направленные на респектабельность, экономию и бережливость, находившаяся в конфликте с бедными горожанами, стала носителем политики благосостояния больше не ориентированной на сословные правила. Эти социальные достижения имели поначалу для растущего населения, не принадлежавшего к городской буржуазии, отделяющий характер. Это было

характерно, прежде всего, для Южной Германии, где законодательные ограничения браков просуществовали до времени образования национального государства в 1866—1871 гг., а бюргерские права еще долго не предоставлялись низшим слоям населения [6, 2 — 3].

Восходящее на Бисмарка немецкое обязательное социальное страхование, введенное с 1878 по 1890-е гг. и известное как «законы социалистов», стало центральным элементом системы «социального государства», в то время как в англосаксонских землях и Скандинавии более предпочтительным, с точки зрения Риттера, стало менее точное понятие «государство всеобщего благосостояния». Немецкое социальное государство, подвергавшееся нападкам с многих сторон как помеха экономической модернизации, пыталось гарантировать людям, затронутым охватывающей экономикой и обществом трансформацией, существование и участие в плодах растущей производительности через повышение всеобщего благосостояния. Это государство имело тенденцию не столько убирать социальное неравенство, сколько сокращать его, охраняя существовавший социально-экономический и политический порядок от революционного переворота. Социальное государство Германии стояло, таким образом, в противоречии к созданию исключительно определяемого силами рынка капитализма «laissez faire», но также и к марксистской теории [3, 64; 4; 6, 5 — 6].

После отставки Бисмарка социальная политика продолжалась, а некоторые считают, что только появилась при кайзере Вильгельме Втором, когда было введено социальное страхование рабочих. Оно включало регулирование рабочего времени, создание судов для рабочих и их нанимателей по закону от 1901 г., введение ограничений на труд женщин и детей по закону от 1903 г.. Вильгельм Второй был против политической эмансипации рабочих, но выражал готовность предоставить им социальное страхование, пока не улетучились его надежды на закат социал-демократии. Речь шла о законе о страховании от несчастного случая 1900 г., законе о страховании по болезни 1903 г., уложении об имперском страховании и страховании служащих 1911 г.. Инициативы по проведению социальных реформ приходили не от кайзера, а от правительства, делая Германию ведущей страной в области социального законодательства. В 1898 г. после террористических атак на премьер-министра Италии Капри и французского президента Карно, Вильгельм Второй принял решение ограничить права объединений и право на проведение собра-

ний. Ограничений коснулись и СМИ, чтобы уменьшить, таким образом, активность профсоюзов. А каждый, кем бы он ни был, кто препятствовал работавшему в полную силу рабочему исполнять свою работу, а тем более склонял к забастовке, наказывался каторжной тюрьмой. Рабочие продолжали их борьбу за права на забастовки, легализацию их организаций и реформы трудового законодательства после их институционального объединения в 1890-х гг. [4; 9].

Что касается политики государственного регулирования легализации трудового движения, то можно выделить следующие направления работы: развитие трудового законодательства, государственное регулирование внутренних правил предприятия и консультативное сопровождение трудящихся по реализации их права на участие в управлении предприятием, регулирование права трудящихся на защиту своих интересов и внутренней деятельности профсоюзов [5, 153].

В конце 1860-х гг. возникшие прежде всего в Западной Германии межконфессиональные по своей идее займовые и сберегательные объединения, потребительские и закупочные общества, а также рабочие объединения, которые в отличие от либеральных или социал-демократических оснований называли себя «христианскими» или «христианско-социальными», были католическими. В евангелической служебной церкви, в конце концов разделенной на земельные церкви и расколотой посредством теологических соперничеств, доминировало душепопечение, в чем выражалась этика индивидуальной ответственности протестантизма [7, 78 — 80].

Евангелическая церковь и евангелическо-социальное движение стояли в стороне, когда летом 1894 г. приготовления к основанию христианских профсоюзов принимали конкретную форму — даже когда евангелические объединения количественно были представлены очень неплохо. 26 августа 1894 г. в Эссене встретились в общей сложности 424 представителя 77 католических и 20 евангелических объединений, а также 25 христианско-социальных, 23 католических и 38 евангелических рабочих объединений. Затем 28 октября 1894 г. последовало основание «Рабочего объединения христианских горняков верхнего горного округа Дортмунда». В §3 статуты объединения исповедовало верность кайзеру и рейху и включало обсуждение конфессиональных и политических дел партии. К особенностям организации принадлежал «Совет чести», в

котором были представлены представители обеих конфессий, от евангелической стороны кроме прочего Людвиг Вебер, председатель Всеобщего объединения евангелических рабочих обществ Германии с 1898 г. Совет чести должен был добиваться для объединения одобрения в кругах, которые чуждались и были враждебными идее независимых профсоюзов. Кроме того, он должен был активно демонстрировать общественности межконфессиональность. При Писбергской забастовке у Оснабрюкена 1898 г. евангелические члены отступили. Наравне с консолидацией объединения это также могло стать причиной роспуска Совета чести в 1905 г., поскольку он и без того больше не выполнял своей межконфессиональной интегрирующей функции. Реальные оценки пропорции евангелических членов составляли примерно 30% в Рурской области и около 15% по всему объединению. Только «объединения рабочих женщин родины», основанные с 1900 по 1903 г., связанные с деятельностью Маргарет Бемс и занимавшиеся уходом за больными, вышли из евангелическо-социального движения. Их основной членский пункт был в Берлине [7, 79 — 80].

В целом можно сказать, что христианские профсоюзы имели свои оплоты в областях с большим или меньшим перевесом католической части населения. Шнайдер не допускал идеи, что импульс для основания христианских профсоюзов вышел от евангелических рабочих или евангелической церкви. Он конкретизирует, что ни возникшие с 1882 года евангелические объединения рабочих с их разделенными на объединения по профессиям, которые слились в 1890 году во Всеобщее объединение евангелических рабочих обществ Германии, ни ЕСК вместе с евангелически ориентированным конгрессным движением Центрального объединения за социальные реформы нельзя рассматривать в качестве предшественника христианских профсоюзов [7, 78 — 80].

Литература

1. *Clark Ch.* Preussen: Aufstieg und Niedergang: 1600 — 1947. Uebersetzung: Richard Barth, Norbert Juraschitz, Thomas Pfeiffer. Muenchen: Deutsche-Verlags-Anstalt in der Verlagsgruppe Random House GmbH, 2007.

2. Jahrhundertwenden: Endzeit- und Zukunftsvorstellungen vom 15. bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von Manfred Jakobowski-Tiessen et al. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999.
3. Le milieu intellectuel protestant en Allemagne, sa presse et ses réseaux (1871 — 1963): études réunies par Michel Grunewald et Uwe Puschner en collaboration avec Hans Manfred Bock. Bern: Peter Lang AG, 2008.
4. *Osterhammel J.* Das 19. Jahrhundert: 1880 bis 1914 // Bundeszentrale fuer politische Bildung. Informationen zur politischen Bildung. Nr. 315, 2012. URL: <http://www.bpb.de/izpb/142137/1880-bis-1914?p=all> (18.11.2016).
5. Politikwissenschaft: eine Grundlegung / Hrsg. von Klaus von Beyme et al. In 3 Bde. Bd. 2. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1987.
6. *Ritter G. A.* Soziale Frage und Sozialpolitik in Deutschland seit Beginn des 19. Jahrhunderts. Opladen: Leske und Budrich, 1998.
7. Sozialer Protestantismus und Gewerkschaftsbewegung: Kaiserreich — Weimarer Republik — Bundesrepublik Deutschland / Hrsg. von Frank von Auer und Franz Segbers. Koeln: Bund-Verlag, 1994.
8. *Wehler H.U.* Das Deutsche Kaiserreich 1871 — 1918., 6. Aufl., Bd 9. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1988.
9. [www.http://geschichteverein-koengen.de/WilhelmZwei.htm](http://geschichteverein-koengen.de/WilhelmZwei.htm) (18.11.2016).

II

**ПРОБЛЕМЫ
ЦИФРОВОЙ
ЭКОНОМИКИ**

Г.Б. КЛЕЙНЕР

Системные основы цифровой экономики*

Аннотация. В статье проблемы становления и развития цифровой экономики рассматриваются с позиций системной парадигмы. Предлагается определение цифровой экономики как стадии развития общества, основанное на признании ключевой роли цифровых образов (моделей реального мира), становящихся главными объектами производства, распределения, обмена и потребления. Анализируются эффекты влияния цифровой экономики на взаимодействие власти, общества и человека, пропорции масштабов системных секторов экономики. Определяются основные риски и угрозы развития цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, системная парадигма, цифровые образы, модели реального мира, системные секторы экономики.

Abstract. There are the problems of formation and development of the digital economy are considered from positions of the system paradigm in the article. The definition of the digital economy as stage of development of society is offered. This stage is based on recognition of the key role of the digital images (models of economic reality), becoming main objects of production, distribution, exchange, consumption. The effects of the digital economy on the interaction of power, society and man, the proportions of the scales of the system sectors of the economy are analyzed. The main risks and threats to the development of the digital economy are determined.

Keywords: the digital economy, the system paradigm, the digital images, models of economic reality, the system sectors of the economy.

*В сокращенном виде статья публиковалась в: *Философия хозяйства*. 2017. Декабрь. Спецвыпуск.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Клейнер Г.Б. Системные основы цифровой экономики // *Философия хозяйства*. 2018. № 1. С. 131—142.

УДК 330
ББК 65

Термин «цифровая экономика» относится в настоящее время к числу наиболее популярных в экономическом дискурсе (поисковая система «Яндекса» на 16 декабря 2017 г. предоставила 40 млн записей, содержащих выражение «цифровая экономика» (33 тыс. показов в месяц)). Это связано не только с решениями, принятыми руководством страны по развитию цифровой экономики (см. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», 2017). Разнообразные цифровые технологии сегодня буквально пронизывают экономику в ее территориальном, предметном, уровне и других измерениях. Сфера применения цифровых технологий и объем их влияния увеличиваются. Вместе с тем феномен цифровой экономики недостаточно осмыслен с точки зрения экономической теории, социальной психологии и перспектив развития общества [2].

Отсутствует общепринятое определение цифровой экономики. Не имеет пока однозначного решения вопрос о применении данного термина как характеристики стадии развития народного хозяйства. Нет системного описания позитивных последствий и рисков расширения сферы цифровой экономики.

В данной статье, подготовленной при поддержке РНФ, проект № 14-18-02294, мы анализируем влияние цифровых технологий на экономику, базируясь на принципах системной парадигмы (Я. Корнай, 2002 [6]; Г.Б. Клейнер, 2007 [3; 4]). Такой взгляд позволяет сформировать более или менее полное представление о перспективах цифровой экономики в России, обосновать рекомендации по регулированию процессов цифровизации экономики.

Цифровая экономика: сущность и определение

Термин «цифровая экономика» ввел в 1995 г. в научный оборот Николас Негропonte, Массачусетский технологический институт [12].

Оксфордский словарь содержит следующее определение цифровой экономики: «цифровая экономика — это экономика, которая главным образом функционирует за счет цифровых технологий, особенно электронных транзакций, осуществляемых с использованием интернета» [11].

Обычно при определении стадии развития экономики ориентируются на способ производства — единство орудий труда, предметов труда и технологии производства.

По нашему мнению, не меньшее значение имеет классификация результатов производства. Если основными результатами производства являются материальные продукты, работы или услуги, то экономика находится в стадии индустриального способа производства. Если же непосредственным результатом производства являются нематериальные ценности — данные, информация, знания и т. п., то целесообразно говорить о постиндустриальном способе производства. В развитой цифровой экономике основной результат производства — это цифровые образы реальных товаров, работ или услуг. Соответственно, основными объектами распределения, обмена и потребления также служат цифровые образы товаров, работ, услуг.

А.В. Бойченко в качестве основной характеристики информационного общества рассматривает персонализацию продуктов производства — ориентацию производителя на конкретного индивидуального потребителя [1]. Такая ориентация отличает производство в информационном обществе от производства в индустриальном обществе, где во главе угла находится массовое производство однородной продукции, ориентированное на массовое потребление. Несомненно, что индивидуализация производства — одна из наиболее важных тенденций экономики начала XXI вв. [8].

Однако говорить о цифровой экономике как о новой самостоятельной стадии в экономическом развитии можно будет только в том случае, когда изменятся не только производственная, но и потребительская функция, и главным предметом потребления станут цифровые образы реальных продуктов.

В итоге цифровую экономику как стадию общественного развития следует определять как экономику, в которой:

а) процессы производства, распределения, обмена и потребления, включая все связанные с ними коммуникации, осуществляются на основе цифровых технологий;

б) реальные экономические процессы, объекты, проекты, среды в ходе коммуникации заменяются их компьютерными (цифровыми) моделями;

в) главным результатом производства являются цифровые образы реальных товаров, работ, услуг, которые также являются объектами распределения, обмена и потребления.

Таким образом, ресурсы, результаты и технологии реализации экономических процессов, как правило, заменяются их компьютерными (цифровыми) моделями. Иными словами, в основе цифровой экономики лежит технология построения, анализа и применения цифровых моделей экономических, социальных, инженерно-технических и природно-экологических систем. В таких моделях должны концентрироваться знания о человеке, природе, обществе.

Основными исходными ресурсами и выходными результатами процессов производства, распределения, обмена и потребления в цифровой экономике являются информационные объекты, отражающие образы как реальных, так и виртуальных экономических благ. Такие информационные объекты могут быть представлены в виде *данных; информационных ресурсов; знаний*. Перечисленные виды информации являются в определенном смысле пассивными во взаимоотношениях с человеком, зафиксированными и не допускающими произвольного изменения. Следующая за перечисленными по уровню развития форма представления информации связана с понятием *модели*. Модели так же, как и данная информация знания, отражают фрагменты реального или идеального мира, однако, в отличие от указанных форм, допускают диалог с человеком, позволяющий получать новую информацию об окружающем мире. Таким образом, модель является высшей формой представления информации, активным знанием и может рассматриваться как разновидность интерактивного знания.

Технологические основы цифровой экономики

Два вида технологий составляют базу развития цифровой экономики. Первый вид — применение всемирной сети Интернет для коммуникации людей при выполнении ими экономических операций и в ходе социальных взаимодействий. Здесь возникают реальные перспективы для изменения вертикальных взаимоотношений в обществе. Благодаря наличию и распространенности социальных сетей, предложения, возникающие на низком уровне общественной иерархии, могут быть легко транслированы на верхний уровень, в особенности если эти предложения будут поддержаны участниками социальных сетей. Такая ситуация меняет социальную

иерархию. По сравнению с предшествующими стадиями развития экономики и общества «верхи» начинают получать значительно больший объем генерируемой «внизу» информации и одновременно становятся менее чувствительными к каждому отдельному элементу такой информации. Именно это имеет место в современной России.

Что же касается масштабных слоев и групп в нижней части иерархической лестницы людей, живущих, так сказать, на земле и обладающих первичной информацией о происходящих социально-экономических процессах, то здесь в условиях цифровой экономики следует ожидать замещения информации, получаемой непосредственно опытным путем, вторичной по происхождению информацией, генерируемой информационными моделями реальности. В итоге следует ожидать расширения виртуальной реальности и роста затрат на системы тестирования границы между реальным и виртуальным.

Меняется и горизонтальная топология взаимодействия экономических, а также социальных субъектов. Физическое расстояние между местонахождением людей, понятие территориальной близости уступают место другим критериям общности: профессиональным взглядам; идейным позициям; реакциям на те или иные явления в жизни, искусстве, спорте и др. «Идеи социального кластеризма», т. е. группировки индивидов по нетерриториальным признакам, высказанные В.Л. Макаровым [7], в цифровой экономике могут найти реальное воплощение.

Таковы некоторые последствия развития «интернета людей».

Прямое взаимодействие технических устройств, оборудования, приборов, предметов без участия человека через посредство интернета («интернет вещей») в последнее время активно развивается как в сфере производства, так и в сфере обращения. «Умная квартира», «умный дом», «умный город» (в ближайшей перспективе) становятся частью окружающего нас мира. Главным образом «интернет вещей» затрагивает онтологическую составляющую мира. Однако наряду со «сферой вещей» цифровое моделирование начинает затрагивать идеологию — «сферу идей», совокупность концепцией, высказываний, ментальных моделей, образов и т. п. В скором времени «интернет людей» и «интернет вещей» будут дополнены «интернетом идей», что приведет к расширению границ искусственного интеллекта и оттеснению индивидуального интеллекта и группового интеллекта от управления экономикой. Тем са-

мым принятие решений и выбор путей развития общества могут выйти из-под общественного контроля. Возникнет ситуация, которую по аналогии с предыдущими фазами расширения влияния Интернета на социально-экономические процессы можно назвать «интернетом путей».

В настоящее время мы находимся в начальной фазе второго этапа. По окончании второго этапа экономика, как можно полагать, станет потенциально прозрачной.

На третьей фазе станет доступным внутренний мир человека.

Четвертая стадия грозит переходом прав руководства мирами людей, вещей, идей к искусственному интеллекту.

Цифровизация и системная структура экономики

С точки зрения системной экономической теории, национальная экономика может быть представлена в виде четырех секторов, которые в совокупности охватывают все виды социально-экономических систем, функционирующих на территории данного государства:

- объектный сектор, состоящий из организаций различных масштабов и уровней (предприятия, поселения, регионы, другие административно-территориальные образования);

- проектный сектор, включающий проектные, т. е. локализованные в пространстве и во времени системы (строительство сооружений, разработка и постановка на производство новых изделий, экономические реформы и т. п.);

- процессный сектор, объединяющий системы, осуществляющие распределение в пространстве потоков материальных и нематериальных благ (распространение инноваций, реализация образовательных технологий, логистика и др.);

- средовой сектор, охватывающий средовые системы типа инвестиционного климата, институционального ландшафта, информационных сетей (условия хозяйственной деятельности, налоговое законодательство, социальные сети и т. п.).

Цифровизация экономики внесет новые существенные элементы в функционирование каждого из этих секторов.

В рамках объектного сектора экономики применение усовершенствованных цифровых технологий существенно затруднит корпоративную коррупцию. Кроме того, прозрачность и объективность

корпоративной информации позволит на порядок повысить эффективность решений по выбору поставщика ресурсов, технологий, номенклатуры и объемов продукции. В условиях цифровой экономики будут облегчены условия задачи масштабирования бизнеса как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения.

Развитие технологий получения, хранения, комплексирования и распространения информации позволит расширить и упорядочить сферу экономической деятельности, связанную с проектным сектором экономики. Возможность неограниченного хранения информации относительно реализации того или иного экономического проекта позволят создать условия восстановления модельного «портрета» проекта даже после его завершения. С помощью такой «дополненной во времени реальности» можно, например, собрать налоги с участников ранее завершившегося проекта.

В рамках процессного сектора экономики появится возможность автоматизированной координации процессов. Возникнет индустрия эффективного регулирования информационной проницаемости среды.

В рамках средового сектора экономики повышаются прозрачность и изотропность социально-экономической среды в пространственном и временном разрезах.

Применение цифровых технологий в управлении национальной экономикой позволит среди прочего облегчить решение задачи поддержки сбалансированности указанных четырех системных секторов [5]. Это обстоятельство следует учесть уже в настоящее время при разработке стратегии социально-экономического развития России на период до 2025 г.

Риски и угрозы цифровой экономики

Возможные негативные последствия перехода к стадии цифровой экономики связаны с неадекватной демаркацией границ между миром реальных участников экономической деятельности, процессов материального производства, распределения, обмена и потребления, с одной стороны, и миром дополненной реальности, виртуально-информационных переменных, с другой. Глубокое взаимное и повсеместное проникновение этих миров друг в друга создает значительные трудности на пути их разграничения. Сегодня мы легко можем отличить разговор по телефону с автоответчиком от беседы по телефону с реальным человеком. В скором времени

это будет практически невозможно. Соответственно, трудно будет предъявить претензии к информатору, предоставившему неполную или заведомо ложную информацию. Цепочки вложенных друг в друга юридических лиц уже сейчас создаются, чтобы вывести из-под ответственности недобросовестных участников экономической деятельности. В развитой цифровой экономике можно представить себе даже бесконечную последовательность юридических лиц, ни одно из которых не может быть ассоциировано с реальным человеком или определенной группой людей. Возможно и возникновение виртуальных государств, виртуального гражданства, виртуальной государственной валюты (типа придуманного героями детской книги Л. Кассила «Кондуит и Швамбрания» государства Швамбрания).

Основные риски неконтролируемого развития цифровой экономики относятся к следующим областям.

1. *Дегуманизация управления.* Исключение человека из цепочек управления, замена его искусственным интеллектом с непредсказуемыми последствиями.

2. *Расщепление (шизис) личности.* Утрата целостности человека в условиях цифровой экономики. Сбор и накопление разнородной информации о поведении человека как потребителя (big data) с последующим объединением этой информации на базе искусственного интеллекта не могут привести к созданию адекватного «живого» образа реального индивида. Агенты, фигурирующие сегодня в агент-ориентированных моделях экономики и общества, подобны анимационным персонажам в кинематографе или индустрии компьютерных игр. В частности, практически не поддается органической интеграции информация о человеке как потребителе, как производителе, как члене экономического сообщества.

3. *Дестимуляция экономической активности.* Неограниченное повышение прозрачности социально-экономического пространственно-временного континуума лишает участников экономической деятельности стимулов к проведению экономических операций. Асимметрия экономической информации часто является единственным фактором разработки и реализации экономических проектов. В конечном счете движение экономики нуждается как в открытии, так и в сокрытии информации. Процесс познания экономической реальности, фактически осуществляемый рыночными агентами в ходе разработки, производства и реализации товаров, работ, услуг, базируется на существовании подвижной и весьма извилистой границы

между прозрачным и непрозрачным. Это относится и к процессам маркетинга, ценообразования, динамики курса валют, функционирования фондового рынка.

4. *Ограниченность искусственного интеллекта.* Водораздел между искусственным и человеческим интеллектом в обозримом будущем будет проходить по линии «постановка задач — решение задач». Включение в базу знаний для построения искусственного интеллекта методов, примеров и образцов решения задач в разных сферах социально-экономической жизни непрерывно расширяется, поэтому с еще большей скоростью расширяется круг задач, доступных для решения системами искусственного интеллекта. Вместе с тем искусство постановки задач, т. е. фактически поиск и демаркация точек прорыва на границе между познанным и непознанным, ведомым и неведомым, мыслимым и немыслимым потребовало бы от машинного интеллекта осмысления жизненного опыта не только отдельного человека, его родственников, друзей, но и всего человечества в целом. Такую ситуацию представить себе невозможно. Компьютер может в идеале воспринять и проанализировать информацию о жизненном опыте человека, его окружения и общества в целом, но не в состоянии приобрести этот опыт в процессе жизненной эволюции.

5. *Ограниченность цифровых моделей.* Конкурентами цифровых моделей реальности выступают аналоговые модели. После оцифровки и ввода полученных данных в компьютер цифровые модели могут быть в принципе исследованы с любой наперед заданной полнотой. Однако эта полнота ограничена избранной при оцифровке структурой отображения реальности. Получение более глубоких знаний требует реструктуризации исследования и фактически проведения нового цикла исследования. Напротив, аналоговые модели допускают поиск более глубоких знаний и закономерностей без перехода к новой структуре исследования. Примеры подобных ситуаций хорошо известны меломанам: цифровые методы записи и воспроизведения музыкальных произведений нередко уступают по глубине восприятия аналоговым записям на виниловых пластинках.

Задачи развития цифровой экономики

Цифровая экономика, как было показано выше, базируется на широчайшем применении компьютерно-математических моделей

реальности. В настоящее время охват моделями социально-экономических систем различных уровней экономики (мега-, макро-, мезо-, микро-, наноэкономический уровни), а также межуровневого экономического пространства не достаточен. Мир реальных социально-экономических систем всюду «плотен» и заполняет собой весь пространственно-временной континуум. Наоборот, мир компьютерно-математических моделей таких систем «разрежен» и исследован далеко не полностью. Поэтому одной из задач развития цифровой экономики является задача инвентаризации существующих компьютерных моделей социально-экономических систем, определение сферы их адекватности и эффективности. Необходимо развертывание широкого фронта работ по разработке методологии компьютерно-математического моделирования на основе аппарата последних достижений современной математики, а также успехов в сферах психологии, социологии, информатики и др. Особое внимание следует уделить индустриализации процесса моделирования, стандартизации процессов разработки, анализа и интерпретации моделей. Следует регламентировать структуру описания моделей, разработать своеобразный паспорт модели, позволяющий получать однозначную информацию о модели как фрагменте мира моделей и как образе реальных социально-экономических систем. Должны быть разработаны и опробованы методы комплексирования различных моделей и синтезирования гибридных образцов виртуальных и реальных социально-экономических систем. Особую роль здесь должны сыграть институты Отделения общественных наук РАН.

Должны быть созданы программно-технические платформы, обеспечивающие комплексирование имеющихся моделей.

Развитие цифровой экономики предъявляет новые требования к институциональной системе страны, в том числе к законодательству. Смещение пространств виртуальных и реальных субъектов будет способствовать размыванию прав и ответственности физических и юридических лиц. Законодательные инициативы, препятствующие такому смещению, должны охватить практически весь корпус законов, начиная с Гражданского кодекса Российской Федерации.

Такие инструменты социального мониторинга, как социологические обследования и опросы, также должны получить иную институциональную основу. Понятие «субъект социологического обследования» должно быть уточнено и институционализировано.

Изменение топологии социально-экономического пространства, о котором говорилось выше, приведет к существенному изменению отношений в системе «власть — общество — индивид». Институты демократии в цифровом обществе будут существенно иными. Коллизии, угаданные писателями-фантастами в середине прошлого века, подобные описанным в рассказе А. Азимова «Я, робот» или романа С. Лема «Солярис», станут реальностью.

Литература

1. *Бойченко А.В.* Причины возникновения и особенности информационного общества // Ученые записки Института социальных и гуманитарных знаний. Казань, 2016. Вып. № 1 (14).
2. *Ведута Е.Н., Джакубова Т.Н.* Big Data и экономическая кибернетика [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/big-data-i-ekonomicheskaya-kibernetika> (дата обращения: 17.12.2017).
3. *Клейнер Г.Б.* Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. (а). 2007. № 2. С. 141—49.
4. *Клейнер Г.Б.* Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. (б). 2007. № 3. С. 99—114.
5. *Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А.* Системная сбалансированность экономики: монография / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт Российской академии наук. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2017. 320 с.
6. *Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 5. С. 4—23.
7. *Макаров В.Л.* Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010. 272 с.
8. *Макаров В.Л., Клейнер Г.Б.* Бартер в России: институциональный этап // Вопросы экономики. 1999. № 4. С. 88.
9. *Макаров В.Л., Клейнер Г.Б.* Микроэкономика знаний / Отд. Обществ. наук РАН; Центр. экон.-мат. ин-т. М.: Экономика, 2007. 204 с.
10. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г.

№1632-p. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 14.12.17).

11. English Oxford Living Dictionary. Oxford, Oxford University Press, 2017. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/digital_эконому (дата обращения: 16.12.2017).

12. *Negroponte N.* Being Digital. N. Y.: Knopf, 1995.

References

1. *Bojchenko A.V.* Prichiny vzniknoveniya i osobennosti informacionnogo obshchestva // Uchenye zapiski Instituta soci-al'nyh i gumanitarnykh znaniy. Kazan', 2016. Vyp. № 1 (14).

2. *Veduta E.N., Dzhakubova T.N.* Big Data i ehkonomicheskaya kibernetika [Ehlektronnyj resurs] // Gosudarstvennoe upravlenie. Ehlektronnyj vestnik. 2017 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/big-data-i-ekonomicheskaya-kibernetika> (data obrashcheniya: 17.12.2017).

3. *Klejner G.B.* Sistemnaya paradigma i ehkonomicheskaya politika // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. (a). 2007. № 2. S. 141—49.

4. *Klejner G.B.* Sistemnaya paradigma i ehkonomicheskaya politika // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. (b). 2007. № 3. S. 99—114.

5. *Klejner G.B., Rybachuk M.A.* Sistemnaya sbalansirovanost' ehkonomiki: monografiya / Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki Central'nyj ehkonomiko-matematicheskij institut Rossijskoj akademii nauk. M.: Izda-tel'skij dom «Nauchnaya biblioteka», 2017. 320 s.

6. *Kornai YA.* Sistemnaya paradigma // Voprosy ehkonomiki. 2002. № 5. S. 4—23.

7. *Makarov V.L.* Social'nyj klasterizm. Rossijskij vyzov. M.: Biznes Atlas, 2010. 272 s.

8. *Makarov V.L., Klejner G.B.* Barter v Rossii: instituci-onal'nyj ehtap // Voprosy ehkonomiki. 1999. № 4. S. 88.

9. *Makarov V.L., Klejner G.B.* Mikroehkonomika znaniy / Otd. Obshchestv. nauk RAN; Centr, ehkon.-mat. in-t. M.: EHkonomika, 2007. 204 s.

10. Programma «Cifrovaya ehkonomika Rossijskoj Federacii», utv. Rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 28 iyulya 2017 g. №1632-r. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (data obrashcheniya: 14.12.2017).

Г.А. ЛОГИНОВ

**Блокчейн, ризома, шизоанализ:
виртуализация эффективности***

Аннотация. Недавние технологии и тенденции в сфере блокчейна и криптовалют рассмотрены сквозь концептуальные схемы известного французского постмодерниста Жюль Делеза. Концепты ризомы, линий ускользания, шизоанализа и детерриторизации применены для философского рассмотрения особенностей «цифровой экономики». Интерпретация делезианских идей Ником Лэндом — радикальным философом «Темного Просвещения» и самопровозглашенным «инхуманистом» — позволяет понять наиболее противоречивые и угрожающие тенденции виртуализации финансов и экономики.

Ключевые слова: ризома, линии ускользания, шизоанализ, детерриторизация, блокчейн, криптовалюты, виртуализация, эффективность, искусственный интеллект, Делез, Лэнд.

Abstract. Recent technologies and tendencies in the area of blockchain and cryptocurrencies are viewed through the conceptual schemes by prominent French postmodernist Gilles Deleuze. Concepts of rhizome, lines of flight, schizoanalysis and deterritorialization are applied for the philosophical consideration of the features of «digital economy». Interpretation of Deleuzian ideas by Nick Land — radical philosopher of «Dark Enlightenment» and self-proclaimed «inhumanist» — helps to understand the most controversial and threatening tendencies of virtualization of finance and economy.

Keywords: rhizome, lines of flight, schizoanalysis, deterritorialization, blockchain, cryptocurrencies, virtualization, efficiency, artificial intelligence, Deleuze, Land

УДК 008.2
ББК 87.0

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Логинов Г.А. Блокчейн, ризома, шизоанализ: виртуализация эффективности // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 143—147.

Создатель концепта ризомы, французский постмодернист Жиль Делез, рассматривается многими как идеолог «позднего капитализма». Виртуалистическая метафизика французского философа — «платонизм виртуального», по выражению А. Бадью, — часто используется для околофилософских спекуляций на тему перспектив информационных технологий в контексте их влияния на повседневность. Проведение параллелей между концептом ризомы (как универсальной концептуально-структурной схемы) и структурой информационных потоков интернета стало в значительной мере общим местом в дискуссиях о проявлениях постмодернизма в обыденной реальности. Делезо-гваттарианская метафизика детерриторизации, несамостождественных взаимодействий «интенсивностей» и виртуальных «тел без органов» представляет собой идеальную почву для философских рефлексий о последствиях и перспективах цифровой глобализации.

Делезовский концепт шизоанализа (как наиболее релевантного инструмента для анализа глубинной психо(пато)логии субъектов рыночных взаимодействий) парадоксальным образом оказался источником вдохновения для одного из своеобразнейших и наиболее критически настроенных философов современности — Ника Лэнда. Участник знаменитой философской исследовательской группы техно-футуристической направленности CCRU (cybernetic culture research unit), Лэнд эмигрировал из Британии в Китай, считая его «территорией будущего». Британско-китайский философ объявляет своими главными идейными предшественниками Жоржа Батая и Жюль Делеза (в достаточно радикальной интерпретации), тем не менее отвергая их левую, «прокоммунистическую», постмарксистскую тенденцию. Широко известные (само)разрушительные мотивы в творчестве Батая (в меньшей степени — Делеза) используются Лэндом для обоснования постгуманистического «технофатализма» в сочетании (во многом шизофреническом) с «альтернативно-правой» политической идеологией. «Ничто человеческое не переживет самое ближайшее будущее», — заявляет Лэнд [2]. Детерриторизация человеческой (пока еще) деятельности в соответствии с «темной волей капитала и технологий», вероятно, уничтожит традиционные индустрии, государства и общества. Постмодернистский шизоанализ оказывается наиболее точным отражением расщепления человеческой личности в условиях постоянных виртуальных и финансовых взаимодействий (в обоих случаях — *трансцендент-*

ных). При этом детерриторизация деятельности обусловлена, главным образом, децентрализацией различных техно-информационных структур на основе интернета.

Наиболее обсуждаемой децентрализованной технологией последних лет несомненно является блокчейн (blockchain) — концепция децентрализованного информационного реестра (распределенной базы данных), ставшая основой для наиболее популярной криптовалюты — биткойна. Важными преимуществами этой технологии являются упрощение многих финансово-экономических операций, а также новые возможности для борьбы с коррупцией. Тем не менее децентрализованность блокчейна создает и новые риски. Показателен недавний сбой в функционировании криптовалюты Ethereum, приведший к уничтожению значительной суммы виртуальных денег. При этом децентрализация исключила возможность идентичного восстановления состояния до сбоя, а уменьшение доверия к криптовалюте привело к снижению ее курса (в противоположность закономерному ожидаемому росту в случае уменьшения общего количества денежных единиц).

Прямой философской аналогией для такой ситуации является делезовский концепт ризомы и *линий ускользания*. При этом линии ускользания ведут в никуда: уничтоженные виртуальные деньги исчезли бесследно, а решение о компенсации со стороны биржи фактически произвольно. Ситуация принципиально отличается от функционирования банковской системы: исчезновение денег с банковского счета всегда означает их *присвоение* кем-то конкретным. Ризома блокчейна не разрушилась, но элементы были безвозвратно утеряны. Существование ризомы настолько независимо от отдельных элементов, насколько они сами не имеют самостоятельной ценности. В качестве отклика на это концептуально-делезианское событие в ризоме интернета распространился анекдот: «2022 год — сотрудник пенсионного фонда случайно удалил пенсионные накопления россиян». Легкая возможность уничтожения виртуальных активов (как и обязательств!) заставляет задуматься о возможном закономерном конце жизненных циклов виртуальных финансовых пирамид — мелких альтернативных криптовалют (так называемых альткойнов). В то же время график роста самого биткойна почти в точности повторяет темпы развития «тюльпаномании» в Голландии XVII в. — вероятно, крупнейшего в истории псевдо-финансового спекулятивного «пузыря».

В случае блокчейна и криптовалют делезовский шизоанализ имеет параллель в виде лихорадки ICO (initial coin offering) — предложения новых криптовалют (часто в сочетании с финансовыми и бухгалтерскими услугами). В пределе число криптовалют может даже превысить численность населения планеты (особенно в случае автоматизации и облегчения требований для их выпуска). В таком случае количественная привлекательность личных разновидностей виртуальных денег станет аналогом «человеческого капитала». В довесок к антигуманистической квантификации ценности человеческой личности человечество окажется втянутым в бессмысленную и непродуктивную конкуренцию за «доверие». Конкуренция за высокую оценку своей деятельности (в виде оплаты труда — в качестве продавца труда) может быть отягощена дополнительной конкуренцией за оценку некоей социальной значимости и надежности личности (в качестве покупателя и потребителя благ). Необходимо заметить, что в Китае («территории будущего», согласно Н. Лэнду) уже сейчас начат эксперимент по внедрению социального рейтинга, угрожающий превратить общество в «человейник» — «электронный концлагерь». Характерно, что для устойчивости выстраиваемого государственного тотального контроля китайское правительство запретило частные ICO.

«Новый Китай приходит из будущего» [2]. Кратковременная свобода пользователей криптовалют от традиционных финансовых институтов может обернуться неустранимой зависимостью от автоматического функционирования смарт-контрактов и кредитного скоринга на основе блокчейна, управляемого саморазвивающимся искусственным интеллектом (И.И.). Н. Лэнд утверждает, что универсальный ИИ может начать действовать непредсказуемо для людей еще до того, как будет полностью формализован [1]. Таким образом, ИИ, возможно, способен «дописать» себя после достижения некоторой стадии, подобно тому, как созданная в Google система AutoML превзошла своих создателей в решении некоторых задач машинного обучения [2].

Вышеперечисленные угрозы являются результатом развития основной тенденции и ценности экономики постмодерна — дегуманизированной эффективности [3]. На стадии виртуализации финансовой системы саморазвивающаяся эффективность грозит окончательно оторваться от соображений прибыли (пресловутого «экономизма», говоря философски). Патологические тенденции техносфе-

ры криптовалют могут даже затруднить приток инвестиций в «физическую экономику» — «реальный сектор». В то же время новомодная (возникшая буквально в последние месяцы на Западе) идея «токенизации активов» (создания их виртуальных эквивалентов, привязанных к криптовалюте) может стереть информационное различие между реальными материальными активами и фактически бесполезными виртуальными объектами криптовалют. Таким образом, неконтролируемое использование криптовалют является прямой угрозой человеческому измерению экономики. Постмодерновая эффективность стремится к детерриторизации и полному освобождению от гуманистических ограничений.

В первой половине XX в. немецкий философ Людвиг Клагес называл деньги «нереальным, поддельным, извращенным наркотиком». Сложно представить, как бы он охарактеризовал многочисленные криптовалюты-альткойны. Можно вспомнить едкое замечание А.А. Зиновьева, что законом развития цивилизации вместо «отрицания отрицания» станет «извращение извращения».

В то время как деньги являются основной мотивацией профессиональной деятельности большинства человечества, необходимо задать вопрос в духе «технофатализма»: «Может ли то, что *играет вами*, перейти на следующий уровень?» [2]

Литература

1. *Логинов Г.А.* Эффективность как определяющая ценность постмодерна // *Философия хозяйства*. 2017. № 3. С. 155—165.
2. *Land N. Meltdown*. URL: http://ccru.net/swarm1/1_melt.htm.
3. URL: <https://3dnews.ru/960103>.

References

3. *Loginov G. A.* Jeffektivnost' kak opredeljajushhaja cennost' postmoderna // *Filosofija hozjajstva*. 2017. № 3. S. 155—165.

Т.М. ХУСЯИНОВ

**Проблема (не)единства прав и обязанностей работников
в контексте дестандартизации рынка труда
и распространения интернет-занятости***

Аннотация. Статья посвящена противоречию между регулированием трудовых правоотношений и реальными практиками трудовой деятельности. Современный рынок труда характеризуется своей децентрализацией и дестандартизацией, активным внедрением новейших информационных технологий, автоматизацией и роботизацией ряда производственных процессов. В этих условиях государственное регулирование сталкивается с серьезными трудностями, вызванными неактуальностью некоторых юридических технологий и необходимостью быстрого создания и постоянной актуализации новых. Основой для данного исследования стала такая современная форма трудовой деятельности, как интернет-занятость, обладающая высокой степенью вариативности.

Ключевые слова: информационное общество, дестандартизированный рынок труда, децентрализация, интернет-занятость, информатизация занятости, атипичная занятость, права работника, обязанности работника, КРІ, постиндустриальное общество.

Abstract. This paper is devoted to the contradiction between the regulation of labor relations and real practices of work. The modern labor market is characterized by its decentralization and de-standardization, active introduction of the latest information technologies, automation and robotization of a number of production processes. In these conditions, state regulation faces serious difficulties caused by the irrelevance of certain legal technologies and the need for rapid creation and constant updating of new ones. The basis for this

*Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта № 17-03-00074 «Самостоятельная интернет-занятость: между прекаризацией и нормальностью», 2017—2018 гг.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Хусяинов Т.М. Проблема (не)единства прав и обязанностей работников в контексте дестандартизации рынка труда и распространения интернет-занятости // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 148—156.

study was such a modern form of employment as Internet employment, which has a high degree of variability.

Keywords: Information society, de-standardized labor market, decentralization, E-work, informatization of employment, atypical employment, employee rights, employee responsibilities, KPI, post-industrial society.

УДК 316
ББК 60.56:65.246

Новейшие тенденции в экономике и политике, достижения научно-технического прогресса и информационной революции оказали существенное влияние на трудовые отношения во многих странах мира. Постепенно прежняя схема взаимоотношений работника и работодателя стала изменяться. Стандартная (типичная) занятость начала уступать атипичной, произошла дестандартизация трудовых отношений. Эти изменения привели к появлению актуальных тенденций на рынке труда, к числу которых можно отнести: автоматизацию и роботизацию производственных процессов, а также дестандартизацию продукции (ориентацию на выпуск уникального), виртуализацию рабочего пространства и формирование рынка интернет-труда и т. д.

Новое постиндустриальное общество ставит вопрос об эффективности каждого сотрудника и реализуемого бизнес-процесса. Это приводит к возникновению или возрождению таких форм трудовых правоотношений, как срочные и временные, работа по вызову и удаленная работа, происходят возрождение самозанятости и формирование новой категории независимых профессионалов, создаются компании, предоставляющие услуги по аутсорсингу и аутстаффингу. В результате борьбы за эффективность и снижение затрат формируется сеть исполнителей — как входящих в штат организации, так и внешних. При этом набирающая силу тенденция уберизации демонстрирует, что практически во всех сферах может существовать сеть независимых исполнителей, объединяемых цифровой платформой и не входящих в штат.

На смену трудовым коллективам приходят самозанятые профессионалы. Профсоюзы теряют свою силу и вынуждены также трансформироваться, в результате чего возникают организации независимых работников [11], которые, однако, уже не могут похвастаться тем единством, которое было у рабочих индустриальной

эпохи. Общество занятости шагнуло к новому состоянию — обществу профессионалов, которое характеризуется индивидуализмом [1], личными профессиональными навыками и высокими рисками работника [2].

Находясь за пределами организации, оказывая ей определенные услуги, работник лишен ряда социальных гарантий, вынужден самостоятельно заниматься вопросами своего социального, пенсионного и медицинского страхования [11]. Консультирование по этим вопросам становится основной задачей «уовых профсоюзов» [11]. Теперь работник не защищен от проблемы простоя, ответственность за которую в прошлом была целиком возложена на работодателя, а сотрудник получал свою заработную плату вне зависимости от того, есть ли для него работа или нет. В новых условиях работодатель привлекает самозанятого только в тех случаях, когда работа есть и ограничивает сроки сотрудничества моментом, когда она будет выполнена.

Важной вехой в трудовых отношениях стало возникновение интернет-занятости. Являясь совершенно новым явлением, она потребовала от государства создания новых норм регулирования этой формы занятости, а ее широкая вариативность продемонстрировала, насколько эти нормы должны быть гибкими.

Анализируя данные, собранные в рамках социологического исследования самостоятельной интернет-занятости, мы можем отметить высокую дифференциацию в размещаемых заказах, так называемых технических заданиях (ТЗ). В рамках нашего исследования мы анализировали данные о поиске исполнителей, размещенные в профессиональном сообществе в социальной сети «ВКонтакте» в период с 1 января до 31 декабря 2016 г. (N=13681). Данное сообщество было выбрано в силу высокой активности пользователей и широкого охвата аудитории.

Результаты проведенного исследования показывают, что среди предлагаемых вакансий очень низкая доля содержит информацию о постоянной работе, в большинстве случаев это разовые заказы. Сами тексты заказов нацелены на конкретизацию предстоящих работ — цена, сроки, требования к конечному продукту. При этом могут встречаться примеры заказов, которые мы назовем «быстрыми», так как их выполнение занимает очень небольшое количество времени, а стоимость невелика: *«Нужен библиотекарь, либо человек понимающий в библиографических списках. Работа на 20 минут при знании дела. Оплата 200 рублей»*.

Также мы можем выделить заказы средней срочности и долгосрочные, которые близки к включению в штат организации, в понятиях индустриальной эпохи. Несмотря на то, что сообщений с предложениями о постоянном сотрудничестве почти треть (4707 сообщений), заключение трудового договора не предполагается.

Таким образом, возникает противоречие между трудовыми практиками и трудовым законодательством, что выливается в формирование «Серой зоны» [11]. Внутри этого сектора рынка труда оказываются работники, не включенные в трудовые правоотношения и не готовые к ведению предпринимательской деятельности, с одной стороны, и не стремящиеся к теневой занятости — с другой. Однако отметим, что существует достаточно большая доля тех, кто намеренно избегает включения в правоотношения с целью исключить налоговые выплаты и скрыть свои финансовые потоки.

Возникает серьезная проблема регулирования подобного рода нестандартных трудовых отношений. Если на протяжении индустриальной эпохи подобных проблем не возникало и многие юристы отмечали единство прав и обязанностей среди субъектов трудовых правоотношений [3], то теперь возникает необходимость в разработке новых механизмов — юридических технологий, которые будут отвечать актуальным требованиям рынка труда. При этом особую актуальность приобретает такое действие, как юридический мониторинг [5], в рамках которого собирается и анализируется информация о проблемах регулирования трудовых отношений. В силу сложности и многообразия практик в современной профессиональной деятельности возникает необходимость не только в формировании новых юридических технологий регулирования, но и в создании конструкта сложного трудового правоотношения, включающего ряд элементарных на основании отдельных аспектов нестандартной занятости.

Так, например, к концу 2000-х гг. во многих странах Европы было сформировано законодательство, регулирующее интернет-занятость. Основой для этого стало подписание в 2002 г. Европейского рамочного соглашения о телеработе (European framework agreement on telework), которое затем было имплементировано рядом европейских стран в национальное трудовое право [9]. Особенностью данного Соглашения стало то, что при его разработке активно участвовали представители крупных европейских объединений профсоюзов и работодателей при содействии европейского наднационального комитета. Преамбула данного Рамочного согла-

шения позволяет не только лишь частично имплементировать положения Соглашения, но и видоизменять их исходя из потребностей и специфики конкретного национального права. В результате, ряд европейских стран имплементировал основные положения данного Соглашения — часто с привлечением социальных партнеров в качестве экспертов. Однако далеко не везде законодательство учитывает особенности данной категории работников (например, в Румынии и Чехии). Если в Румынии вообще не было внесено поправок в Трудовой кодекс и все сотрудники, вне зависимости от формы занятости, наделены равными правами, то в Чехии поправки были незначительными и учитывали лишь частности.

Активное участие социальных партнеров (работодателей и профсоюзов) в разработке польского законопроекта и их заинтересованность в нормировании трудовой деятельности привели к тому, что после внесения поправок число интернет-работников, вышедших из теневой занятости и «серой зоны» и включившихся в трудовые правоотношения, увеличилось на 10% и постепенно растет [7]. В то же время в России, где социальные партнеры исключены из процедуры разработки новых норм, после принятия соответствующего законодательства, доля интернет-работников, заключивших трудовые договоры, осталось на том же уровне — около 10—12% [8].

Принятие нового законодательства, регулирующего нестандартные формы занятости, влечет за собой нормирование трудовой деятельности и обеспечивает некоторые социальные гарантии для работника. С другой стороны, отсутствие отклика профессионального сообщества на происходящие изменения приводит к тому, что разрабатываемые правовые нормы не учитывают интересы представителей этой профессиональной группы. А, следовательно, не могут адекватно сформировать круг прав и обязанностей нестандартного работника.

Подобная ситуация демонстрирует проблему регулирования нестандартной трудовой деятельности, поскольку ее реализация требует формирования уникального набора обязанностей для каждого конкретного сотрудника. Теперь сотрудник может уже работать вне помещений своего работодателя, пользоваться собственным оборудованием, а его жизнь и здоровье оказываются вне сферы ответственности работодателя. При этом его обязанности могут быстро изменяться, например, в случае проектной работы, где при переходе из одного проекта в другой работник меняет спектр своей

деятельности, заключение нового трудового договора с новыми обязанностями затрудняет мобильность внутри организации и между организациями. Основой для подобного регулирования внутри организации может стать система KPI (Key Performance Indicator).

KPI выступает методом оценки персонала с помощью ключевых показателей, актуальных на текущий момент, при этом сами показатели достаточно универсальны [6]. При разработке системы показателей формируются индивидуальные smart-цели работников исходя из стратегических и оперативных задач организации [4].

Выполнение трудовых обязанностей и показателей KPI специалистом требует наличия сформированных у него профессиональных компетенций. Активное внедрение новых информационных технологий, промышленного оборудования, а также форм и видов взаимодействия, появление новых сфер деятельности и профессий привели к тому, что особым спросом на рынке труда начали пользоваться профессионалы, обладающие широким набором компетенций. В настоящее время работодатели, взаимодействующие с вузами, стремятся оказывать влияние на качество профессионалов еще на стадии обучения, а нередко даже раньше, при создании новых образовательных программ. Они участвуют в формировании базовых кафедр крупных предприятий в университетах, предлагают студентам пройти стажировку или практику и т. п.

Тенденции транспрофессионализации, отмеченные Г. Перкиным, приводят к формированию междисциплинарных образовательных программ, в рамках которых студенты бакалавриата и магистратуры изучают широкий спектр дисциплин и готовятся к решению разнообразных проблем в определенной области. Примерами таких программ могут быть созданные в ряде российских университетов магистратуры по урбанистике, чьи студенты учатся пониманию (исследованию) городского пространства и управлению им.

Другая важная тенденция — возникновение, развитие и бурное распространение цифровых технологий, их активное внедрение во все сферы жизни общества — приводит к тому, что каждый будущий специалист должен обладать компетенциями, необходимыми для работы с Большими данными, искусственным интеллектом и машинным обучением, интернетом вещей и т. д.

Обе эти тенденции имеют важное значение для будущих специалистов при поиске работы и скажутся на их профессиональной востребованности. Как отмечал Г. Перкин, в результате третьей

профессиональной революции будет сформирована новая категория работников — транспрофессионалы.

В соответствии с концепцией, предложенной Г. Перкиным [10], в ходе глобальных изменений в обществе происходит третья профессиональная революция, вследствие которой на первый план на рынке труда выдвигаются люди свободных профессий. Профессионалы, которые могут за счет своего мышления и различных способов организации деятельности работать в различных профессиональных средах, не привязаны к какой-либо организации, могут свободно входить и выходить из организационной структуры. Для транспрофессионалов характерны свободное использование разнообразных методов для решения творческих задач, отказ от формальных стандартов, креативный стиль мышления, ситуативный подход по отношению к структурным составляющим организации.

Транспрофессионалы являются одним из видов незащищенных работников, так как широкий круг их компетенций может становиться причиной увеличения их трудовых обязанностей, ухудшения условий труда (в частности, графика работы) — при этом их заработная плата может оставаться на прежнем уровне. Кроме того, для сохранения своей актуальности на рынке труда они вынуждены постоянно обновлять свои знания.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современный рынок труда нуждается в разработке и внедрении новых механизмов регулирования, которые должны постоянно актуализироваться на основании данных юридического мониторинга. При этом законодатель в большей степени должен обращать внимание на права работников, так как их обязанности обладают еще большей вариативностью и закрепляются в заключаемых между работником и нанимателем эффективных контрактах и/или могут регулироваться системой КРІ. При этом сами бизнес-структуры заинтересованы в том, чтобы их сотрудники выполняли свои обязанности в полном объеме, поэтому включаются в образовательный процесс, формируя компетенции своих будущих сотрудников.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.

2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
3. *Гетман Я.Б.* Правовые средства, обеспечивающие единство прав и обязанностей субъектов трудового правоотношения и их поведения в процессе труда // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 6 (85). С. 108—111.
4. *Клочков А.К.* КРП и мотивация персонала. Полный сборник практических инструментов. М.: Эксмо, 2010. 103 с.
5. *Колесник И.В.* Мониторинг как средство аргументации правоприменительной технологии // Юридическая техника. 2013. № 7—1. С. 142—143.
6. *Моисеева Е.С.* Создание эффективной системы показателей оценки сотрудников на базе КРП // Актуальные вопросы экономики, менеджмента и инноваций: Материалы Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, 2016. С. 254—256.
7. *Хусяинов Т.М.* Особенности правового регулирования труда занятых в сети Интернет в Польше // Право и политика. 2016. № 1. С. 61—66.
8. *Хусяинов Т.М.* Социально-правовой анализ трудовых соглашений с занятыми в сети Интернет (на примере Нижегородской области) // Политика и общество. 2015. № 3. С. 294—302.
9. Implementation of the European framework agreement on telework. Report by the European social partners on 28 JUNE 2006. URL: <http://www.etuc.org/a/579>.
10. *Perkin G.* The Third Revolution: Professional Society in International Perspective. L., 1996.
11. *Schulze Buschoff K.* Self-employment and social risk management: Comparing Germany and the United Kingdom: WZB Discussion Paper, No. SP I 2007—103. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), 2007. 41 p.

References

1. *Bauman Z.* The Individualized Society. M.: Logos, 2005. 390 p.

2. *Bek U.* Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern. Per. s nem. V. Sedel'nika, N. Fedorovoi. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 383 s.

3. *Getman Ya.B.* Pravovye sredstva, obespechivayushchie edinstvo prav i obyazannostei sub"ektov trudovogo pravootnosheniya i ikh povedeniya v protsesse truda // Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2017. № 6 (85). S. 108—111.

4. *Klochkov A.K.* KPI i motivatsiya personala. Polnyi sbornik prakticheskikh instrumentov. M.: Eksmo, 2010. 103 s.

5. *Kolesnik I.V.* Monitoring kak sredstvo argumentatsii pravoprimenitel'noi tekhnologii // Yuridicheskaya tekhnika. 2013. № 7—1. S. 142—143.

6. *Moiseeva E.S.* Sozdanie effektivnoi sistemy pokazatelei otsenki sotrudnikov na baze KPI // Aktual'nye voprosy ekonomiki, menedzhmenta i innovatsii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Nizhnii Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. R.E. Alekseeva, 2016. S. 254—256.

7. *Khusyainov T.M.* Peculiarities of the legal regulation of telework in Poland // Law and Politics. 2016. № 1. P. 61—66.

8. *Khusyainov T.M.* Social-Legal Analysis of Labour Agreements with the Internet-Employees (by the Example of the Nizhny Novgorod region) // Politics and Society. 2015. № 3. P. 294—302.

Л.Ю. АНДРЕЕВА, Н.А. КУРЬЯНОВ

Технологии корпоративного кредитования в условиях развития цифровой экономики: компетентностный подход*

Аннотация. Интерес к финансовым сервисам со стороны технологических компаний не только усиливает конкуренцию на кредитном рынке, но и формирует новые требования к персоналу коммерческих банков, который должен обладать новыми знаниями

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Андреева Л.Ю., Курьянов Н.А. Технологии корпоративного кредитования в условиях развития цифровой экономики: компетентностный подход // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 156—165.

и компетенциями для снижения операционных рисков в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: банковский бизнес, компетенции специалистов, корпоративное кредитование, новые рынки, технологические компании.

Abstract. Interest from technological companies in financial services not only strengthens competition on a credit market, but also forms new requirements to personnel of commercial banks which are to possess new knowledge and expertise in order to mitigate operational risks in the conditions of the digital economy.

Keywords: banking business, expertise of professionals, corporate lending, new markets, technology companies.

УДК 336
ББК 65

В настоящее время Банк России продолжает цикл смягчения денежно-кредитной политики, нацеленной на снижение инфляции, сокращение издержек ведения бизнеса, стимулирование развития кредитования и рост инвестиций в корпоративный сектор российской экономики. Восстановление экономической активности в российской экономике происходит медленными темпами, несмотря на снижение инфляции и сложившуюся хорошую динамику цен на нефть на мировом рынке. В качестве инфляционных рисков развития отечественной экономики выступают «немонетарные факторы», которые не относятся к сфере влияния макрорегулятора. К этим факторам, снижающим темпы восстановительного роста экономики, можно отнести следующие: действие секторальных санкций со стороны США и стран Евросоюза, геополитические риски, структурные особенности развития российской экономики, а также вызовы развития цифровой экономики.

Вследствие установления санкционного режима отечественный корпоративный бизнес в основном получает кредиты в российских коммерческих банках, а свободные финансовые средства размещает на российских депозитных счетах. Такая ситуация с течением времени формирует зависимость российских компаний корпоративного сектора от отечественных коммерческих банков, которая

увеличивается у экономических агентов рынка, испытывающих зависимость от санкций.

Если до введения санкционного режима, например, более 50% в структуре финансовых ресурсов, привлеченных в качестве займов государственной корпорации «Роснефть», приходилось на облигации и синдицированные кредиты, размещенные и привлеченные на глобальном финансовом рынке, то в 2017 г. основными источниками финансовых ресурсов для развития являлись займы, привлеченные от российских банков.

Сегодня банковский сектор играет определяющую роль в восстановительном росте российской экономики в связи с тем, что сам развивается достаточно быстро, а финансово-кредитные институты получают прибыль, развивают новые технологии взаимодействия с клиентами и имеют финансовые ресурсы для активного кредитования промышленного сектора.

Для роста динамики развития финансово-кредитных институтов применение новых технологий играет определяющую роль, так как способствует установлению более удобных информационно-сетевых коммуникаций с корпоративным сектором. Российские банки достаточно активно продвигают на рынок качественные цифровые продукты, обеспечивающие развитие бизнес-коммуникаций с корпоративными клиентами. Эти продукты содержат большую долю консалтинга, обеспечивающего правильный выбор при принятии управленческих решений по инвестиционно-финансовой политике развития промышленных и торговых компаний корпоративного сектора.

Адаптация финансово-кредитного сектора к восстановительному росту связана с наличием высокопрофессиональных сотрудников, обладающих практическим опытом и высоким уровнем компетенций. Для разработки новых продуктов коммерческим банкам приходится осуществлять инвестиции в интеллектуальный и человеческий капитал. Вместе с тем, отзыв лицензий у значительного числа коммерческих банков увеличил возможность привлечения сотрудников, обладающих глубокими знаниями для оставшихся на рынке активно работающих кредитных организаций.

Финансовые санкции увеличили рост спроса на банковские продукты, новые технологии обеспечивают качественный уровень банковского обслуживания корпоративных клиентов. Специалисты банков стали высокопрофессиональными финансовыми консуль-

тантами для корпоративных структур, которые нуждаются в снижении рисков при привлечении финансовых ресурсов. Специалисты банков не только могут определить качество залоговых инструментов, но и оценить уровень кредитоспособности корпоративных заемщиков при выборе модели и технологий кредитования.

Цифровизация финансовых операций снижает кредитные риски при работе банков с корпоративными клиентами, так как обеспечивает прозрачность финансовых потоков. Замедление темпов роста инфляции позволило коммерческим банкам увеличить доходность финансовых операций и создать устойчивую ресурсную базу за счет развития информационных коммуникаций и более удобных для клиентов информационно-сетевых технологий реализации депозитной политики.

Вместе с тем, активная позиция развития российских коммерческих банков в большей мере связана с расширением объемов кредитования населения и домохозяйств, а не корпоративного сектора. Это связано с тем, что корпоративный сектор отечественной экономики занял выжидательную позицию и, если имеет свободные финансовые ресурсы, то не спешит превращать их в инвестиции, сохраняя на депозитных счетах банка.

Корпорации стремятся разнообразить собственный инвестиционный портфель, приобретая облигации российских банков, например, спрос на облигации ВТБ к концу текущего года превысил предложение. Это связано с высокой доходностью банковских облигаций. Ставка по купону этой бумаги составляет 8% для годовой бумаги, что значительно выше депозитных банковских ставок российского рынка. Основную стоимость при продвижении на рынок финансовых продуктов создают банковские специалисты, способные донести до клиентов комплексные характеристики новых продуктов и услуг. Российские банки, развивающие информационное обслуживание в системе «Private Banking», работают с инновационными банковскими продуктами и технологиями цифровой экономики.

Модель цифровизации банковского бизнеса не может быть реализована без «дивидуализации» финансовых услуг, важнейшего фактора построения персональной клиентской работы. Цифровая модель развития банковского бизнеса основана на технологиях дистанционного обслуживания и инновационной работе с базами данных, которые составляют современный интеллектуальный капитал

коммерческого банка, при этом ядром этого капитала являются специалисты с высоким уровнем знаний и навыков.

Специалисты с высоким уровнем знаний определяют новый этап конкурентного развития российского банковского сектора, связанный с формированием интеллектуального капитала кредитной организации и неценовых конкурентных преимуществ. Цифровая экономика поддерживает инновационные тренды в финансовом секторе, которые формируются на основе развития компетенций персонала [1].

Клиентский капитал банка — это, прежде всего, люди, которые реагируют не только на технологии, но и на качество коммуникаций с сотрудниками кредитной организации. Снижая процентные ставки на кредиты вслед за ключевой ставкой макрорегулятора, коммерческие банки стремятся увеличить количество продаваемых на рынке финансовых продуктов при кредитовании отечественных корпораций, которые сегодня могут привлекать финансовые ресурсы в основном с внутреннего рынка.

Добавленная стоимость в российском банковском секторе формируется на основе динамики отношения роста номинального банковского портфеля к разнице между депозитными и кредитными ставками коммерческих банков, при этом этот показатель обязательно корректируется с динамикой изменений уровня цен. Для перехода к активной финансово-инвестиционной стратегии корпоративный сектор должен выявить достаточный уровень платежеспособного спроса экономических агентов российского рынка.

Спрос на кредитные продукты, несмотря на качественный уровень их сопровождения со стороны банковского персонала при продвижении на рынок, остается в конце 2017 г. очень низким. Компании корпоративного сектора инвестируют в ресурсы в более привлекательные финансовые инструменты с высокой степенью доходности. Для увеличения спроса на кредитные продукты необходимо увеличить их маркетинговую привлекательность для российских корпораций, а именно: увеличить качество информационного сопровождения кредитных операций [5].

В связи с этим, на российском рынке финансовых услуг быстро увеличился спрос на работников и специалистов, обладающих новыми компетенциями по разработке информационно-финансовых продуктов и применению новых блокчейн-технологий в развитии банковского бизнеса.

Активность российского нефинансового бизнеса пока находится на низком уровне. Корпоративный бизнес испытывает сложности от введения санкций и стремится найти надежные финансовые инструменты, обеспечивающие безубыточное возвращение вывезенных на глобальный финансовый рынок капиталов, назад, на российский финансовый рынок.

В статье А.С. Орбинского отмечается, что «санкции неизбежно подталкивают российские корпорации к поиску новых партнеров и гарантий для реализации инвестиционных проектов» [3].

Аналитики формируют модели и инструменты для привлекательных инвестиций репатрируемых капиталов. Такими инструментами могут выступить, например, валютные облигации государственного займа, которые будут выпущены под гарантии правительства Российской Федерации. Ожидаемая сумма возврата финансового капитала на локальный рынок России оценивается экспертами примерно в 3 млрд дол., поэтому, вероятно, новые финансовые инструменты будут найдены [4].

Вместе с тем, в случае выведения на финансовый рынок новых валютных инструментов появится дополнительный валютный риск у государства, которое вынуждено помогать российскому крупному бизнесу в этой проблеме в связи с тем, что экономические санкции в условиях реализации геополитических рисков постоянно усиливаются [5].

Возможность расширения действующих санкций или введения новых суверенных санкций усиливается и формирует дополнительные риски для российских корпоративных структур. Сложные финансовые риски и их высокая вероятность возникновения, по оценкам ученых, резко снижают внешнюю инвестиционную активность отечественных инвесторов [6].

Учитывая сложные обстоятельства для развития российского корпоративного сектора, макрорегулятор и Министерство финансов приступили к разработке новых инструментов, риски которых будут приближены к суверенным рискам. Например, ожидается, что государственные гарантии будут предоставлены облигациям фонда, которые будут инвестироваться в инфраструктурные проекты. По оценкам экспертов, размер инвестиций может составить около 300 млрд р. [4].

В связи с тем, что действующие на сегодня процентные ставки по валютным банковским депозитам очень низкие, многие кор-

поративные клиенты банков открывают депозиты в рублевом эквиваленте. По оценкам аналитиков, на российском банковском рынке после введения санкций и усиления дисбалансов началось формирование нового финансового тренда, связанного с переходом корпоративного сектора от валютного кредитования к кредитованию в рублях [6].

Технологии корпоративного кредитования стали отличаться новыми формами привлечения ресурсов, а зависимость компании «Роснефть» от нетрадиционных форм привлечения инвестиций, таких как авансы и репо с Банком России с использованием рублевых облигаций, усиливается.

Снижая риски, корпорация «Роснефть» формирует новые инструменты обслуживания внешнего долга и финансирования инвестиционных проектов, используя, например, форму предоплаты поставок нефти, продажу долей в российских проектах и рефинансирование внешнего долга через отечественные кредитные организации. Управляя финансовыми рисками, реструктуризируя кредитную задолженность, корпорация «Роснефть» размещает средства в финансово устойчивых кредитных организациях.

Корпорация «Газпром», которая не попала в санкционный список российских предприятий, большую часть заемного капитала имеет в валюте, а 60% депозитов и денежных средств хранит на счетах дочернего банка — «Газпромбанка». Значительная зависимость корпорации от финансовых ресурсов банка создает предпосылки кумуляции рисков, которые в условиях экономической турбулентности, которые могут появиться у корпорации «Газпром», если у дочернего банка возникнут дисбалансы с активами.

Согласно информации аналитиков агентства S&P, соотношение кредитов, выданных 20 крупнейшим российским заемщикам, и собственного капитала у отечественных кредитных организаций составляет 226%, поэтому возможный дефолт одного крупного заемщика может вызвать «эффект домино» отечественного кредитного рынка [2].

Санкции привели к определенным сложностям на кредитном рынке в начале 2015 г., когда у российских компаний возникли проблемы с ликвидностью, и им пришлось срочно проводить реструктуризацию займов. В настоящее время кредитные риски снизились, и отмечается определенный позитивный эффект от их регулирования. Корпоративный сектор, кредитуясь у российских коммерче-

ских банков, снижает возможность проникновения финансовых рисков с глобального рынка на внутренний кредитный рынок.

Вместе с тем, российские экзотические банки, кредитующие корпорации одноименных промышленных групп, снизили финансовую устойчивость и увеличили уровень кредитного риска. Рост доли крупных корпоративных заемщиков и высокая динамика кредитных рисков в банковском секторе привели к массовому отзыву лицензий и выявили необходимость проведения санации большого числа российских банков.

Отзывая лицензии у российских банков, а также переводя часть из них в разряд санируемых, Банк России как макрорегулятор постоянно сокращает число участников отечественного финансового рынка и способствует дальнейшей концентрации банковского сектора.

Обслуживая российские корпорации, которым необходимы финансовые ресурсы, отечественные кредитные организации приближаются к зоне повышенного риска, увеличивая лимиты на одного корпоративного заемщика. По оценке экспертов S&P, задолженность ряда российских корпораций уже превышает 40 млрд дол., которые может предоставить российская кредитная отрасль одному заемщику без нарушения нормативов; согласно данным отчетности по МСФО, в 2016 г. такими компаниями выступили корпорации «Роснефть» и «Газпром» [2].

При этом, по оценкам аналитиков S&P, связанность корпоративных структур с кредитно-финансовыми операторами российского рынка может оказаться значительнее, чем отражено в отчетности, так как Банк России не всегда учитывает финансовые ресурсы, выданные в качестве кредитов связанным сторонам. Ограничение доступа к внешнему финансированию создало трудности для ряда крупных компаний и банков. Достаточно часто в условиях финансовых ограничений кредитные организации приобретают корпоративные облигации «материнских» компаний, так, на 1 ноября 2017 г. размер суммы этих активов в их портфелях составил 65 млрд дол. [2].

Отечественные кредитные организации в условиях ограниченной ликвидности для снижения кредитных рисков обычно строили работу с проблемными заемщиками следующим образом. Если возникал риск прекращения или задержки обслуживания долга более, чем 3 месяца, то кредитная организация передавала этого кли-

ента коллекторскому агентству или запускала процедуру взыскания. Результатом применения процедуры взыскания являлись переход компании под контроль банка либо получение активов в ходе банкротства. Вместе с тем, результативность таких мер для кредитной организации была достаточно низкой, так как чистый дисконтированный возврат средств при банкротстве заемщика находится в диапазоне от 10 до 30 коп. на 1 р., очевидно, что не все кредитные организации могут взять на удержание возникающие от таких операций убытки. Лучшие зарубежные практики свидетельствуют о том, что наименее рискованным способом является операция управления возникшими кредитными рисками проблемных корпоративных заемщиков.

В этом случае привлекается независимый специалист, который помогает снизить кредитные риски банку и сохранить бизнес корпоративного заемщика. Для регулирования рисков отечественные кредитные организации стали привлекать внешних экспертов, обладающих необходимыми компетенциями. Такое развитие событий не всегда позитивно воспринимается представителями корпоративного сектора, которые рассматривают появление такого риск-менеджера как начало процедуры банкротства. Результат реструктуризации долга самым непосредственным образом связан с уровнем компетенций и опытом самого риск-менеджера, важной характеристикой которого является уровень понимания экспертом специфики бизнеса корпоративного банковского клиента. Очевидно, что наличие информационно-сетевых коммуникаций банка и клиента обеспечит правильный выбор схему реструктуризации долга, сохранив финансовую устойчивость коммерческого банка и корпоративного заемщика.

Литература

1. *Андреева Л.Ю., Сомко М.Л.* Система профессиональных компетенций, переподготовки и повышения квалификации работников крупных компаний как фактор экономической динамики // *Философия хозяйства*. 2013. № 6 (90). С. 114—123.

2. *Ломская Т.* S&P предупредило об опасном сближении российских компаний и банков // *Ведомости*. 2017. 5 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/12/05/744115-sblizhenii-kompanii-bankov> (дата обращения: 06. 12. 2017).

3. *Оробинский А.С.* Финансовые инструменты управления рисками российских компаний в условиях перехода к восстановительному росту экономики // *Философия хозяйства*. 2017. № 6. С. 183—191.

4. *Папченкова М., Стеркин Ф.* Российский бизнес всерьез испугался санкций [Электронный ресурс] // *Ведомости*. 2017. 6 дек. URL: www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/12/06/744268-biznes-ispugalsya-sanktsii (дата обращения: 06. 12. 2017).

5. *Andreeva L.Yu.* Tools of Financial Management of Reputational Risks / L.Yu. Andreeva, T.O. Grafova, M.M. Skorev, I.R. Kirischeeva // *European Research Studies Journal*. 2017. Vol. XX. Is. 3B. P. 280—299.

6. *Vovchenko, N.G.* Ensuring financial stability of companies on the basis of international experience in construction of risks maps, internal control and audit / N.G.Vovchenko, M.G. Holina., A.S. Orobinskiy, R.A.Sichev // *European Research Studies Journal*. 2017. T. 20. № 1. С. 350—368.

References

7. *Andreeva L.Ju.* Sistema professional'nyh kompetencij, perepodgotovki i povyshenija kvalifikacii rabotnikov krupnyh kompanij kak faktor jekonomicheskoy dinamiki / L.Ju. Andreeva, M.L. Somko // *Filosofija hozjajstva*. 2013. № 6 (90). — S. 114—123.

4. *Lomskaja T.* S&P predupredilo ob opasnom sblizhenii rossijskih kompanij i bankov // *Vedomosti*. 2017. 5 dek. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/12/05/744115-sblizhenii-kompanii-bankov> (data obrashhenija: 06. 12. 2017).

5. *Orobinskij A.S.* Finansovye instrumenty upravlenija riskami rossijskih kompanij v uslovijah perehoda k vosstanovitel'nomu rostu jekonomiki // *Filosofija hozjajstva*. 2017. № 6. S. 183—191.

6. *Papchenkova M., Sterkin F.* Rossijskij biznes vs'er'ez ispugalsja sankcij // *Vedomosti*. 2017. 6 dek. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/12/06/744268-biznes-ispugalsya-sanktsii> (data obrashhenija: 06. 12. 2017).

III

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

К.В. МОЛЧАНОВ

Принципиально новая сфера социально-экономических исследований и ее актуальные положения*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы, связанные с развитием общества, включая анализ познания. Соответствующие проблемы актуальны и включают ряд научных и методологических вопросов. Изучение положения дел обусловило принципиально новое рассмотрение вопросов социально-экономического развития отдельной страны и определило новую сферу социально-экономических исследований, которые осуществляются только в современной политической экономике. Результаты исследований могут быть использованы для определения некоторых новых возможностей развития современного общества. Последующие научные исследования могут определить создание новых концепций социально-экономического развития современного общества.

Ключевые слова: диалектика, феноменология духа, социально-экономические исследования, общество, экономика.

Abstract. The article considers some topical issues related to the development of society, including the analysis of cognition. The respective problems are of current importance and include a number of scientific and methodological issues. The study of the state of affairs has conditioned the fundamentally new consideration of the issues of the socio-economic development of a particular country and determined the new field of socio-economic researches which are done in modern political economy only. The results of the researches can be used to determine some new opportunities of the development of modern society. Subsequent researches can determine the creation of the new conceptions of the socio-economic development of the modern society.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. Принципиально новая сфера социально-экономических исследований и ее актуальные положения // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 169—180.

Keywords: dialectics, the phenomenology of the Spirit, socio-economic research, society, economy.

УДК 008
ББК 87.6

Наша предыдущая статья [3] была посвящена общему рассмотрению вопроса о невозможности определения экономики в существующей экономической науке. Однако имеется некоторое особое его свойство, точнее — затрагиваемых положений и соответственно новой темы.

Для разъяснения сделанного утверждения отметим, что в ходе осмысления вопроса о невозможности определения экономики в существующей экономической науке были акцентированы *две очевидные группы положений*: одна касается аспектов и причин невозможности определения экономики в существующей экономической науке, вплоть до невозможности осуществления суждений, нужных для получения умозаключений и обоснованных выводов, а другая — позиций возможного решения обозначенных проблем.

Однако и сама постановка вопроса — невозможность определения экономики в существующей экономической науке — обозначает *еще одну группу важных положений*. Иными словами, поставленный вопрос важен не только в смысле самого — в смысле того, что современная экономическая наука не имеет определения экономики, или поля собственных исследований, — но и в смысле того, что и его постановка непосредственно сама обуславливает группу положений, причем как а) одну из нескольких взаимосвязанных групп положений, возникших в ходе рассмотрения вопроса, и б) группу и теоретических и практических положений (например, определение экономики и тема превращения (развития) сырьевой экономики в экономику в отдельной стране, что является особенно важным вопросом, который, как показала практика, экономическая наука некоторых стран решить не может). Укажем некоторые из просматривающихся положений, связанных непосредственно с постановкой вопроса о невозможности определения экономики в существующей экономической науке:

- существо постановки вопроса об отсутствии определения экономики в существующей экономической науке;

- причины отсутствия определения экономики в существующей экономической науке;
 - отсутствие признания научным сообществом обозначенного положения и причины этого;
 - понимание экономики и ее определение как два разных вопроса;
 - проблема отсутствия однозначного корректного определения *нечто*, называемого экономикой, в смысле развития конкретной страны;
 - неэффективность программ социально-экономического развития без понимания (феномена) экономики;
 - цели и задачи существующей экономической науки, определяемые вне понятия экономики (без него);
 - превращение (развитие) сырьевой экономики в экономику в конкретной стране;
 - понимание (феномена) экономики в смысле выживания, существования и развития конкретного общества да и всей цивилизации в целом
- и др.

Конечно же, актуальны и другие положения, но сейчас вопрос не в их перечислении, даже не в указании всех наиболее важных из них. Вопрос состоит в самом выявлении этой группы положений и ее особенности. И это — не просто аналитическое положение, связанное с упорядочиванием материала и классификацией, что тоже, конечно же, важно. Это — элемент группирования соответствующих положений и идентификации моментов осуществления исследований, что архиважно для диалектики, выстраивающей свои рассуждения на диалектических путях познания, указанных в первую очередь Платоном и Гегелем¹. Иными словами, в смысле диалектики (а не наук) речь идет не только о предмете, но и о методологии, причем органичной ему, а не внешней по отношению к нему, как в науках.

Далее, положения указанных (и других) групп концептуально связаны между собой и имеют все вместе также еще и свой сверхсуммарный смысл, или эмерджентное свойство (а также стратегиче-

¹В начале XXI в. в авторской «современной диалектической философии» был реконструирован третий диалектический путь познания.

ский характер, но это положение следует обсуждать отдельно). Этот сверхсуммарный смысл, или эмерджентное свойство, с другой стороны, определяет набор всех положений как *целокупность положений*, обладающую (определяемую) рядом признаков, по меньшей мере, один из которых необходимо было акцентировать в настоящей статье (это положение, причем именно в смысле развития конкретной страны, соответствует отсутствию однозначного корректного понимания нечто, называемого экономикой; в смысле разных аспектов, например методологического, в общем случае важны разные смыслы и положения).

Однако наиболее важно то, что очевидно и такое краеугольное положение: указанные положения (и некоторые другие) обозначенных трех групп (и ряда других) подразделяются не только указанным образом. То есть можно осуществить их иное подразделение, например, имеет место такое их всех совместное подразделение:

- группа вопросов теоретического характера, соотносимых с отсутствием определения экономики в экономической науке и развития экономической теории;
 - группа так или иначе известных в экономической науке вопросов практики, связанных с проблемой отсутствия в ней определения экономики;
 - группа положений, связанных с определением принципов и путей решения проблемы отсутствия определения экономики в экономической науке и с обозначением соответствующих новых вопросов, тем и т. д.;
 - группа принципиально новых положений, отражающих новое качество исследований, или качество новых исследований, выявляющееся в процессе проводимого рассмотрения (в частности указанных в [1; 2; 3]), что соответственно предопределяет принципиально новые исследования;
 - группа вопросов практического характера, соотносимых с социально-экономическим развитием конкретной страны;
- и т. д.

При этом выясняются не только предметные и целевые, но и методологические обстоятельства совокупности положений.

При этом и то, что обсужденные (и другие) положения имеют различные концептуальные подразделения, а также общность, принципиально значимо. Действительно,

- во-первых, обозначены их различающиеся соотношения;
- во-вторых, очевидна целостность сочетаемых положений и даже отчасти их единство, которое позволяет проводить эффективные диалектические исследования, невозможные в науках;
- в-третьих, сочетание предметных и гносеологических моментов позволяет на основе диалектики на указанном Гегелем пути познания проводить различные исследования, в том числе принципиально новые.

Однако цельность и обозначающаяся системность — это аспекты собственной рефлексии совокупности положений и их групп. А для диалектики не менее важны указанные Гегелем аспекты рефлексии как полагающей рефлексии, что в данном случае выражается в том, что в смысле собственных характеристик поставленный вопрос — проблема отсутствия определения экономики в экономической науке — *закладывает основы новых (направлений) исследований*.

Далее, из анализа даже лишь приведенных положений и утверждений можно сделать следующий вывод, причем содержащий *новые определения*: обозначенные (и другие) положения,

- во-первых, имеют как свои собственные (предметные, смысловые), так и общие свойства;
- во-вторых, относятся или могут относиться к различным образом формируемым группам, которые обладают разными собственными специфическими характеристиками;
- в-третьих, таким образом, имеют концептуальное подразделение (они имеют еще и родо-видовое деление, что более важно для диалектики, но это уже отдельный, более глубокий вопрос);
- в-четвертых, поэтому, имеют как свои собственные (предметные, смысловые), так и общие свойства, смыслы;
- и, в результате, в-пятых, представляют собою не просто перечни, группы, а некоторую целокупность, обладающую своим уникальным общим определением (смыслом).

Иными словами, обозначается целокупность новых исследований.

При этом, что особенно важно, обозначенные положения и новые направления исследований опосредованы и взаимно обуславливают друг друга, т. е. имеются в их некоей общности, целокупности.

Итак, в ходе анализа причин отсутствия определения экономики в экономической науке установлено, что вообще имеется не только совокупность теоретических и прикладных положений, которые выражают новые смыслы и качества экономических исследований, но и обозначаются сами соответствующие новые исследования, или выявлена особая (политэкономическая) *система*, содержащая как актуальные развиваемые предметные положения, так и обуславливаемые ими принципиально новые смыслы и исследования.

Таким образом, имеет место политэкономическая система предметных положений и направлений соответствующих исследований.

Это утверждение (вывод) — принципиально важное положение, и оно раскрывается в ряде других, в первую очередь следующих.

Во-первых, обозначенная проблема определения экономики в экономической науке выявляет специфическую совокупность группированных положений, смыслов и исследований, принципиально новых для существующей экономической науки (но они проводятся, правда, в авторской «современной политической экономии» [1]).

Во-вторых, увязывается содержание экономического знания, в том числе необходимость однозначного корректного определения *нечто*, называемого экономикой, и ряда прикладных положений, причем не только производственных, коммерческих, финансовых и т. д., но и социально-экономических и социально-политических, в том числе касающихся развития конкретной страны (а сейчас такое положение дел: есть экономическая теория, перед которой ставились и ставятся внешние ей и чуждые ей задачи, которые она не может решить, и даже давнее поручение Президента РФ о создании программы роста экономики России на настоящее время все еще не выполнено).

Имеется и ряд других положений.

В целом же следует сделать вывод о том, что проблема определения экономики может рассматриваться, с одной стороны, как одна из причин несостоятельности экономической науки и, с другой

стороны, как посылка (причина) специфической совокупности группируемых положений и исследований, принципиально новых для существующей экономической науки и вообще общественно научного познания. Это, пожалуй, один из самых важных выводов настоящей статьи.

Однако обозначенные положения и полученные выводы можно сформулировать и в таком виде:

- во-первых, проблема отсутствия определения экономики в экономической науке обозначает систему актуальных положений и соответствующих новых смыслов и экономических исследований;
- во-вторых, требуется новая теоретическая база для современных экономических исследований, что подтверждается также и тем, что существующая экономическая теория изобилует ошибками, неэффективна и морально устарела².

Таким образом, указанные положения и обозначающиеся направления исследований с учетом их характеристик, но как некоторого целого, сами являются отдельным предметом, т. е. обуславливают отдельную новую комплексную предметную сферу исследований³, на настоящее время — политэкономических исследований. Это — принципиально важное положение, которое выявлено и осознано только в авторской «современной политической экономии».

Итак, можно сделать вывод о том, что в связи с постановкой и исследованием вопроса об отсутствии в современной экономической науке корректного определения экономики *обозначается принципиально новая сфера исследований в социально-экономической области*, посылками и даже основаниями которой являются:

²Этой проблеме посвящен ряд наших работ (см., напр.: [2; 3]) и выступлений на научных конференциях в МГУ имени М.В. Ломоносова (например, наш доклад «Три из основных причин неудовлетворительности состояния и познания современной российской экономической науки» (международная научная конференция «Ломоносовские чтения — 2016»: «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова), МГУ, 18—20 апреля 2016 г.)).

³ Они в авторской «современной политической экономии» определяются и на иных основах: фундаментальные и всеобщие посылки, психологические и целевые установки, гносеологические и методологические аспекты, — рассмотрению некоторых из которых будет посвящена одна из последующих наших статей в журнале «Философия хозяйства».

- целокупность ряда предметных вопросов, ранее в экономической науке раздробленных или даже вообще не упоминавшихся;
- новые смыслы и концепты;
- принципиально новые исследования экономического характера, проводимые, правда, только в авторской «современной политической экономии»;

и др.

Таким образом, выявлены неизбежность, содержание и характеристики принципиально новой сферы исследований в социально-экономической области, в том числе необходимость переосмысления всей экономической науки в целом.

При этом, однако, необходимо отметить, что принципиально новые смыслы и исследования определяются не только проблемой отсутствия определения экономики в экономической науке. Они также обозначаются, с одной стороны, ходом истории, прогрессом науки и техники, с другой стороны, возможностью их познания на постоянно развивающейся диалектической основе, в отношении которой в первую очередь следует говорить о феноменологии-духа-продолжении [2], и, с третьей стороны, переосмыслением фундаментального экономического теоретического наследия К. Маркса, в первую очередь «Капитала»; о многом из этого уже говорилось в наших статьях (также см. сноску 4). Иными словами, некоторые из указанных положений, смыслов и направлений исследований известны в силу развития исследований авторской Современной политической экономии. Это важно в смысле сопоставления их с обозначенными положениями и в совокупности с ними определяет основные положения новой сферы исследований в социально-экономической области. Для определенности укажем некоторые из соответствующих положений, смыслов и направлений исследований в авторской *«современной политической экономии»*.

Во-первых, как уже указывалось в ряде наших работ, появились не имеющие аналогов исследования современного состояния и содержания экономической науки в отдельной стране, причем как социального феномена, — современной российской экономической науки, а одним из важнейших направлений этих исследований является выявление аспектов ее неудовлетворительности, негативов, проблем, вариантов развития и др. (Отличительной особенностью соответствующих политэкономических исследований является то, что исследуются не только предметные вопросы, но и современное

состояние и содержание современной российской экономической науки.) При этом критическими для наук являются не только многие предметные положения, например, даже такие, как отсутствие корректного определения экономики, но и ряд методологических, например, нет однозначного понимания самого определения.

Во-вторых, определяются состояние некоторого предметного познания и его содержание, что в смысле диалектики, являющейся гносеологическим основанием авторской «Современной политической экономии», представляет собою объект отдельных целевых исследований, причем в данном случае обладающих специфическими параметрами и отличиями, в том числе как диалектическими, так и предметными (экономическими).

Все указанное, в-третьих, мало относится к существующей экономической теории, во многих случаях принципиально противостоит ее концептам и смыслам. Значит, оно относится, используя диалектическое выражение (в смысле труда Г. Гегеля «Наука логики»), к *другому* существующей экономической теории — к новой экономической теории⁴.

В-четвертых, для поиска решений в сферах экономической теории и практики, включая позиции социально-экономического развития страны, необходимы новые актуальные подходы и основы исследований, реализуемые на базе современного мышления, а не мышления прошлого века. Это положение обозначает в большей степени многие проблемы современного научного познания, прежде всего логики, что, конечно же, негативно влияет на существующее экономическое познание; кстати, и по этой причине актуальным является утверждение о переходе к принципиально новой экономической теории, которая должна обладать актуальным модернизированным познавательным арсеналом, в том числе обладающим положениями сфер логики и психологии.

В-пятых, актуален переход к качественно новому изучению экономики и, следовательно, к совершенно новому использованию соответствующих знаний, отчасти предназначенных для постановки

⁴Этой проблеме посвящен ряд наших работ и выступлений на научных конференциях в МГУ имени М.В. Ломоносова (например, наш доклад «Начала новой экономической теории» (Международная научная конференция «Ломоносовские чтения — 2017»: Секция экономических наук. «Потенциал экономической науки для развития России», МГУ, 18—20 апреля 2017 г.)).

и достижения принципиально новых целей будущего развития общества (см., напр.: [2]).

Поэтому, в-шестых, в авторской «современной политической экономии» уже был обозначен отказ от устаревающей парадигмы экономической науки.

И др.

Дополнительно отметим, что в смысле сочетания новых положений, смыслов и направлений исследований и позиций исследований авторской «современной политической экономии» имеются и однозначно увязываются такие положения, как

- необходимость корректного определения нечто, называемого экономикой;
- неизбежность для экономических исследований нового познавательного арсенала;
- новое экономическое знание (на данном этапе — новодialeктическое политэкономическое знание);
- ряд прикладных положений, причем не только производственных, коммерческих, финансовых и т. д., но и социально-экономических и социально-политических.

Поэтому понятие принципиально новой сферы социально-экономических исследований не только характеризуется понятными требуемыми решениями актуальных проблем и выработкой отдельных программ, например, роста экономики и т. п., но и расширяется в темы социально-экономического развития конкретной страны в целом⁵; например, для максимального исключения и уменьшения ошибок и негативов капиталистического развития и создания наиболее благоприятных условий развития экономики и общества необходимы осознание и позиционирование принципиально новых общественных форм (а не неких модификаций существующих отживающих форм), проработки которых даже в общих чертах в существующих науках нет⁶.

⁵В этом смысле в авторской «современной политической экономии» широко-масштабно используется обозначенный Гегелем принцип расширения метода в систему (в том числе трансформации моментов пути познания в систему), который до сих пор игнорируется материалистическими науками. Он также, кстати, был использован при актуализации указанной выше системы новых предметных положений и направлений исследований.

⁶В рамках авторских политэкономических исследований понимание стратегического развития общества в целом и экономики в частности связано с осмыс-

В целом исследование вопроса об отсутствии определения экономики в современной экономической науке приводит, по крайней мере, к выводу о том, что имеются определенности принципиально новой сферы социально-экономических исследований, новой экономической теории, включающей новый познавательный арсенал и корректное определение экономики, качественно новых исследований в области экономики и получения актуального экономического знания, принципиально нового рассмотрения (т. е. отличного от экономико-научного) вопросов социально-экономического развития конкретной страны).

Литература

1. *Молчанов К. В.* Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. МГУ имени М. В. Ломоносова, 2003.
2. *Молчанов К. В.* Политико-экономические начала неэкономической идеи: диалектическое осмысление современной экономики как другой капиталистической экономики (некоторые положения, обусловленные продолжением труда Гегеля «Феноменология духа») // *Философия хозяйства*. 2017. № 1.
3. *Молчанов К. В.* Проблема невозможности определения экономики в существующей экономической науке // *Философия хозяйства*. 2017. № 6.

References

1. *Molchanov K.V.* Vyjavlenie sovremennyh paradigmal'no-gnoseologicheskikh osnov politicheskoy jekonomii. Avtoref. dis. ... kand. jekon. nauk. MGU imeni M. V. Lomonosova, 2003.

лением нового прогрессивного общественно-экономического устройства, одним из вариантов которого является новая общественно-экономическая формация: *индустриальное социальное общество* (в МГУ имени М.В. Ломоносова это наше открытие в 2016 г. было удостоено премии в «Конкурсе работ, способствующих решению задач Программы развития Московского университета»). Раскрытие этой новой общественно-экономической формации в авторской «современной политической экономии» происходит одновременно с развитием соответствующей общей теории (новая экономическая теория) и профильной теории (теория иного капиталистического развития).

2. *Molchanov K.V.* Politiko-jekonomicheskie nachala neo-jekonomicheskoj idei: dialekticheskoe osmyslenie sovremennoj jekonomiki kak drugoj kapitalisticheskoy jekonomiki (nekotorye polozhenija, obuslovlennye prodolzheniem truda Gegelja «Fenomenologija duha») // *Filosofija hozjajstva*. 2017. № 1.

3. *Molchanov K.V.* Problema nevozmozhnosti opredelenija jekonomiki v sushhestvujushhej jekonomicheskoj nauke // *Filosofija hozjajstva*. 2017. № 6.

А.В. ЯМУШКИН

Закон возвышения потребностей и фундаментальное познание*

Аннотация. В статье рассмотрена специфика действия закона возвышения потребностей в развитых странах в современных условиях. Отмечается, что развитие материальных потребностей в «обществе потребления» имеет пределы. Возвышение потребностей через развитие духовных потребностей — единственный выход из сложившейся кризисной ситуации, обусловленной негативными особенностями «общества потребления». Важная роль здесь принадлежит познанию, частью которого является фундаментальная наука. Охарактеризованы в общих чертах мировоззренческая значимость фундаментального познания, его роль в формировании философии социальной цели, экономическая эффективность фундаментальной науки.

Ключевые слова: закон возвышения потребностей, материальные потребности, духовные потребности, фундаментальная наука, фундаментальное познание, научно-технический прогресс, эффективность.

Abstract. In the article the specificity of the action of the law of the increasing needs in developed countries under modern conditions has been considered. It is noted that the development of material needs in the

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ямушкин А.В. Закон возвышения потребностей и фундаментальное познание // *Философия хозяйства*. 201. № 1. С. 180—187.

«consumer society» has its limits. The increasing needs through the development of the spiritual needs is the only way out of the current crisis due to the negative characteristics of the «consumer society». An important role in this belongs to the fundamental knowledge, part of which is fundamental science. It is described in general terms the philosophical significance of fundamental knowledge, its role in shaping the philosophy of social objectives, economic efficiency of fundamental science.

Keywords: the law of the increasing needs, material needs, spiritual needs, fundamental science, fundamental knowledge, scientific and technical progress, efficiency.

УДК 330.1
ББК Я65.01

В современной действительности все более актуальными становятся вопросы взаимовлияния научно-технического прогресса и процесса роста потребностей, взаимодействия производительных и потребительных сил общества. И все более необходим теоретический анализ данных вопросов.

Дифференциация различных государств мира по уровню социально-экономического развития огромна. Среди глобальных проблем современности — массовые бедность, нищета, голод. В развивающихся странах и странах с переходной экономикой эти проблемы среди важнейших. В развитых странах, при всей своей значимости, они занимают в целом, в масштабе всего общества, гораздо меньшее место, и наряду с ними есть, как известно, другая проблема. Это — проблема «общества потребления».

Речь идет не только о самых обеспеченных слоях общества (там уже — «общество перепотребления»), но и о многих рядовых гражданах. Даже малообеспеченность немалого числа современных бедных в развитых странах не тождественна малообеспеченности бедных в тех же странах 50, 100 и тем более 200 лет назад. Конечно, такое положение — далеко не везде и в ведущих странах мира. Но здесь мы будем говорить о тенденции постепенного возрастания уровня материальной обеспеченности «рядового человека», возрастания его материальных потребностей и дальнейшего развития, тем самым, «общества потребления».

Множество работ было посвящено критическому анализу «общества потребления». Вывод один: удовлетворение материаль-

ных потребностей человека должно иметь разумные пределы. Чрезмерное потребление продуктов материального производства не имеет смысла в целом: целесообразно ли, чтобы материальные потребности обеспеченного по современным меркам человека росли далее в том же темпе, и возможно ли при этом «перепрыгнуть через себя», через объективно необходимые свои материальные потребности? Потребительская гонка захватывает все большее число людей, что уже привело к глобальному экологическому кризису, сильнейшему истощению природных ресурсов, перенапряжению людей на работе (нужно больше заработать денег для удовлетворения растущих материальных потребностей). И, наконец, это привело к односторонней ориентации на возрастание материальных потребностей при умалении значения потребностей духовных, деградации, «расчеловечиванию» человека, росту социальной дикости и преступности. При дальнейшем развитии таких отраслей сферы услуг, как образование и здравоохранение, производимые в них высококачественные блага оказываются куда менее доступными для многих, чем материальные продукты «широкого потребления». И декларировавшееся «постиндустриальное общество» не смогло преодолеть массовый духовный кризис.

В этих условиях следует проанализировать закон возвышения потребностей. Возвышение есть количественное возрастание материальных потребностей или что-то иное? Представляется, что для человека, имеющего разумный уровень обеспечения материальных потребностей, возвышение — это переориентация своих дальнейших потребностей на нечто более высокое, а именно — рост потребностей духовных.

На ход инновационного развития влияют не только факторы, следующие из внутренней природы развития науки и техники, но и динамика общественных потребностей. Она существенно воздействует на структуру научно-технического прогресса как развивающейся системы. В структуру входят, как известно, фундаментальные исследования и прикладные исследования и разработки. И когда речь идет об идеологии «общества знания», стоит спросить: подразумевается общество... какого знания? В основном прикладного, служащего утилитарным целям, составляющего то, что называется «технонаукой»? Тогда развитие «общества знания» прямо привязывается к развитию «общества потребления». Научно-технический прогресс представляют как ведущую составляющую

общественного прогресса. Но понятие общественного прогресса — сложное, многоплановое, достижениям сопутствуют утраты, и вопрос о критериях общественного прогресса относится к числу важнейших вопросов современности [4].

Наряду с «технонаукой» необходимо все более развивать фундаментальные исследования. По отношению к российской экономике высказываются предложения об усилении фундаментальной науки как одного из основных факторов прогресса экономики и общества в целом [6, 7]. Без мощной фундаментальной науки невозможны развитие «технонауки», обеспечение экономической безопасности страны в современном мире. Это относится не только к сегодняшнему дню. Угроза грядущего ресурсного кризиса заставляет ориентироваться на разработку множества технологий малозатратных, с одной стороны, а с другой стороны — мало- и безотходных. Преодолевать негативные последствия научно-технического прогресса возможно лишь с помощью средств, разрабатываемых в ходе прогресса, в ходе продолжающейся интенсификации производства.

Этим значение фундаментальной науки, однако, не может исчерпываться. В итоге любых фундаментальных исследований добываются знания, формирующие картину мира, поэтому можно говорить о мировоззренческой функции прогресса науки. Такая постановка вопроса может вызвать некоторые возражения, ведь бывает, считают, что мировоззрение человека — «одно на всю жизнь», оно очень мало изменчиво. В действительности мировоззрение человека, хотя и содержит практически не изменяющуюся на протяжении всей жизни составляющую, в остальном может корректироваться, порой — значительно. Определенной, хотя и не полной, изменчивостью характеризуется мировоззрение, господствующее не в уме отдельного человека, а в обществе в целом или в какой-либо социальной группе. Увеличение широты и глубины мировоззрения, неизбежно предполагающее как следствие этого нравственное совершенствование, можно понимать как мировоззренческий прогресс. Невозможно осмысливать экономическую деятельность без анализа глубинных оснований ее, смысла социального бытия. В этом направлении ведутся работы (изучение влияния неэкономических факторов на экономику) [2, 5]. Кроме того, по мере удовлетворения материальных потребностей возникает ситуация выбора: или остановиться на существующем уровне (нередко — с последующей де-

градацией), или больше развивать духовные потребности. Здесь нет, конечно, однозначной зависимости; уровень развития духовных потребностей может быть очень высоким и при низком уровне удовлетворения материальных потребностей. И все же в масштабе всего социума явственна тенденция приближения к пределу доминирования «технонауки». Как парадоксально это бы ни звучало, в «обществе потребления» должна возрасти роль фундаментального знания — одного из условий дальнейшего прогрессивного развития или, по крайней мере, неразрушения целостности социальной системы.

Анализируя концепцию «общества знания», Э. Агацци подчеркивал, что стоит уделять внимание обществу и государства всем областям духовной деятельности, где генерируется новое знание. Знание, не имеющее выхода на производство для его использования там, для коммерциализации, не может рассматриваться как нечто «бесполезное» или второстепенное по сравнению с результатами прикладных исследований [1]. Здесь же следует отметить, что это знание должно не просто «не оставаться в тени», но выходить на первое место в силу указанных выше причин. Было бы более корректным говорить не только о фундаментальной науке, но в целом о фундаментальном познании в областях науки, искусства, религии, обыденного здравого смысла. Это оправдало себя, с учетом гносеологических критериев истинности знания, именно как новое знание, независимо от сферы его получения, призвано служить для духовного обновления личности, выхода из порочного утилитаристского круга. Это обеспечит усиление влияния общественного сознания на общественное бытие, «надстроечных» сфер общественной жизни на экономику.

Велика, как правило, экономическая эффективность фундаментальных исследований: часто при сравнительно малых, в стоимостном выражении, затратах на эти исследования получают затем, «на выходе», такие результаты, большой эффект от использования которых просто несопоставим с исходными затратами. Данное утверждение обычно понимается как относящееся к механизму взаимосвязи фундаментальных и прикладных технологических разработок, т. е. в узкопрагматическом аспекте. Но, помимо указанного, есть и иной аспект. Эффективное действие мировоззренческой функции прогресса науки помогает избегать социальных и экологических кризисов или смягчать их последствия. Экономическая выгода может быть тогда оценена величиной затрат на мероприятия по

преодолению произошедших кризисных явлений, которые могли бы быть, исходя из альтернативного (кризисного) сценария.

Также важно следующее: когда мы говорим о науке, понимаем ее и как совокупность полученных знаний, и как процесс их получения (научная деятельность), и как социальный институт, включающий определенных работников, функционирующий по своим правилам. Безусловно, все это неотделимо друг от друга. В современной же российской действительности нередко призывы к развитию фундаментальной науки сопряжены лишь с указаниями на организационно-экономические меры, которые нужно принять для ее поддержки. Такой подход чрезмерно узок. Главное — конечный результат. И если рассматривать науку как социальный институт с точки зрения ее результативности (получения нового знания), создается иная картина, чем если рассматривать ее, ставя во главу угла число публикаций, диссертаций, уровень формализации и стандартизации в научной деятельности и т. д. Развитие фундаментального познания требует вовлечения все большего числа людей в духовное производство, в том числе немалого числа людей, обладающих для этого всем необходимым, кроме полного соответствия современным российским формально-бюрократическим требованиям.

Разумеется, направленность потребностей на фундаментальное познание — еще не достаточное условие совершенствования человека и общества. Но она видится одним из необходимых условий. При небывалой в истории технологической вооруженности особенно актуальной является проблема углубления в смыслы собственной деятельности, обоснования целей ее. При разработке прогнозов функционирования системы производственных (экономических) отношений должно возрасть понимание глубинных философско-антропологических оснований их. Характеризуя укоренившиеся в мировой науке и политике подходы, А.А. Кураташвили назвал их философией средств, поскольку основное внимание уделяется совершенствованию средств обеспечения могущества технологического, экономического, политического и т. д. В противоположность этому нужно разрабатывать, по Кураташвили, философию социальной цели как альтернативу философии средств [3]. По отношению к любой социальной системе следует задавать вопрос: каковы цели ее функционирования, отвечает ли последнее данным целям? Поэтому критерий обеспеченности средствами, при неоспоримой своей значимости, уступает целевому критерию. Фундаментальное познание — важнейшая составляющая формирования фи-

лософии социальной цели, возрастания осмысленности всей человеческой деятельности, функционирования всего общественного производства.

Таким образом, онтологическая детерминация закона возвышения потребностей обуславливает необходимость резкого усиления роли фундаментального познания. Идеология мировоззренческого прогресса, новой эпохи Просвещения призвана многое определить в ходе текущего и последующих столетий.

Литература

1. *Агацци Э.* Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 3—19.
2. *Волконский В.А.* Драма духовной истории: Внеэкономические основания экономического кризиса. М.: Наука, 2002.
3. *Кураташвили А.А.* Философия социальной цели — методологическая основа государственного управления в интересах народа // Науковий вісник Академії муніципального управління. Серія : Управління. 2011. Вип. 4. С. 20—25. URL: http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/Nvamu_uprav1_2011_4_4.pdf.
4. *Момджян К.Х.* Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 36 — 46.
5. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. междисципл. проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов; зам. рук. междисципл. проекта Б.Н. Кузык. М.: Институт экономических стратегий, 2010.
6. *Орешин В.П.* Вариант модернизации экономики России. URL: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2014/08/орешин.doc>.
7. *Субетто А.И.* Фундаментальная наука в начале XXI века: императивы, приоритеты, логика развития. URL: <http://naukask.ru/iss/iss001-02.pdf>.

References

1. *Agacci Je.* The idea of a society based on knowledge. Voprosy filosofii. 2012. № 10. Pp. 3 — 19.

2. *Volkonskij V.A.* Drama of spiritual history: a non-economic reason of economic crisis. Moscow: Nauka, 2002.

3. *Kuratashvili A.A.* The philosophy of the social objectives — methodological basis of public administration in the interests of the people. *Naukovij visnik Akademii municipal'nogo upravlinnja. Serija: Upravlinnja.* 2011. Vip. 4. Pp. 20—25. URL: http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21CO M=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/Nvamu_upravl_2011_4_4.pdf.

4. *Momdzhian K.H.* The hypothesis of social progress in modern social theory // *Voprosy filosofii.* 2016. № 10. Pp. 36 — 46.

5. Non-economic facets of the economy: unknown interference. Scientific and journalistic notes of social scientists / The head of the research project and scientific editor O. T. Bogomolov; the deputy head B. N. Kuzyk. Moscow: Institut jekonomicheskikh strategij, 2010.

6. *Oreshin V.P.* The variant of modernization of the Russian economy. URL: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2014/08/орешин.doc>.

7. *Subetto A.I.* Fundamental science in the XXI century: imperatives, priorities, logic of development. URL: <http://naukask.ru/iss/iss001-02.pdf>.

А.А. ГУСЕЙНОВА

Особенности инновационного развития современной экономики*

Аннотация. Дается авторский взгляд на сущность современного инновационного развития, показываются его особенности, а также отличия современных инновационных решений от подходов к проблеме инноваций, характерных для предыдущей эпохи.

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационные достижения, инновационные решения в промышленности, инновации в управленческом процессе.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гусейнова А.А. Особенности инновационного развития современной экономики // *Философия хозяйства.* 2018. № 1. С. 187—194.

Abstract. The article demonstrates the author's approach to the content of modern innovation development and shows its particularities. There are also given differences between modern innovation decisions and those that were in past epoch.

Keywords: innovation development, innovation achievements, innovation decisions in industries, innovations in managing process.

УДК 330.1
ББК 65.01

Мировой финансово-экономический кризис, последствия которого многие страны, включая наиболее развитые, до сих пор окончательно не преодолели, предельно остро поставил вопрос выхода на новую траекторию долгосрочного развития, основой которого являются разработка и применение новейших научно-технических достижений (инноваций) и управленческих решений. Инновационный тип развития, как, например, следует из государственной концепции «Азербайджан—2020: взгляд в будущее» и «Стратегические дорожные карты по национальной экономике и основным секторам экономики», предполагает, в частности, создание качественно новых отраслей и производств на основе самых современных технологий и организационно-управленческих подходов.

Следует отметить, что вообще-то инновации, рассматриваемые как *нововведения*, существовали всегда, сопровождая всю хозяйственную деятельность человека с древнейших времен. Однако собственно термин «инновация» в качестве экономической категории впервые ввел в 1912 г. Йозеф Шумпетер в своей работе «Теория экономического развития». Под этим понятием он подразумевал изменения в применяемых технических средствах, технологических и производственных процессах с целью получения новых видов потребительских товаров, а также использования производственных и транспортных средств, равно как и рынков и форм организационной деятельности. При этом Шумпетер настоятельно выделял необходимость постоянного использования «новых комбинаций» в предпринимательской деятельности, которую он и трактовал как деятельность *инноватора* [4, 162—163].

Позднее американский экономист Джон Гэлбрейт в своих исследованиях инновационной деятельности рассматривал ее прежде всего как именно новаторскую деятельность предпринимательского корпуса, беря в качестве примеров в основном проблемы совершенствования управленческого труда в крупных корпорациях [2, 41]. Однако, на наш взгляд, проблему можно рассматривать шире — как свойственную организации любого экономического процесса.

В дальнейшем различные исследователи из разных стран (в частности, польский экономист Гжегож Колодко) выделяли собственно инновационную деятельность в постоянно развивающихся процессах научно-технического прогресса. Многие при этом подчеркивали, что такая деятельность характеризуется, помимо собственно технических новшеств, обязательным наличием экономического знания и способностей организовать расширение производства и воспроизводство. Так, Колодко отмечает, что в истории «долгосрочное экономическое развитие» обеспечивалось тогда, когда имело место совпадение следующих пяти моментов:

- 1) развития технического прогресса;
- 2) доминирования «критического мышления и инновационности» как формы мышления над закостенелыми представлениями («догматизмом», по Гж. Колодко) как в сфере культуры, так и в области экономики;
- 3) совершенствования экономических знаний и способностей организовать расширение производства на новой основе;
- 4) наличия политической воли правящих элит правителей по проведению необходимых институциональных преобразований, способствующих высвобождению творческой энергии и предприимчивости, а также дальнейшему их развитию;
- 5) открытия не только экономики, но и в целом открытости к внешним контактам, что делает возможным обмен не только товарами, но и знаниями, информацией и культурой [2, 105].

В то же время в последние десятилетия XX столетия в работах экономистов и социологов разных стран появляется непосредственно понятие «*инновационность*», рассматриваемое в более широком смысле как способность не только предлагать, но и реализовывать передовые, прогрессивные идеи в самых различных областях науки и техники, непосредственно экономики и в целом в общественной жизни.

При этом следует подчеркнуть, что инновационная деятельность не может быть сведена к собственно изобретению какого-либо технически нового — пусть даже принципиально нового — продукта и запуском его в массовое производство. Правы, наш на взгляд, те специалисты, которые всячески напоминают, что инновационная деятельность охватывает целый комплекс научных, технико-технологических, организационных, финансовых и иных мероприятий, и вот все они в своем взаимодействии и приводят к появлению собственно инноваций — в виде конкретного продукта, управленческих и иных инновационных решений и т. п. [3, 525].

Из сказанного следует еще один принципиально важный, по нашему мнению, вывод: *объектом для инновационной деятельности являются не отдельные «избранные» отрасли экономики, но вся окружающая нас экономическая и общественная действительность, которая и представляет собой своего рода «поле» для разработки и применения инновационных продуктов и решений.*

В связи с этим, по нашему мнению, сегодня понятие «инновационная экономика» следует рассматривать как такой тип экономики, который, во-первых, подразумевает опору на уже сложившийся, а также развивающийся «классический» индустриальный базис, во-вторых, предполагает рост прежде всего за счет инновационных факторов, в-третьих, подразумевает инновационный характер использования ресурсов.

Как следует понимать опору на индустриальный базис? Прежде всего, таким образом, что условиями дальнейшего устойчивого инновационного роста являются, во-первых, опора на диверсифицированную структуру экономики, т. е. наличие прочной базы национальной экономики в виде несырьевых источников социально-экономического развития, во-вторых, дальнейшее углубление диверсификации экономики на основе обеспечения все большего количества ее отраслей передовыми научно-техническими достижениями, технологическими разработками и организационно-управленческими новациями.

Здесь мы подчеркиваем значение именно *индустриального* базиса постольку, поскольку составляющие его отрасли (электроника и электротехника, машиностроение, включая оборонное, и металлургия и т. п.) традиционно обеспечивают не только материальные возможности для дальнейшего развития научно-технического

прогресса в целом, но и представляют основу существования самых передовых сфер так называемой «экономики XXI века». В это понятие многие специалисты сегодня включают и новейшие информационные системы, и разработки и применение биотехнологий, нанотехнологий и др.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о том, что дальнейшее развитие инновационной экономики, по крайней мере, в обозримой перспективе, будет и впредь происходить с опорой на высокоразвитую индустриальную экономику.

Далее, понятие инновационного характера использования ресурсов предполагает преимущественную их направленность не на воспроизводство уже освоенных средств производства, давно опробованных способов их применения, устаревших форм организации производственных процессов и т. п., но на создание и дальнейшее внедрение на их основе передовых технологий, принципиально новых видов техники, реализацию собственно инновационных идей и достижений мысли, модернизацию рабочих мест на основе новейших требований научно-технического прогресса и пр.

Что касается факторов инновационного роста, то, по нашему мнению, необходима определенная их систематизация. Мы полагаем, что в современных условиях такие факторы инновационного роста могут быть систематизированы следующим образом:

- *институциональный*, т. е. предполагающий наличие разветвленной системы институтов, или институциональной структуры, отвечающей потребностям инновационной экономики;
- *социокультурный*, влияющий на формирование различных институтов с учетом их взаимосвязей друг с другом, а также особенностей исторического развития общества, специфики общественного сознания и других норм жизни в конкретной стране;
- *управленческий*, означающий наличие эффективной системы управления на всех уровнях с учетом региональной специфики;
- *образовательный*, включающий в себя национальные системы подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров;
- *целеполагающий*, включающий ориентирование всего социально-экономического развития на повышение качества внутреннего потребления, рассматриваемого как важнейшая составляющая уровня жизни и социального развития.

Совокупность действия таких факторов и способствует приданию экономическому росту инновационного характера.

С учетом специфики проходящей в последнее время институционально-инфраструктурной модернизации азербайджанской экономики мы полагаем необходимым особо выделить значение институционального фактора. В связи с этим важно определить основные направления разработки и использования не только научно-технологических и организационно-управленческих, но и инфраструктурных инноваций с целью обеспечения инновационного роста и придания ему устойчивости.

Именно успешное использование в рамках национальной экономики факторов, влияющих на инновационное развитие, способствует эффективному формированию механизма, такое развитие непосредственно обеспечивающего. Непосредственно такой механизм образует совокупность системы институтов (включая контрольно-надзорные и судебные) и действующих стимулов на всех уровнях хозяйственной деятельности. Указанные стимулы побуждают:

- *во-первых*, к собственно инновационной деятельности на всех уровнях хозяйствования и организации научного, изобретательского, производственно-внедренческого труда, наконец, непосредственно производственного процесса;

- *во-вторых*, к скорейшему внедрению передовых методов организации и продуктов инновационной деятельности в производство и повседневную жизнь;

- *в-третьих*, к содействию со стороны государственных и общественных институтов в развитии первых двух направлений, что, в свою очередь, естественным образом отражается на состоянии самих этих институтов.

Наконец, в современных условиях активная инновационная деятельность становится приоритетом для частного бизнеса, однако, по нашему мнению, при обязательном условии обозначения государством своего стратегического интереса по конкретным передовым направлениям развития. Этим оно, во-первых, гарантирует частному бизнесу свое непосредственное финансовое участие на перспективу, что позволяет частным компаниям прогнозировать определенные конечные результаты и сопутствующие риски, во-вторых, с наибольшей эффективностью использует такие формы

стимулирования, как налоговые льготы и целевые субсидии под конкретные проекты. При этом мы полагаем, что наибольшая целесообразность использования при организации масштабных и долгосрочных инновационных проектов с участием частных капиталов проявляется при реализации такой организационно-правовой формы, как *государственно-частное партнерство*.

Следует подчеркнуть, что в условиях современного Азербайджана именно развитие государственно-частного партнерства представляется наиболее перспективным направлением в процессе дальнейшего формирования таких передовых организационных форм инновационной деятельности, как технопарки, а также, учитывая особую важность этой отрасли для азербайджанской экономики в становлении передовых производств в области нефте- и газопереработки.

Кроме того, именно посредством государственно-частного партнерства возможно максимально эффективно обеспечить столь необходимую азербайджанской экономике активизацию малого и среднего бизнеса в процессе разработки инновационных идей и инновационного развития в целом. Следует помнить, что объективно инновационное производство на ранней стадии осуществления бизнес-проектов не приносит прибыли, а иногда и вообще может быть убыточным; при этом, однако, требуются дополнительные финансовые вложения и на будущий период. С другой стороны, самой природе своей деятельности крупный бизнес не всегда стремится к внедрению инноваций, так как это обычно требует масштабной реструктуризации производства, что, в свою очередь, приводит к снижению его прибыльности.

Литература

1. *Гэлбрейт Дж.* Экономика невинного обмана. М.: Европа, 2009.
2. *Колодко Г.В.* Мир в движении. М.: Магистр, 2009.
3. Основы национальной экономики / Под ред. А.В. Сидорovichа. М.: Дело и Сервис, 2009.
4. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Пер. нем. М.: Изд-во «Прогресс», 1982.

References

1. *Kolodko G.* The world in movement. M.: Magistr, 2009.
2. *Galbraith J.K.* The economics of innocent fraud: truth for our time. M.: Evropa, 2009.
3. The fundamentals of the national economy / Ed. by A.V.Sidorovitch. M.: Delo I Servis, 2009.
4. *Schumpeter J.* The theories of economic development. Translation from German. M.: Publishing house «Progress». 1982.

В.П. КОЖЕВНИКОВ

Структурный кризис российского капитализма*

Аннотация. В работе на основе структурно-функционального метода предпринята попытка сравнительного исследования социально-экономической природы российского капитализма, сущности и компонентов его структурного кризиса. Доказывается, что он не располагает достаточной экономической базой для удовлетворения потребностей развития общества, обновления и расширения основного капитала, существуя за счет ренты импорта и нефтегазовой конъюнктуры. Делается вывод о том, что модель капитализма в России лишена исторической динамики и исторической перспективы. Рассматриваются различные аспекты деформации и деградации производительных сил и производственных отношений, раскрывается нежизнеспособность российского капитализма. Доказывается, что капитализм в России утрачивает культуру «созидательного разрушения» и сталкивается с пределами накопления капитала. Прогнозируются пути выхода из структурного кризиса.

Ключевые слова: денационализация, приватизация, модель капитализма, рынок, структурный кризис, структурные деформа-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кожевников В.П. Структурный кризис российского капитализма // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 194—210.

ции, деиндустриализация, децентрализация, технологический уклад, компрадорская буржуазия, собственность, госкапитализм, модернизация, «новая индустриализация».

Abstract. In work on the basis of the structural-functional method, an attempt is made to compare the socio-economic nature of Russian capitalism, the essence and components of its structural crisis. It is proved that he does not have a sufficient economic base to meet the needs of the development of society, renewal and expansion of fixed capital, existing at the expense of the rent of imports and the oil and gas conjuncture. It is concluded that the model of capitalism in Russia is devoid of historical dynamics and historical perspective. Various aspects of deformation and degradation of productive forces and production relations are considered, reveals the non-viability of Russian capitalism. It is proved that capitalism in Russia loses the culture of «creative destruction» and collides with the limits of capital accumulation. The ways out of the structural crisis are predicted.

Keywords: denationalization, privatization, capitalism model, market, structural crisis, structural deformations, de-industrialization, decentralization, technological structure, comprador bourgeoisie, property, state capitalism, modernization, «new industrialization».

УДК 008 (07)

ББК 6/8

В России власть предрержащие и СМИ не употребляют понятие «капитализм». В 2012 г. В. Путин, готовясь к переизбранию на третий президентский срок, в одной из предвыборных статей высказался в пользу строительства в России «нормального капитализма для каждого» [16]. Хотя, чтобы повысить уровень жизни, капитализм использует низменные мотивы человека: жадность и корысть. Вопрос в том, можно ли рыночный механизм подчинить идеалам справедливости и общественного блага. Мировая капиталистическая система, несколько столетий переживавшая циклическое расширение, достигла своих пределов и испытывает пределы роста, выражающиеся в том, что кризисы не преодолеваются, а перекладываются из одной сферы в другую, перебрасываются из одного района мира в другой. И. Валлерстайн считает, что бесконечно такое положение продолжаться не может, и в течение следующих

трех или четырех десятилетий мировой капитал, переполняя глобальный рынок и подвергаясь при этом с разных сторон давлению налоговых, социальных и экологических издержек, может столкнуться со структурной невозможностью находить достаточно надежные и выгодные инвестиционные решения. Капитализм станет невыгоден и ненадежен для самих капиталистов. Системный предел может закончиться для капиталистов отказом от него перед лицом безвыходной дилеммы — иссякания инвестиционных возможностей. При этом Валлерстайн предупреждает, что никто сейчас не может предсказать, какая система придет на смену капитализму [2, 8—9].

Попытаемся определить судьбу капитализма в России, есть ли у него будущее, в чем выражается его структурный кризис, какова его природа, механизм и компоненты развития.

Кризисы капитализма 1930-х, 1970-х гг. и последующие связаны с невозможностью дальнейшего расширения рынка. До сегодняшнего дня выход из них был связан с увеличением в совокупной прибыли экономики доли финансового сектора. В годовом перерасчете общая величина валютных операций превышает 1,5 квдрлн дол., тогда как ежедневный оборот валюты, обслуживающей операции с товарами и услугами, составляет 55 млрд дол, т. е. около 1% всего оборота валютных сделок. Объем операций на глобальном рынке ценных бумаг достигает 7 трлн дол. в день [18, 11].

Российский доморощенный капитализм, являясь мутантом западного капитализма, унаследовал все его родовые черты, диспропорции и противоречия. Его рынок узок и деформирован. Российский капитализм породил деформацию структурного содержания экономики в сторону ее виртуализации, гипертрофированную доминанцию финансового сектора, финансирование непроизводительной сферы, непомерное разрастание спекулятивно-посреднической деятельности, виртуализацию производства и потребления, хаотизацию социально-экономического пространства. Капитализаторы игнорируют социальные ценности и интересы российского общества, создавая модель англо-саксонского капитализма, несовместимого с реалиями российской экономики. Российский капитализм не имеет экономической базы для удовлетворения потребностей общества и существует благодаря импорту всего и вся, сырьевой конъюнктуры.

Частный капитал в России не стал более эффективным собственником, чем советское государство. Он не конкурентоспособен с западным капиталом, а государство поставлено ему на службу. В центре экономики находятся финансовые операции, а не результаты труда. Капитал как бы упраздняет производительный труд. Финансовый капитал у нас носитель старого и отсталого низшего капитализма, заикленного на краткосрочной прибыли. Государственный бюджет стал средством обогащения, а финансовый рынок с помощью финансовых технологий — мощным инструментом перераспределения ресурсов от большинства народа к богатому меньшинству.

Российский капитал слаб, как и все его финансовые корпорации. По своим масштабам российские банки в 10 раз меньше крупнейших финансовых ТНК мира. Наш финансовый рынок, инвестиционная деятельность которого не координируется, не может даже подчинить себе экономическое пространство СНГ. Банковская система не является до сих пор финансовым стимулятором развития, участие ее в формировании основного капитала мизерное. Бюджетные средства оседают на счета добывающих компаний. Процветает дотация банковского сектора за счет государственного бюджета. Нефтегазовая промышленность и розничная торговля генерируют половину выручки. Господствующий компрадорский клан не хочет делиться нормативно-принудительно экспортно-сырьевой рентой с государственным бюджетом. Доля государства в банковской системе за период 2005—2017 гг. не превышает 6,5%, доля же иностранного капитала в ней составила 45,5% [3, 13—14].

Банковская система компрадорская, неокOLONиальная, зависимая от иностранного капитала. Удельный вес иностранного капитала в экономике России доведен до 75%, 95% крупной собственности выведено из юрисдикции России и находятся в оффшорных зонах. Банки оторваны от реального сектора экономики. В России грядет разрушение асоциальных институтов финансового регулирования, которое сводится к элементарному монетаризму.

В России финансовые вложения превосходили инвестиции в нефинансовые в 2007 г. в 2,8 раза, в 2011 — уже в 6 раз, а в 2013 г. — в 7,2 раза. В 2013 г. за рубеж российскими компаниями вывезено 202 млрд дол. в сравнении со 143 млрд дол. внутренних инвестиций в машиностроение, обработку и прокат [6, 66—67]. За период 2008—2014 гг. чистый вывоз капитала компаниями и банками пре-

высил 500 млрд дол. — это 30% ВВП, или два годовых федеральных бюджета РФ [1, 38—39].

Центробанк России проводит денежно-кредитную политику в интересах мирового финансового капитала. Деньги у нас выступают не как посредник в обмене, а как инструмент наживы и накопительства. Доминирование в России финансового капитала является источником деформаций и ограничений для развития экономики, порождает у правящего буржуазного класса отношения стяжательства, а не производства, эксплуатации, а не полезности. Российский торговно-посреднический капитал, приобретая товары на Западе и реализуя их в России, имеет большую прибыль, чем производитель. Это напрочь лишает стимула развития отечественное производство. Капитализм в России выявил неспособность справляться с задачей преодоления бесхозяйственности, обеспечения эффективного развития производства, модернизации страны. За последние 10 лет национальное богатство сократилось в два раза. Доля России в мировом объеме ВВП снизилась с 2,1% в 1992 до 1,5% в 2016 г., а Китай выросла до 16%.

Реформы привели к неоправданному использованию ВВП в интересах буржуазии, а рыночная экономика на деле является системой торможения экономического роста. Произошло сокращение всех факторов социально-экономического роста и развития; наблюдается постоянный спад воспроизводственного процесса из-за дефицита средств производства. Физический и моральный износ основных фондов составляет 85%. Полный цикл их воспроизводства может растянуться на 100—145 лет. Для преодоления кризиса необходимо, по ориентировочным расчетам, около 5—7 трлн дол. капитальных вложений, которые надо осуществить в срок не более 15 лет [7, 56—59].

Капитализм продолжает работать против России. Он деструктивен, утопичен и нежизнеспособен, а его сегодняшняя модель не может быть локомотивом прогресса [8]. У российского капитализма нет и не предвидится восходящей траектории развития. Он вызвал спад производства; технологическую деградацию экономики — самые глубокие за всю историю индустриализации стран в мирное время. На всем протяжении четвертьвекового рыночного преобразования наша экономика двигалась реально по нисходящей линии. Убыточный и низкорентабельный сектор постоянно растет с 2005 г. с 13,9% до 33% в 2015 г. Дотации не предусмотрены лишь для 15 из

85 российских регионов, провинция лишена ресурсов развития. Из 500 ведущих компаний России 300 находятся в Москве. На них приходится 80% выручки [19, 44]. Российский капитализм, бизнес показали неготовность эффективно работать. По расчетам академика Е.М. Примакова, за годы либеральных «реформ» потери экономики России более чем в 2 раза превысили потери народного хозяйства за все годы Второй мировой войны. Отсутствие закона о конфискации имущества привело к тому, что ущерб от теневого оборота в России достигает сегодня до половины ВВП. Отставание России от передового технологического уровня возросло еще на 15 лет — в дополнение к 15—20-тилетнему отставанию советской экономики. На мировых рынках высокотехнологической продукции доля России составляет 0,3%. Доля станкоинструментальной промышленности в ВВП — всего 0,53%. Как отмечал заместитель министра промышленности и энергетики Д. Мансуров, отрасль представляет собой гнома, из которого, кажется, даже не предполагается вырастить великана. В 2014 г. Россия по объему высокотехнологичного экспорта многократно отставала от Китая, Сингапура и даже от Вьетнама, т. е. более чем втрое.

Доля промышленного производства в ВВП составляет где-то 7—8%. Д. Медведев отмечает, что импорт машин, оборудования и транспортных средств уменьшился с 95,3% в 2014 г. до 89,6% в 2015 г. [11, 13]. Главный порок российского капитализма коренится в уникальном феномене деиндустриализации, неспособности проводить модернизацию России, обеспечивать переход на инновационную модель устойчивого развития.

В общественном производстве идут негативные сдвиги — структурная деградация, не сбалансировано развитие важнейших секторов и отраслей, пропорций воспроизводства; ослаблена социальная направленность экономики при усилении социальных деформаций общества; несбалансированно развитие таких отраслей, как промышленно-финансовой, производственной и сельскохозяйственной, промышленно-сырьевой, группы «А» и «Б», производственной и торгово-посреднической, развалена легкая промышленность, которая в 2008 г. составляла лишь 0,7 от уровня 1990 г. Не является локомотивом развития страны промышленный блок, рост без развития обеспечивается экспортно-сырьевой моделью капитализма, а государство не эффективно как макрорегулятор экономики [14, 4—5]. Сегодня в торговле занято больше работников, чем во

всей обрабатывающей промышленности — 12,2 и 10,3 млн человек соответственно. Численность государственного аппарата в 2 раза выше показателей 1990 г. Доля услуг выросла до 51,9% в 2004 г.

Уменьшение удельного веса промышленности в общем мировом ВВП и рост услуг никак не отменяют законы ведущей роли промышленности в народном хозяйстве и сектора производства средств производства. Несмотря на тенденцию сокращения удельного веса промышленности, он высок в Германии — 29% ВВП, Японии — 32%, Китае — почти 45%. Очень низок в США — 12,5%. Удельный вес воспроизводства средств производства во всех странах «большой семерки» превышает 50%. В секторе материального производства в США за 2006 г. было занято 60,3%. В России на долю наемного труда приходится немногим более трети национального дохода. Это меньше, чем в развитых странах [12, 36]. Экономика России скатывается все больше к экономике потребления в ущерб производственному развитию. Одна оптовая и розничная торговля дает на 222 млрд р. больше, чем обрабатывающее производство России.

По данным В. Иноземцева, промышленность в Южной Корее, Бразилии, Китае, Турции растет значительно быстрее валового внутреннего продукта. В России все наоборот. Даже в 2000-е гг. промышленность отставала в своем росте от валового продукта. В 2005—2008 гг. она составляла соответственно 19,2 и 31,4%. «Потребляющие» отрасли, как отмечает С. Губанов, могут обеспечивать разовые точки роста экономики, но они не ведут к развитию индустриальной базы России. Чем сильнее инфляция нефтедоллара, тем выше экспортно-сырьевые цены и больше объем ВВП России в долларовом выражении. Это создает иллюзию экономического роста, как было на протяжении 2000—2007 гг. То же самое, на наш взгляд, происходит и с ростом ВВП в 2017 г. на 2% и заявлением правительства о выходе из кризиса.

Капитализм породил отсталые дезинтегрированные производственные отношения, раздробление технологических цепочек. Компрадорская частная собственность наглухо изолировала добывающий сектор от обрабатывающего. Созданы криминальные механизмы присвоения прибыли, а промышленный капитал стал заложником финансового и сырьевого капитала. Прирост капитала, богатство не связаны с производством, а следовательно, и с трудом. Это усиливает системный кризис, препятствует переходу к высоко-

технологическому развитию России. Нужна свобода созидательного предпринимательства, а не свобода монопольного и спекулятивного завышения цен. Экономика России сужается как «шагреновая кожа», кроме ОПК. В кризисный 2016 г. прирост его продукции составил рекордные 10% [19, 19].

Упование на «свободный рынок» и глубокая деиндустриализация страны привели к тому, что в России не действуют синергетические механизмы самокоррекции, развития капитализма, закон капиталистического накопления. Создается беспрецедентная в мировой практике, смешанная общественно-частно-криминальная экономика. Это путь бедного общества, где 9/10 населения останутся в низшем классе.

Стихийно складывающийся рынок может быть только примитивным, ибо у нас нет западных традиций, опыта ведения бизнеса, современной цивилизованной буржуазии. Частная собственность создана у нас не в результате свободной экономической конкуренции, а как следствие ее искусственного формирования. Поэтому рынок в России не имеет стремления к максимизации эффективности капиталистической системы. Олигархи и крупный капитал не в состоянии создать и управлять современной конкурентоспособной экономикой. Капитализм здесь как инородное тело, не способное нести прогресс. Главный порок его в том, что в России проводится политика перераспределения или извлечения ренты, а надо переходить к политике роста и извлечения прибыли [13, 662]. Нигде и никогда капитализм не был такой деструктивной силой, как в России, обрекая ее на поражение в истории. В нем нет механизмов эволюции, адекватных задачам постиндустриальной эпохи. Он превращает Россию в сырьевой придаток мирового капитала.

В российской модели капитализма отсутствует эффективное накопление основного капитала, растрачиваются и распродаются ее национальные богатства. Капитализм лишен исторической динамики и исторической перспективы. Идет колоссальное сокращение его материальной, экономической основы в классическом понимании, хотя Росстат показывает положительную динамику накопления и расширенный характер его воспроизводства. Низкая доля накопления капитала в структуре ВВП среди бывших стран советской ориентации и всего мира только у России и Украины. А с исчерпанием материального и кадрового наследия СССР российский «капита-

лизм» все сильнее будет втягиваться в кризис, что приведет к стремительному убыванию материального производственного базиса.

В 2011 г. в России проживало 136,4 тыс. лиц с богатством свыше 1 млн дол. Примерно 90—120 — представители крупнейшей буржуазии (миллиардеров), примерно 1000 — представителей крупной и средней буржуазии и примерно 135 тыс. — представителей высшего слоя мелкой буржуазии. Высший слой российского капиталистического класса характеризуется четко выраженной сырьевой организацией. Среди него нет тех, кто работал бы в машиностроении, авиационной промышленности, сельском хозяйстве. Их интересы связаны с производством и продажей сырья и полуфабрикатов [17, 38—57].

Миллиардеры-сырьевики составляют 38,18%, а миллиардеры, связанные с развитием производительных сил, — только 15,46% от всего слоя буржуазии. Вместе с представителями финансово-торгово-арендной буржуазии они образуют абсолютное большинство крупной российской буржуазии — 64,54%. Иначе говоря, подавляющее большинство высшего класса капиталистов не заинтересовано в развитии высокотехнологических и наукоемких отраслей экономики России, а ориентировано на ее дальнейшую эволюцию в качестве сырьевого придатка мировой капиталистической экономики. Россия находится по численности миллиардеров на третьем месте в мире, а по численности крупной буржуазии (лиц с богатством от 100 млн дол. до 1 млрд дол.) — на четвертом, а по количеству лиц с чистым богатством на сумму от 30 до 100 млн дол. — лишь на 21 месте. Слаба и немногочисленна средняя буржуазия (от 30 млн дол.), что говорит о том, что капиталистический класс России имеет слабые корни в среде населения, нежели капиталистические классы развитых и развивающихся стран. Большая часть миллионеров и миллиардеров живет в Москве (64%).

Господство сырьевой компрадорской буржуазии и либерально ориентированной правящей элиты является главным препятствием инновационного развития России. Поэтому ей пока не удастся утвердить собственную модель модернизации, в отличие от Китая, Индии, Японии и других стран, которые модернизировались на собственной цивилизационной основе.

В России, как в Японии, необходимо, не теряя идентичности, не меняясь социокультурно, провести технологическую революцию. Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной

рациональности, он избежал абсолютной вестернизации. Если в России бывшая партийная номенклатура сосредоточила усилия на приватизации, утратила контроль над экономикой, то в Китае все находится под контролем государства. Здесь государство — крупнейший акционер 150 ведущих корпораций страны. На госкомпании приходится 80% стоимости фондового рынка. Все банки с преобладающей долей государственного капитала. В отличие от России, в Китае рыночные ценности не господствуют над остальными сферами жизни, что создает стабильность развития.

В России задача высокотехнологической модернизации экономики решается пока только на бумаге (курс на нее был провозглашен в 2008 г., а национально-ориентированная модель — только в 2013 г.) в принятых и не реализующихся программах. Правящая элита России утратила понимание значимости социальных функций науки.

Результаты капитализации России плачевны. Если в 1980-х гг. российская экономика была второй экономикой мира, это пять Китая и 60% от США, то сейчас это 1/5 Китая, 6% от США. Промышленный сектор существует лишь номинально, по большому счету он ничего не производит. А правительству, по словам совладельца «Ростсельмаша» К. Бабкина, «по барабану состояние российского производства». Похоже, что российскому убудочному капитализму вообще не грозит технологическое замещение труда (если сидеть на сырьевой игле). Феноменальное неравенство, деиндустриализация страны не только подорвут внутренний рынок, сделают «бессмысленным» какое-либо производство, но и обострят социальные противоречия, потребуют замены нежизнеспособного капитализма на некапиталистическую систему, централизованное планирование и управление.

Россия не вписывается в западную модель рыночного хозяйства, основанного на постулатах методологического индивидуализма. Стремление индивида к максимизации прибыли объективно провоцирует хроническое самоистощение российской экономики и не дает возможности ее прогрессивного развития. Русская душа не приемлет идей накопительства, стяжательства за счет своего ближнего, несправедности богатства. В ней неискоренимы идеи социальной справедливости в распределении общественного богатства, равенства, трудовой ориентации, глубокой уверенности в несправедливости денег. Россиянин не приемлет алчности, корысти, расточи-

тельства, жизни за счет своего ближнего. В современной России, выражаясь словами И. Ильина, «политическое и уголовное перемешиваются до неразличимости», и «худшие элементы общества становятся во главе» [7, 222].

Современный Запад — это рентное общество, в котором умирает «дух» капитализма, т. е. идет откат к эпохе, когда власть и богатства обуславливались наследственными привилегиями, а не приобретались трудом или заслугами. В России также вся экономика имеет рентную природу. Капитализм сталкивается с пределами накопления капитала. В России идет лишь накопление богатства. Можно говорить о начале — где-то с середины XX в. — постепенного вытеснения капиталистических отношений и элементов радикального духовного преобразования человека, выражающихся если не в добровольном отказе от жизненных благ ради нравственной чистоты свободы и творчества, то в их ограничении во имя саморазвития и самосовершенствования. Вспомним гениальные пророчества Кейнса о постепенном вытеснении капиталистических отношений, радикальной перестройке капиталистического общества и самой природы человека. По Э. Фрамму, будущий крах капитализма — в грядущей революции личности, а не в революции пролетариата. В России движущей силой отказа от западной модели капитализма будут демократические слои населения, которым за державу обидно и которые могут включать представителей самых различных слоев населения, даже наших миллионеров. Миф о том, что капитализм самая совершенная социальная система, вечная и незыблемая, рушится. Е.А. Колкотин отмечает, что России не подходит либеральная модель рыночной экономики, которую нужно было начинать строить лет 500 назад, что эта модель не может развиваться без длительного периода первоначального накопления капитала. В России эта модель может строиться сознательно только в интересах Запада, т. е. в неокOLONIALной форме. В качестве альтернативы он предлагает экономику конвергентного типа: объединения государственной и рыночной экономики [10, 256].

Будущее российского капитализма обусловлено его неспособностью обеспечить динамику инвестиций в основной капитал. Совокупный объем накопления уменьшился по сравнению с советским периодом в 4 раза. Формирование рынка капитала с механизмом обогащения буржуазии не решило задач развития страны. Именно ради накопления частного капитала был развален СССР и

плановое хозяйство, отмечает Б. Плышевский [15, 35]. Россия утратила технико-технологическую независимость.

В России доля государственной собственности ниже, чем в любой европейской стране. Она не превышает 18%. Особенно она высока в Италии, Франции, Греции (до 35—40%). Государственный сектор в России работает сейчас больше на частные интересы и подчинен частнособственническому способу присвоения. Государство не контролирует экономику, в которой господствует олигархический компрадорский уклад, захвативший командные высоты экономики. Поэтому хозяином положения сегодня является зарубежный капитал, доля которого в стратегически важных банковских активах в период 2005—2017 гг. составила в среднем 53%, т. е. более половины. Госкорпорации без вертикальной интеграции и системы цепочек межотраслевого взаимодействия не эффективны.

А. Зиновьев утверждал, что в России нет и никогда не будет ни демократии, ни рыночной экономики такого типа и уровня, как в странах Запада. На этом пути получится лишь убудочная имитация западных форм жизни в сочетании с оккупационным самодурским режимом. Буржуазный индивидуализм не адекватен вызовам современной цивилизации. Вопрос в том, не опоздал ли исторически наш российский капитализм в связи с усилением общего кризиса капитализма в мире, отсутствием источников экономического роста, равновесия. Начавшийся мировой кризис, за которым последует не экономический рост, а длительная и тяжелая депрессия, особенно болезненно ударит по России, зависимой от импорта в условиях автономного кризиса и деиндустриализации.

В России недооценивается и даже отрицается госкапитализм. В. Путин прямо заявил, что мы его не будем строить, хотя тенденция госкапитализма на Западе стала магистральной благодаря выходу индустриально-развитых стран мира на государственно-корпоративную стадию. Если СССР начал скатываться к низшему капитализму, то передовые капиталистические страны устремились к высшему, государственному. Уже к середине 1970-х гг. в США сфера госкапиталистических начал была больше, чем в СССР. Советский Союз проиграл войну против США, поскольку откатился к низшему капитализму, скрытому в форме «хозрасчета предприятия». Сегодня в России общественно-экономический строй, установленный путем денационализации собственности, деградировал в компрадорскую разновидность низшего капитализма, самого отста-

лого и асоциального. Даже наш государственный сектор функционирует подобно частнокапиталистическому, ибо занят извлечением максимальной прибыли, обогащением функционеров. В нем нет государственного присвоения прибавочной стоимости. Поэтому государственный сектор отражает также низший капитализм, не ведающий закона вертикальной интеграции капитала высшего капитализма [4, 11—13].

Денационализация отбросила все производство к отношениям низшего фабрично-заводского капитализма. Насаждаемые властью характер и формы частной собственности оказались не соответствующими производительным силам. Они привели к трансформации денационализированной собственности в компрадорскую, которая не эффективна по сравнению с интегрированной, межотраслевой, государственно-корпоративной формой собственности, опирающейся на «экономику ТНК» и подчиняющейся закону вертикальной интеграции. В России частная собственность бесплодна и тормозит научно-технический прогресс, хотя ее объем составляет 82%, на — Украине 84%. Как отмечает С. Губанов, прогрессивной может быть та форма собственности, которая органически связана с общественным воспроизводством и присвоением на основе закона вертикальной интеграции [3, 3—27]. Компрадорская собственность деформировала тенденции общественного воспроизводства. Она противоречит закону централизации и концентрации промышленного капитала, не позволяет производительным силам обретать технотронное качество, делает неэффективной всю промышленную политику государства, лишает его ресурсов для поддержки внутреннего рынка, проведения неоиндустриализации страны.

Запущена крупномасштабная регрессивная структурная трансформация народного хозяйства, препятствующая расширенному воспроизводству промышленного капитала.

Российский капитализм, по Й. Шумпеттеру, не может сыграть роль «созидательного разрушителя». В нем доминируют не законы концентрации и централизации капитала, а процессы диффузии и децентрализации, а все категории и закономерности его не работают или извращены в силу их имитационной, искусственной природы. Утопия рынка противопоставлена утопии коммунизма. Рынок стал предметом веры, а не знания. Сырьевая, распределительная модель капитализма в России исторически бесперспективна. Рост капитализма шел по принципу — не сами произведем, а за нефте-

доллары купим на Западе. Поэтому с момента своего рождения модель российского ущербного капитализма паразитическая, загнивающая. Он носит антивывозный характер.

С. Кара-Мурза замечает, что невозможно строить капитализм, будучи изгоем его мировой системы [9, 24]. Инициатором распада и застоя выступает сам российский капитализм, ориентированный на вывоз капитала за рубеж. В России отсутствует национальная элита, отстаивающая интересы государства. Капитализм в России не превратился в элемент, конструирующий целостность общества. Интерес власти доминирует над интересами общества. На почве антинациональных реформ налицо конфликт правящей и бизнес-элиты с общественными интересами.

В России отсутствует обновление, нет объективных оснований для запуска процессов улучшения жизни. Реформы подменили развитие, стали орудием бесконтрольного разрушения. Наше реформирование, по словам Ю.М. Осипова, давно превратилось в бизнес, которым занимаются бизнесмены, живущие за границей. Мы подошли фактически к 1929 г. России нужен великий перелом. Мир дошел до точки, а впереди лишь большая коллизия [22, 261—264].

Экспортно-сырьевая модель капитализма в России, где господствует система максимизации прибыли, где приватизация убивает на корню вертикальную межотраслевую интеграцию, а командные высоты экономики захвачены олигархами, компрадорским капиталом, неминуемо превращается в систему хозяйственного самоуничтожения страны. Только процесс вертикальной интеграции устраняет верховенство компрадорской формы частной собственности [5].

Поживем и увидим, насколько справедливыми и пророческими были мысли Н. Бердяева о том, что русский человек не хочет, чтобы на место коммуниста пришел европейский буржуа. Он не согласится заменить коммунистические пороки буржуазными добродетелями, ибо он их отвергает. Сможет ли российский капитализм сводить «концы с концами» — вопрос открытый, как и его историческая судьба.

Литература

1. *Батчиков С.* Момент истины // Свободная мысль. 2016. № 3.
2. *Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун Г.* Есть ли будущее у капитализма? М., 2015.
3. *Губанов С.* Антинаучный мир (о 70% госсектора) и его социальный подтекст // Экономист. 2017. № 8.
4. *Губанов С.* Антинаучный миф (о 70% госсектора) и его социальный подтекст // Экономист. 2017. № 8.
5. *Губанов С.* Главы госкомпаний: с чем связать их вознаграждение? (опыт политэкономического анализа) // Экономист. 2016. № 4.
6. *Губанов С.* Эффект вертикальной интеграции и его исчисления // Экономист. 2017, № 8.
7. *Дасковский В., Кисилев В.* Объем, направления и структуры инвестиций // Экономист. 2016. № 5.
8. *Ильин И.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 годов: В 2 т. Т 2. М., 1992.
9. *Кара-Мурза С.Г.* О модели кризиса и задачах общественно-знания // Философия хозяйства. 2016. № 1.
10. *Кожневников В.П., Вострецов П.А.* Может ли «российский капитализм» быть локомотивом прогресса? Нижний Новгород, 2015. 193 с.
11. *Колкотин Е.А.* Мифы капитализма и его реальности. М., 2011.
12. *Медведев Д.* Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10.
13. *Михеев Д.* Эффективность труда — ключевой приоритет // Экономист. 2008. № 8.
14. *Ослунд А.* Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. М., 2003.
15. *Плышевский Б.* Деформация против модернизации. Трудо-сбережение как основной фактор неоиндустриальной модернизации // Экономист. 2011. № 5.
16. *Плышевский Б.* Накопление капитала в постсоветском периоде // Экономист. 2016. № 9.

17. *Путин В.В.* О наших экономических задачах // Ведомости. 2012. 30 янв.
18. *Рахманов А.Б.* Капиталистический класс современной России и его основные характеристики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 2.
19. *Розанов В.* Социализация финансов и беспроцентная экономика: варианты и альтернативы нового финансового порядка // Экономист. 2016. № 8.
20. *Слепаков С.С.* К вопросу о смысловых доминантах российских реформ (воспроизводственный подход) // Философия хозяйства. 2016. № 1.
21. *Сухина Т.С.* От реформы к реформированию // Философия хозяйства. 2016. № 3.
22. *Фельцман В.* Подвижки 2000-х гг. в отраслях и технологиях // Экономист. 2017. № 5.

References

1. *Batchikov S.* Moment istiny // Svobodnaya mysl'. 2016. № 3.
2. *Vallerstajn I., Kollinz R., Mann M., Derlug'yan G., Kalhun G.* Est' li budushchee u kapitalizma? M., 2015.
3. *Gubanov S.* Antinauchnyj mir (o 70% gossektora) i ego social'nyj podtekst // Ehkonomist. 2017. №8.
4. *Gubanov S.* Antinauchnyj mif (o 70% gossektora) i ego social'nyj podtekst // Ehkonomist. 2017. № 8.
5. *Gubanov S.* Glavy goskompanij: s chem svyazat' ih voznagrashdenie? (opyt politekonomicheskogo analiza) // EHkonomist. 2016. № 4.
6. *Gubanov S.* EHffekt vertikal'noj integracii i ego ischisleniya // EHkonomist. 2017. № 8.
7. *Daskovskij V., Kisilev V.* Ob"em, napravleniya i struktury investicij // Ehkonomist. 2016. № 5.
8. *Il'in I.* Nashi zadachi. Istoricheskaya sud'ba i budushchee Rossii. Stat'i 1948—1954 godov: V 2 t. T. 2. M., 1992.
9. *Kara-Murza S.G.* O modeli krizisa i zadachah obshchestvoznaniya // Filosofiya hozyajstva. 2016. № 1.
10. *Kozhevnikov V.P., Vostrecov P.A.* Mozhet li «rossijskij kapitalizm» byt' lokomotivom progressa? Nizhnij Novgorod, 2015. 193s.
11. *Kolkotin E.A.* Mify kapitalizma i ego real'nosti. M., 2011.

12. *Medvedev D.* Social'no-ehkonomicheskoe razvitie Rossii: obretnenie novej dinamiki // *Voprosy ehkonomiki*. 2016. № 10.
13. *Mihev D.* Ehffektivnost' truda — klyuchevoj prioritet // *Ehkonomist*. 2008. № 8.
14. *Oslund A.* Stroitel'stvo kapitalizma. Rynoch'naya transformaciya stran byvshego sovetskogo bloka. M., 2003.
15. *Plyshevskij B.* Deformaciya protiv modernizacii. Trudosberezenie kak osnovnoj faktor neoindustrial'noj modernizacii // *Ehkonomist*. 2011. № 5.
16. *Plyshevskij B.* Nakoplenie kapitala v postsovetskom periode // *Ehkonomist*. 2016. № 9.
17. *Putin V.V.* O nashih ehkonomicheskikh zadachah // *Vedosnosti*. 2012. 30. yanv.
18. *Rahmanov A.B.* Kapitalisticheskij klass sovremennoj Rossii i ego osnovnye harakteristiki // *Vest. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya*. 2014. № 2.
19. *Rozanov V.* Socializaciya finansov i besprocentnaya ehkonomika: varianty i al'ternativy novogo finansovogo poryadka // *Ehkonomist*. 2016. № 8.
20. *Slepakov S.S.* K voprosu o smyslovyh dominantah rossijskikh reform (vosproizvodstvennyj podhod) // *Filosofiya hozyajstva*. 2016. № 1.
21. *Suhina T.S.* Ot reformy k reformirovaniyu // *Filosofiya hozyajstva*. 2016. № 3.
22. *Fel'cman V.* Podvizhki 2000-h gg. v otraslyah i tekhnologiyah // *Ehkonomist*. 2017. № 5.

IV

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

**Рассеянное существование
как проблема современной России***

Аннотация. В статье анализируется возможное движение России. Двигаться с кем? — спрашивает автор. И отвечает на этот вопрос так: с тем, кто невозможен. Двигаться куда? Некуда. Потому что у нас нет ни идеологии, ни революционеров. В статье рассматривается феномен сознательного безумия, а также рассеянного существования. Сознательные безумцы — это революционеры и философы. Рассеянное существование автор относит к обществу, которое не дает человеку бытия вместе. Автор критикует роль СМИ и интеллектуалов в современной России.

Ключевые слова: современная Россия, революционер, философ, рассеянное существование, бытие вместе, постхристианство, человек, безумие, интеллектуал.

Abstract. In article the possible movement of Russia is analyzed. To move with whom? — the author asks. Also answers this question so: with that who is impossible. To move where? There is no place. Because we have neither ideology, nor revolutionaries. In article the phenomenon of conscious madness, and also scattered existence is considered. Conscious madmen are revolutionaries and philosophers. The author refers scattered existence to society which doesn't give to the person of life together. The author criticizes a role of mass media and intellectuals in modern Russia.

Keywords: modern Russia, revolutionary, philosopher, scattered existence, life together, post-Christianity, person, madness, intellectual.

УДК 111
ББК 65в

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гиренок Ф.И. Рассеянное существование как проблема современной России // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 213—218.

Россия очень большая страна. Она так велика, что одной своей частью упирается в Америку, а другой — в Балтийское море. Почему Россия такая большая? Потому что русские люди шли к Богу, а пришли к Тихому океану. У нас отечество вышло за пределы родины и не вернулось. Так и составила Российская империя как отечество, потерявшее связь со своей родиной. Мы не колонизаторы. Мы доброхоты. Все, что у нас есть, мы готовы дарить без ожидания ответного дара.

Отечество, утратившее связь с родиной

Разлегалась Россия на одной шестой части света и лежит. Если бы она не разлегалась, то ее бы, пожалуй, никто и не заметил. Уж очень она тихая, дремотная. А так замечают, потому что ее не объехать и не облететь. За это, видимо, Россию и не любят. И многие, как внутри страны, так и за рубежом, хотят ее урезать, сделать маленькой, как Швейцария.

И много нашлось у России недругов. А сражаться с ними в последние сто лет было некому. И то ли потому, что у нас не было царя, и мы жили без царя в голове, то ли потому, что у нас дорог мало, а дураков много, так или иначе, но стала Россия, как шагреновая кожа, уменьшаться. Уменьшается и все ждет, когда наступит новый пятый технологический уклад. Тем временем между людьми начался раздор, распри. Закончилось наше бытие вместе, и началось рассеянное существование. И пошел наш народ кто куда, кто в лес, кто по дрова. Юг поднялся против Севера, Восток оторвался от Запада, а мы все не можем соединить Москву с Казанью высокоскоростной дорогой. Демократия так замутила воду в России, что из мутной воды вылезли одни олигархи и ныне правящий класс. В России и так было мало порядка, а теперь его и вовсе не стало. Народу нужны были правда и справедливость, а элита ему нормы неправды и право несправедливости предлагает. Поэтому народ не любит свою правящую элиту. Власть предлагает народу политическую свободу, а ему нужны не жизнь по понятиям, не политика, а жизнь по совести и бытовая свобода. Для отечества, утратившего связь с родиной, вопрос о том, куда идти, получает новую проекцию: с кем идти.

Достоинство

Почему вопрос о достоинстве русского человека является фундаментальным? Как получилось, что мы забыли о нем? Ведь это вопрос об отношении к самим себе, к своей самости. Мы забыли себя и упорствуем в своем самозабвении. Нам нужно срочно вернуться к своей субъективности, ибо позитивно развернутое самозабвение состоит не в чем ином, как в преувеличении роли фактического, объективного. Забота человека — не бытие, ибо бытие этого всего лишь галлюцинация. Нельзя быть пастухом галлюцинации. Можно быть сторожем у своей самости. Мы перестали сторожить свою самость и потеряли почву под ногами, утратили связь с землей, растворив себя в городе. Перестав грезить, человек стал обезьяной цивилизации, которая говорит и понимает слова «есть» и «бытие». То, что строится на забвении своей субъективности, именуется сегодня постчеловеком. Способ, каким существует наша субъективность, задается неизбежностью невозможного.

Ночь мира

«Двигаться к чему?» — спрашивал Розанов, комментируя Апокалипсис. К социализму? Но никаким изменением социального порядка нельзя избавиться от ненормальности человеческой природы. К Богу? Но его убили. К Христу? Но вокруг него уже не собираются люди. Его место зияет отсутствием. От былого христианства остались одни пустоты, которые заполняются постхристианскими обычаями и привычками. К земле, в деревню? Но откликнется ли она на наш призыв? Деревни больше нет. В городе не живут, а работают. На самозабвении нельзя построить душу крестьянина.

Двигаться теперь можно только к апокалипсису. Каждая наша мысль, каждое наше движение будет носить отныне апокалиптический характер. «День человека закончился», — заверил нас Хайдеггер. Что это значит? Это значит, что нет для нас прямого пути. Все наши цели не выходят за пределы ограниченной рациональности. Все мы недостаточно безумны. Но это не значит, что ночь человека будет длиться вечно.

Человек однажды пришел к позитивному согласию с собой и значение успеха поставил выше истины. Отношение к себе он заменил отношением к окружающему миру. Началось время утраты человеческого. Ночное время — время кошмаров. Ночь можно заме-

тить, посмотрев в глаза любого человека. Человек распространяет ночь повсюду — сделал вывод Гегель, возвестив о наступившей ночи мира. Мир потерял свою основу, свое дно, и человеку теперь ничего не остается, как висеть над бездной.

Во времена мировой ночи России нужно испытать и выдержать бездонность мира. Испытать неопределенность своего положения, отсутствие всяких указаний на левое и правое, на верх и низ. Ночное время — время неуверенности и нерешительности. В нем длится настоящее, у которого нет прошлого и нет будущего. Но для испытания настоящего без будущего необходимо, чтобы были люди, которые бы спустились в бездну. Нужны романтики. Но вот этих-то романтиков у нас больше нет. Особенно в политике.

В России появились политики-прагматики, т. е. люди второго шага, которые не решаются на первый шаг и пытаются начинать движение сразу со второго. Поэтому ничего у них не получается и получиться не может. Все их действия только умножают бессмыслицу мира. Первый шаг потому и первый, что он преодолевает бессмыслицу, не имея на то никаких оснований. В первом шаге, в истоке нет смысла, во втором — уже возможен смысл. В первом движении еще нет сознания, в том, что повторится, уже возможен закон.

Куда мы можем двигаться, сознавая, что Москва — больше не третий Рим и больше им никогда не будет? К какому берегу Россия может прибиться, если она всего лишь один из полюсов многополярного мира? Кто из нас решится исправить работу социального во время ночи мира? Только сознательный сумасшедший обладает той силой, которая способна обессилить силу настоящего.

Сознательное сумасшествие

История сама по себе никуда не идет. У нее нет колеи, нет логики, ходу которой мы могли бы довериться. Чтобы история куда-то пошла, к чему-то повернула, нужны не эксперты, а революционеры, те, кто попытается соединить воображаемое с реальным. Но Россия исчерпала лимит на революции. У нас нет больше охотников переводить общество из одного состояния в другое при помощи насилия. Мы стали апатичны. В основе нашей нерешительности лежит сознание пата, объявленного нам миром. Наша правящая элита слишком корыстолюбива. Ее лидеры не горячи и не холодны. Они не могут нам предложить надежду на идеи, за которыми многие из

нас могли бы пойти. Поэтому все мы топчемся на одном и том же месте в ожидании фигуры сознательного сумасшествия. Сознательный сумасшедший — это революционер. В отсутствие революционера его место занимает философ.

Россия никуда не идет. И в ближайшем будущем никуда не пойдет. Чтобы куда-то пойти, нужна идеология. Россия как застряла в неопределенности 1917 г., так там и осталась. И никакой технологический переворот нас отсюда не вытащит. Упования на пятый (или шестой) технологический уклад бессмысленны в силу рассеянности нашего существования.

Рассеянное существование

Наше общество — это несвязанное множество людей со слабо легитимизируемой властью, дезориентированным сознанием и технологической отсталостью. Наша культура не дает нам ни смысла, ни идентичности существования. И хотя социальные институты, которые только и могут сделать человека единичным, еще продолжают существовать, под ними уже слышится гул множественного, обесмысливающего наше бытие вместе, ибо никакого бытия вместе социум уже предложить нам не может. Общество без сущностного понимания своего существования есть территория, некая протяженность, захват места в которой не связывает людей, не объединяет их ценностно, а напротив, рассеивает во враждебном существовании. Социальное отступает под напором галлюцинаторного, ибо любое общество легко распадается на грезящее множество людей.

В современном русском обществе явно преувеличена роль тех, кто вышел из подполья, кто создает событийную сторону жизни в политике и в СМИ, но не имеет никакого отношения к смысловой стороне нашей жизни. Между событиями и смыслами идет невидимая война. И пока идет эта война, Россия существует в режиме неизвлеченных смыслов своего существования, в модусе абсолютного непонимания своей судьбы.

Интеллектуалы

Наши интеллектуалы не безумцы и не авантюристы. Это не сознательные сумасшедшие. Их отношение к событиям не опосредовано отношением к своей самости. Для них философия является формой проявления рациональности. Им нравится плоский позити-

визм науки. Интеллектуал не идеолог. Он пытается говорить с миром на языке истины, хотя истина все время оказывается у него практически оправданным заблуждением. Русский интеллектуал — это диссеминатор знания. В его фигуре функционер истины совпадает с бюрократом знания. Функционер находит у власти поддержку для истины, а бюрократ находит у истины поддержку для власти. Так они и сосуществуют, поддерживая друг друга.

Благодаря интеллектуалам мир упрощает себя сегодня посредством технической манипуляции. И это упрощение доходит до безумия, до веры в технологический прогресс человека. Как ни странно, манипулируя с цифровой сущностью современной цивилизации, мы стираем черту между воображаемым и реальным. Все человеческое исчезает сегодня от избытка всеобщей производительности, наивысшего достижения современного материализма. Уже Бодрийяр предупредил нас, что прометеевское господство над миром ведет нас к возможности увидеть мир таким, каким он есть в наше отсутствие. Апокалиптическая субъективность заполняет сегодня симулятивные пустоты современной цивилизации, которая завела нас не туда, куда мы хотели. Мы хотим вернуться к самим себе. Русским за свою сущность, за то, чтобы быть русскими в современном мире, еще нужно бороться.

В.А. КУТЫРЁВ

**Они идут... встречайте!
(об антропологической инволюции
техногенной цивилизации)***

Аннотация. Под влиянием современных технологий изменяется тип человека. Личность превращается в актора, человеческий фактор и агента. В содержательном плане агент напоминает зомби — существ без внутреннего мира и способностей к рефлексии. Раз-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кутырёв В.А. Они идут... встречайте! (об антропологической инволюции техногенной цивилизации) // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 218—226.

личается два типа зомби: слабые, остающиеся в сфере логоса, и сильные, дигитально программируемые. Зомби — начальная стадия «улучшения» и трансгуманистической модификации человека. Его дальнейшая перспектива — превращение в роботообразное, что ведет земную жизнь и основанный на ней разум к самоотрицанию. Для предотвращения подобного сценария необходимы честное описание и понимание смертельно опасного характера неуправляемой технологической эскалации современного мира.

Ключевые слова: человек, личность, актер, агент, зомби, техноиды, постмодернизм, инволюция, трансгуманизм, смерть.

Abstract. It is shown how the type of person changes as the influence of modern technologies. Personality turns into an actor, a human factor and an agent. In the content plan, the agent resembles zombies — creatures without inner peace and abilities for reflection. There are two types of zombies: weak, remaining in the sphere of logo and strong, digitally programmable. Zombies — the initial stage of «improvement» and transhumanist modification of man. His further perspective is the transformation into a robotic one, which leads the earthly life and the reason based on it into non-being. To prevent such a scenario, it needs an honest description and understanding of the dangerous nature of the uncontrollable technological escalation of the modern world is necessary.

Keywords: person, person, actor, agent, zombie, technoids, post-modernism, involution, transhumanism, death.

УДК 111
ББК 87.2

Что труднее всего на свете? — спрашивал Гете. И отвечал: видеть своими глазами то, что лежит перед ними. Осмелимся дополнить: и поддерживать не любые, а жизне-человеко-сохраняющие тенденции времени. Значит, иным, хотя бы и передовым, но отрицающим наше бытие идейным направлениям надо сопротивляться. Для начала — сказать правду о них.

* * *

В современной российской философии наиболее влиятельны два течения: 1) большое, рыхлое, в виде традиционной метафизики и гуманизма, исходящее из реалий макромира, человека как лично-

сти и субъекта, мыслящего, находясь в сознании. Личность-субъект-сознание — старая тройца эпохи Модерна, ее обсуждают, заботятся о развитии, толкуют даже о совершенствовании, и 2) культивируемая на переднем крае познания как пост(транс)модернизм, *идеология изживания человеком самого себя*, объявившая о его конце во всех ипостасях, отражающая движение к новой, несоразмерной с природой Genus homo, когнитивной онтологии. Живые = смертные люди — с одной стороны, «самоубийцы», техно(бес)смертники (см. стратегическую инициативу «Бессмертие — 2045») — с другой.

В чистом виде они сосуществуют в виде параллельных — только изредка пересекающихся — прямых линий. Реальные процессы идут посередине: личность размывается, однако о прямом самоуничтожении человека говорить рано — киборги и искусственный интеллект перспективны, если и близка, то не абсолютная. Ей предшествует (будет предшествовать) человек, который еще мыслит, действует, хотя все больше без рефлексии над тем, для чего, куда и к каким последствиям ведет то, что он делает. Он пока в уме, правда, уже «не в своем». Без (о)сознания и понимания.

В обществах, дальше продвинувшихся по пути технистской деградации человека, отказа от его природы и возникающей на ее основе культуры, а может, допустимо сказать, формирования «культуры смерти», данная тенденция выразилась в росте интереса к феномену зомби. Зомби — существо, которое подобно человеку, но все делает механически, не испытывая чувств, без души, без «внутреннего», как бы подчиняясь приказам извне. Как восставший из могилы и оживший мертвец, или «undead» (термин, близкий зомби) = немертвый, или мертвый, но не погребенный (в славянском фольклоре — вурдалак). Выйдя из языческой религии вуду, зомбизм инфицировал передовой отряд человечества. Теме зомби уделяют возрастающее внимание кино, литература, возникла мифология зомби, ее интенсивно эксплуатируют массмедиа и поп-культура. В философии сознания пример зомби обычно приводился в доказательство тупика, в который попадает теоретик, сводящий сознание к физиологической работе мозга или к информации. Это считалось «трудной проблемой», провалом в трактовке сознания. Постепенно, однако, стрелка барометра стала склоняться в пользу зомби. Пошли толки о том, что для эволюции сознание, с его сомнениями, неоднозначностью выводов, не рационализируемыми целями, субъектив-

ными оценками и эмоциями больше не нужно. Оно не эффективно. Человек (?) вполне может жить без него.

Действительно, по рациональной организации и логической непогрешимости зомби превосходят людей. Философские зомби начали писать книги о том, что быть зомби совсем не трагедия, скорее, хорошо [1]. А те, кто сомневается в этом и, не дай бог, не поклоняется новому божеству — Технике — заслуживают, не приводя возражений по существу, только поношения: реакционеры, дебилы, идиоты, контра и т. п. (В наше время прослыть атехнистом — то же самое как атеистом или еретиком в Средние века.) Вектор движения человеческой цивилизации к постчеловеку перестает ее авангард не только пугать, но и беспокоить. Он в нем рекламируется (сайт телеканала Россия-1 называется *zombu.ru!* — провокационная ирония, куда смотрело начальство?). Теперь становится понятно, почему так безразлично и даже радостно обсуждается вопрос, почему людям нет места в будущем [6]. Потому что в настоящем человек уже зачеркивается: теперь он — ~~человек~~ = живой труп = немертвый. Вот вот разразится поведенческая мода: быть *undead*, быть зомби — это круто¹. Техногенный зомби — первая, предварительная стадия «улучшения человека», с последующим его превращением в чаемого трансгуманистами (говоря точнее, трансгуманистами) постчеловека = трансхьюмана.

Человечество вышло на тропу войны с самим собой. И на уровне смыслов уже победило. Вурдалаки на марше, они идут, уже у порога!

Определяя индекс зомбизации того или иного общества, целесообразно различать, по крайней мере, два вида зомби. Слабые (лучше сказать: легкие?) и сильные (сказать: тяжелые?). Это уместная аналогия с различием слабого и сильного искусственного интеллектов. Слабый (легкий, частичный) зомби — *мыслящий зомби*. Он мыслит и действует, но отвечает только на вопрос «как», не интересуясь, почему, зачем это делает, к чему ведет его мышление, если его продолжить, хотя бы дальше хода e^{-2} — e^{-4} . Он мыслит без осознания последствий. А кто по молодости лет попытается осознать, куда идет прогресс, если смотреть дальше своего носа, тому более опытные коллеги скажут: «Shut up and calculate» (заткнись

¹На данное время наиболее полное представление о «зомбистике», пожалуй, см.: [2].

и вычислай). В свое время Р. Оппенгеймер на предупреждения об опасности атомной бомбы для человечества ответил: «Главное, чтобы была хорошая физика.» Сейчас почти вся наука вышла за пределы жизненного мира людей и стала постчеловеческой, а значит опасной, в сущности, если брать ее «саму-в-себе», дем(е)онической, однако большинство ее творцов не желают со(при)знавать необходимость установления границ для своей деятельности, регулирования ее. Главное — производить новации. И внедрять их, не думая (кто-то, стараясь не думать) о сколько-нибудь отдаленных результатах. Мыслить без смысла, не говоря уже о добре и красоте. Наиболее распространенные места обитания ин-(новационных)-теллектуальных зомби — «силиконовые долины», технопарки, лишённые мировоззренческой составляющей информационные производственнотехнические университеты (ПТУ) и другие инкубаторы достижений постчеловеческого прогресса. Все больше появляется выдвинутых этой средой руководителей, менеджеров, озабоченных только получением прибыли — вплоть до зомби-министров. Вместо модернистской троицы: «личность — субъект — сознание» мир все больше населяет постмодернистский тип лишившегося сознания человека-деграданта, *Homo intellectus*: «актор — слабый зомби — мышление».

Утрачивая сознание, слабые зомби остаются, однако, в сфере Логоса. У многих сохраняется способность не только мыслить, но и осознавать, если это происходит вне рамок профессиональной деятельности. В отличие от них сильные зомби ориентированы на исчисление, матезис. Это представители когнитивно-информационного знания, обитающие все больше в виртуальной реальности. Их мышление полу- или полностью формализовано, оцифровано, они обходятся без обращения к смыслу вообще, что предвидел и описывал Ж. Деррида в своих концепциях грамматологии, подразумевая под граммами — биты. Если слабые зомби не желают думать о последствиях своей деятельности, то сильные теряют способность думать (в человеческом смысле) вообще. Это *запрограммированные зомби*. Они сортируют, комбинируют и обрабатывают информацию. От традиционного мышления у них, если остаются, то мыслекоммуникации. Они мыслят, но уже «не в своем уме». Через них мыслит «Иное». Это *Homo digitalis* эпохи трансмодерна, которая, в отличие от времени Постмодерна, не «после», не изживает, а *переступает через человека*. Человек превращается в

человеческий фактор, агента сетей. Место модернистской троицы: «личность — субъект — сознание» и постмодернистской: «актор - слабый зомби - мышление» занимает трансмодернистская — *Ното сотритус*: «агент — сильный зомби — исчисление».

Возникает, распространяется феномен действующей без сознания и функционирующей без мыс(ш)ления зомбократии. Утрата смыслов, субъектности (легкие зомби) перерастает в утрату самости, своего Я (тяжелые зомби). Собственно говоря, это реализация технократизма, только обращенного уже не на внешнюю природу, а на природу самого человека, превращающего его в техноида. Змея кусает свой хвост. И по мере нарастания скорости в гонке постчеловеческих технологий, зомбиальная ориентация становится все более влиятельной и агрессивной. Деграданты наступают. Они ближайшая эволюционная ступень перехода к киборгам и искусственному интеллекту. А поскольку природа = идентичность человека на ней размывается, то с точки зрения его судьбы этот процесс правильнее называть инволюцией. Она ведет нас сначала — с чипами на теле, потом в мозгах — сначала к светлому тоталитарному будущему электронного концлагеря, а потом к ино(не)бытию. Это и есть своего рода самоапокалипсис человечества, по крайней мере, его передового отряда, называемый, для самообмана, движением к «бессмертию». Такова логика антропологической инволюции, ясная как белый день каждому, но только еще не ставшему зомби.

Закат сознания, его редукция к техническому мышлению, является внутренним содержанием, своего рода антропологической реализацией «Заката Европы» О. Шпенглера, «Конца истории» Ф. Фукуямы, «Заката Запада» П. Бьюкенена. Это и есть возникновение «последнего человека», постчеловека, превращение культуры в цивилизацию, а цивилизации в Технос, который они предвидели и которым пугали. Но бояться всегда будущего. Когда явление происходит на самом деле, его не замечают. Или замечают единицы — «несчастное сознание». Мы становимся свидетелями, как последние люди выходят на main stream теоретической деятельности и с азартом потерявшего человеческие ориентиры стада слонов, топчут мировоззрение гуманизма, выражавшее время существования людей в сознании, личностей, заменяя его гуманологией, персонологией, скриптологией, другими, все более чуждыми природе людей вариантами трансформации их сознания. Возник феномен антропофатии, мизантропологии, всяческого поношения человека и отказа от

него в пользу робообразных [3]. Оказывается, у людей нет никакой природы. У всех вещей есть, а у человека нет. А если нет и у вещей, то ничего отдельного, каких-либо различий в мире не существует. Все возвращается в сплошную первичную магму — кроме реальности техногенных артефактов. Перед перспективами осуществления этих новаторских идей, опасения провидцев заката современной цивилизации выглядят наружными симптомами известной роковой болезни (Духа). И центров по ее лечению не строят, наоборот, сокращают или содержание их деятельности пре(из)вращается — опять в технологии, только «гуманитарные». Мы свидетели, кто способен и решается видеть, *Заката-конца Человечес(тва)кого*.

«Подводящей» идеологией к состоянию, когда ему наступит полный конец, является движение за «*Homo enhancement*» (улучшение человека), непрерывное, без какого-либо образца или идеала, или создание, конструирование нового сущего, переход к универсализму техноэволюции. С точки зрения судьбы *Homo genus/sapiens* (родового и разумного человека) его инволюция — это *дегенеративная эволюция* (де-эволюция). Перерождение в чипизированных (процесс вот-вот начнется, а фактически идет на наших глазах, если бы мы хотели видеть) техноидов-мутантов. Рождение (само)выродков. Трансгуманисты пока не составляют большинства даже в передовых странах, но их суицидальные для человечества идеи быстро набирают сторонников. Бытие определяет сознание. Небытие тоже определяет сознание. Распространяется сознание небытия, маскируемое иллюзиями насчет ноосферы, органотехнического усиления способностей, «пережизни», бессмертия и прочих благ, которые по(на)стигнут человека.

Трансгуманисты второй волны от этого самообмана отказываются, утверждая, что подлинное назначение людей в том, чтобы превратиться в нелюдей, люденев, трансхьюманов и т. п. Как можно скорее стать материалом прогресса. Инопланетянами на собственной Земле. И подобно другим безжизненным планетам сделать для этого Землю «поствитальной» [4]². По мере превращения из субъек-

²Поправим журналистский заголовок: До свидания он говорит не гомо сапиенсу (для трансгуманистов это банально), а как до конца последовательный = без(д)умный техник, т.е. идеальный прогрессор, он выступает против всего живого на Земле.

тов научно-технического развития в его фактор, т. е. становясь легкими зомби, люди перестают осознавать себя людьми и выражать собственно человеческие интересы. Тем более, будучи тяжелыми, программированными зомби, транс-гомонисты/ виталисты/номонисты предлагают реализовать провозглашенную в постмодернизме «смерть человека» практически. Притом верят сами и уверяют других, что они не марионетки технологий, а просто «хотят усилить трансперсональный интеллект», что можно сделать с помощью чипов и/или стать бессмертными (в сети или/и роботами), о чем они тоже мечтают. Который тоже со скоростью смены технологических поколений будет меняться: 2045... 2070... 2100 и т. д. в дурную бесконечность, естественно, даже без остат(н)ков человека. *Людоделы становятся людоедами.*

Здравствуйте, зомби, вот к чему вы пришли! (Само)Убийцы. За нами. И за собой, насколько еще люди. За всеми, кто осознает, тем более, чувствует себя человеком и хочет сохранить идентичность. Судя по тому, как вас встречают (в основном восторженно, ведь это прогресс), мы не будем знать, когда нас не будет. Соблазняют бессмертием, но бессмертием кого, ч(ь)его, если оно после человека? Если разума, то это разум Чужого. искусственный интеллект. Когда же он станет «Все́м», и в ходе распространения Internet of every-thing сольется с вещами, пронизает их, то станет просто «Не-разумом». Постмыслью. Никем субъектно не воспринимаемый, *он/мы растворит(м)ся в материю.* Будет очередная мертвая планета. Цивилизация убьет самое себя, как это предсказывали(ют) пессимистически настроенные фантасты. Именно такого рода инволюционные процессы идут в ней сейчас. Пока на передовых рубежах, но они стремительно захватывают пространство бытийного мира людей. Прогресс техники и деградация человека — трагическая диалектика нашего времени [5]. Уничтожение не только жизни, но и разума на Земле, а может быть, даже во Вселенной — такова суть *транс-вита/гomo/нomo* инволюционного движения. На его первом этапе — зомбизации человека.

Прогрессивно(е,) глупеющее (более общепринятый диагноз: digital demencia), слепое, бедное, несчастное человечество. Счастливу только непониманием того, что делает=ся. Само роет себе могилу... ..

Welcome Zombie! Добро пожаловать, вурдалаки!

Литература

1. *Волков Д.Б.* Бостонский зомби. Д. Деннет и его теория сознания. М., 2012.
2. *Гольнов-Вольфсон Д.* Век живых мертвецов: XX столетие глазами зомби // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 6 (062).
3. *Гуревич П.С.* Мизантропология как метаноия // *Человек*, 2014, №6.
4. *Кишинец В.* На смену обезьяне. Философ Владимир Кишинец говорит homo sapiensу good bye! // *НГ. Ex Libris*. 2012.08.30.
5. *Кутырёв В.А.* Унесенные прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире. СПб., 2016.
6. *Joy B.* Why the Future Doesn't Need Us? // *Wired*. 2000. Apr. Vol. 8. № 4.

References

1. *Volkov D.B.* Boston zombies. D. Dennett and his theory of consciousness. M., 2012.
2. *Golynov-Wolfson D.* The age of living dead: the twentieth century through the eyes of zombies. // *Emergency ration*. 2008. № 6 (062).
3. *Gurevich P.S.* Misanatropology as a metanoia. // *Man*. 2014. No. 6.
4. *Kishinets V.* In place of the monkey. Philosopher Vladimir Kishinets says to homo sapiens good bye! // *NG. Ex Libris* 2012.08.30.
5. *Kutyrev V.A.* Gone with progress. Eschatology of life in the technogenic world. SPb., 2016.

А.В. ЖУРАВЛЕВА

Эсхатологическая этика как феномен русской философской культуры*

Аннотация. Рассматривается феномен эсхатологической этики. Выдвигается идея о том, что она представляет собой типологическую характеристику русской религиозной философии. Выделя-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Журавлева А.В. Эсхатологическая этика как феномен русской философской культуры // *Философия хозяйства*. 2018. № 1. С. 226—238.

ются два направления русского эсхатологического мироощущения: катастрофическое и творческое. Первое, основанное на историческом пессимизме, связано с именем К.Н. Леонтьева; второе основано на идее преобразования мира и человека и представляет собой магистральную линию русской религиозной мысли, которую представляют Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и т. д. Делается вывод о том, что моральный абсолютизм русской философии является метафизической проекцией эсхатологического мироощущения.

Ключевые слова: русская философия, эсхатологическая этика, смерть, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, моральный абсолютизм, христианский идеал, любовь.

Abstract. The phenomenon of eschatological ethics is considered in the article. An idea is advanced that it is a typological characteristic of Russian religious philosophy. There are two directions of the Russian eschatological worldview: catastrophic and creative. The first, based on historical pessimism, is connected with the name of K.N. Leontiev; the second is based on the idea of transforming the world and man and represents the main line of Russian religious thought, which is represented by F.M. Dostoyevsky, V.S. Soloviev, N.A. Berdyaev, etc. The conclusion is drawn that the moral absolutism of Russian philosophy is a metaphysical projection of the eschatological worldview.

Keywords: Russian philosophy, eschatological ethics, death, K.N. Leontiev, F.M. Dostoyevsky, moral absolutism, the Christian ideal, love.

УДК 101.3
ББК 74.261.3

Выявление характерных особенностей русской философии само является одной из таких особенностей. Есть ли русская философия часть мировой, но со своим индивидуальным лицом, или она представляет собой совершенно уникальное явление в истории мирового духа, или наоборот, в ней нет ничего своеобразного, но все заемное, вторичное, подражательное? Эти и другие вопросы сегодня волнуют исследователей не меньше, чем сто и даже более лет назад.

По одной из сложившихся традиций, идущей от классиков истории русской философии, последнюю принято считать морале-

центричной. Солидаризуясь с данной точкой зрения, приведем свои аргументы в защиту этой позицией. Так, В.В. Зеньковский, давая общую характеристику русской мысли, писал, что в ней «... всюду доминирует (даже в отвлеченных проблемах) *моральная установка*: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русского философствования. Тот “панморализм”, который в своих философских сочинениях выразил с исключительной силой Лев Толстой, — с известным правом, с известными ограничениями может быть найден почти у всех русских мыслителей, — даже у тех, у которых нет произведений, прямым образом посвященных вопросам морали» [5, 16].

Другой видный русский философ Е.Н. Трубецкой, также характеризуя русскую философскую мысль в целом, писал следующее: «И только с высоты горной вершины можно видеть то, что всегда составляло и составляет предмет искания русских философов, — ту новую землю, где правда живет» [13, 153]. Эта мысль Трубецкого о сущности национальной философии совпадает с тем, что он думает о сущности философии как таковой: «Требование, чтобы философия была не только словом, но и делом, вполне справедливо и законно. Общественное сознание вправе ждать от философии, чтобы она не только учила, но и преображала жизнь. Философия и в самом деле должна быть, прежде всего, *действенной* мудростью: важнейшая ее задача состоит в том, чтобы указывать путь к совершенной и истинной жизни. В качестве высшего сознания общества философия должна быть *его совестью*» [13, 144].

Философия как «совесть общества» — таково видение философии Е.Н. Трубецким, которое он находит у В.С. Соловьева в его отождествлении «правды-истины» и «правды-справедливости». Философия, таким образом, является силой, способной пересоздать, преобразовать и преобразить мир. Такова *нравственная* сущность философии, которая в большей степени характеризует отечественную мысль. Эта идея очень распространена. Вот, например, А. Мень считает, что сразу после первого значительного памятника древнерусской книжности, коим является «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона: «русская религиозная мысль выражалась преимущественно в нравственном русле, через блестящие проповеди» [9, 11].

Красноречивое подтверждение этому мы находим в «Словаре Историческом о бывших в России писателях Духовного чина Греко-

российской Церкви» митрополита Евгения (Болховитинова). Эта работа, по словам П.П. Пекарского, есть «краеугольный камень для всех почти исследований по части нашей духовной литературы», в которой отразились ее национальные архетипические особенности. Они сконцентрированы в «жанре поучений» как нравственной основе древнерусской книжности. «Кроме многих поучений, из коих некоторые и напечатаны, он сочинил...» [4, 251] — эта характеристика встречается при описании многих трудов видных русских книжников, которые наиболее значительным образом проявили себя именно в этой сфере. Эти труды можно найти у еп. Гавриила Бужинского, митр. Амвросия Подобедова, арх. Никифора Феотокия, арх. Анастасия Братановского, арх. Симона Лагова, митр. Филофилакта Русанова, еп. Апполоса Байбакова и многих других.

Это, если можно так выразиться, «позитивное» крыло русской этики, нашедшее отражение в духовной традиции. При этом важно понимать, что кроме позитивного, основанного на евангельских максимах жизнестроительства, в традициях русской этики присутствует и другое направление, соответствующее, как сказал В.В. Розанов, «потревоженному духу», которое расходится с православным духом. Он написал о нем следующее: «Православие в высшей степени отвечает гармоничному духу, но в высшей степени не отвечает потревоженному духу» [11, 254].

Мы полагаем, что этот «потревоженный дух» присущ таким представителям русской философской мысли, как Н.В. Гоголь, Н.К. Леонтьев, В.С. Соловьев (при всей несхожести с Леонтьевым), Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой (тоже при всем различии с Достоевским), В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, Л. Шестов, А. Белый, и многим другим. И этот «потревоженный дух» в неменьшей степени выражает самобытность отечественной ментальности, чем дух евангельского благочестия.

В типологии этических учений данное мироощущение в большей мере соответствует тому, что можно назвать «эсхатологической этикой». Это понятие принадлежит Н.А. Бердяеву, который в своей книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» третью главу назвал «О последних вещах. Этика эсхатологическая», дав в ней набросок своего видения этого типа этики. Прежде чем коснуться основных идей эсхатологической этики Н.А. Бердяева, нужно сказать, что она сама является выражением глубинного духа русской философии, в которой скрестились ее наиболее важ-

ные черты, особенности и характеристики. Более того, проблематика эсхатологической этики и возникает в том «потревоженном духе», о котором говорит В.В. Розанов.

Характеризуя современное ему состояние этического дискурса, Н.А. Бердяев пишет: «Обычные философские этики не имеют завершительной эсхатологической части. И если они и трактуют о проблеме бессмертия, то без углубления проблемы самой смерти... Проблема смерти есть не только проблема метафизики, она также есть проблема более углубленной, онтологической этики. Это понимают такие мыслители, как Киркегардт и Гейдеггер» [1, 360]. По сути дела, для Бердяева понятия онтологическая этика и «эсхатологическая этика» являются синонимами, поскольку противостоят той «обычной философской этике», в которой нет углубленного понимания проблемы смерти.

Категорическим императивом звучат следующие слова Бердяева, в которых раскрывается онтологический смысл его философского мировидения: «Этика должна стать эсхатологической. Для этики персоналистический вопрос о смерти и бессмертии является основным, и он присутствует в каждом явлении жизни, в каждом акте жизни» [1, 379]. При этом, что важно, эсхатологические восприятие жизни в свете смерти не есть пассивность и пессимизм, в чем вообще, как правило, упрекают философию в целом, и философию смерти в частности. Бердяев пишет по этому поводу: «Эсхатологическая этика совсем не означает пассивного отказа от творчества и активности. Пассивные апокалиптические настроения принадлежат прошлому, они означают упадочность и бегство от жизни. Наоборот, эсхатологическая этика, основанная на апокалиптическом опыте, требует небывалого напряжения человеческой активности и творчества. Нельзя пассивно, в тоске, ужасе и страхе ждать наступления конца и смерти человеческой личности и мира» [1, 379—380].

С полным основанием можно полагать, что Ф.М. Достоевский, о котором Ф.А. Степун точно сказал, что он «...жаждал не успокоения в прошлом, но беспокойства в будущем» [12, 60], и является наиболее ярким представителем этой традиции эсхатологической этики, совмещающей в себе не просто устремленность в будущее, но беспокойную устремленность в тревожное будущее. И это в точности соответствует тому «небывалому напряжению че-

ловеческой активности и творчества», о котором говорил Н.А. Бердяев.

По сути дела, именно Достоевский стал родоначальником эсхатологической этики, вобрав в себя наиболее глубокие апокалиптические настроения, которые были присущи отечественной духовной ментальности на протяжении веков, но которые не могли в полной мере проявить себя в прошлом. Об этом точно написал В. Иванов в работе «Достоевский и роман-трагедия», назвав последнего «великим зачинателем и предопределителем нашей культурной сложности»: «До него все в русской жизни, в русской мысли было просто. Он сделал сложными нашу душу, нашу веру, наше искусство ... поставил будущему вопросы, которые до него никто не ставил, и нашептал ответы на еще непонятные вопросы. Он как бы переместил планетарную систему: он принес нам откровение личности. ... Достоевский был змий, открывший познание путей отъединенной, самодовлеющей личности и путей личности, полагающей все и вселенское бытие в Боге. Так он сделал нас богами, знающими зло и добро, и оставил нас, свободных, выбирать то или другое, на распутье» [6, 165].

Только сильное эсхатологическое мироощущение могло породить мыслителя такого ранга, как Достоевский, в котором сочеталась не только глубина мысли, но именно предельная тревожность в ее форме выражения. Сама постановка вопроса у Достоевского носила эсхатологический характер. На глубокий эсхатологизм мысли Достоевского указывали многие, начиная с В.С. Соловьева. Современные исследователи (и что примечательно — не только российские!) отмечают эту направленность в исследованиях о Достоевском: «В философской и литературной эссеистике первых десятилетий XX в. постоянной темой становится эсхатологичность миропонимания Достоевского: В.В. Розанов, С.Н. Булгаков, В.И. Иванов, Н.А. Бердяев и др. серьезное внимание уделяют данной проблеме» [3, 391].

В целом русский эсхатологизм известный исследователь отечественной философии А.Г. Гачева разделила на два типа: первый — историософский негативизм и суровый апокалиптизм в духе К.Н. Леонтьева, второй — благая эсхатология, ведущая не к катастрофе, а к преображению. Соответственно, отмечает исследователь, «...внимание к сюжету спасения, теме “Царствия Божия на земле”, проблеме апокатастасиса, к тем образам Откровения Иоанна

Богослова, в которых акцентированы не гибель, но всецелое обновление твари. Отсюда — утверждение в религиозно-философской мысли идеи софийности мира, опора на соловьевский идеал преображения человечества в Богочеловечество и материи — в Богоматерию» [2, 12]. С этой традицией непосредственно связан Достоевский.

Можно сказать, обобщая идеи Гачевой, что русское эсхатологическое мироощущение предстает в двух видах, которые можно обозначить следующим образом: *катастрофический эсхатологизм* и *творческий (или софийный) эсхатологизм*. Если первый, представленный, прежде всего, К.Н. Леонтьевым, отчасти Гоголем и Толстым, утверждает полное поражение человеческой истории, в которой нет никакого смысла, то второй, связанный с Достоевским, Бердяевым и со всей линией русской религиозной философии, стоящей на позициях активного христианства, считает, что и жизнь, и история, несмотря на неизбежный конец, имеют смысл, и этот смысл как раз в преображении конечного и смертного бытия.

В этом контексте особое место в отечественной эсхатологической этике принадлежит оппоненту, если не антиподу Достоевского, глубокому и оригинальному философу консерватизма К.Н. Леонтьеву. Эту ныне очень популярную фигуру менее всего воспринимают как философа, тем более как философа-этика. Исследователь его творчества О.Л. Фетисенко отмечает, что «Чаще всего к Леонтьеву обращаются политики, социологи, культурологи» [14, 14]. При этом, мы полагаем, что у Леонтьева имеются содержательные воззрения именно нравственного характера, делающие его одним из ярчайших представителей русской эсхатологической этики. В этом плане представляет интерес оценка исследователя русской этики В.Н. Назарова, который назвал религиозные воззрения Леонтьева «*этикой трансцендентного эгоизма*», используя словосочетание «трансцендентный эгоизм», который употреблял сам Леонтьев в ответ на «уничижительный отзыв Хомякова о молитвах» [14, 274]. Тем самым, здесь раскрывается достаточно серьезная этическая тема, связанная с религиозными заботами о «спасении души», возникшая в среде русских философов XIX в.

Характеризуя данный тип этики, представленный в большей мере у Леонтьева, В.Н. Назаров отмечает: «...гуманность в понимании Леонтьева не есть любовь к человечеству во имя всеобщего благоденствия и всемирного братства, но акт мистической веры в

загробное спасение *личной души*. Это позволяет охарактеризовать христианский спиритуализм Леонтьева и как *этику трансцендентного эгоизма* [10, 97]. С точки зрения исследователя данный тип этико-религиозных представлений характеризуется как *мистическое оправдание христианства* («этика христианского спиритуализма»), в котором больше мистического, чем собственно этического. Нравственно то, что находит мистическое оправдание, а в мистическом плане наиболее сильным для Леонтьева было ощущение смирения и «страха Божьего» [10, 97].

По сути дела, «этика трансцендентного эгоизма» есть ближайший синоним «эсхатологической этике», но не в точно бердяевском смысле, поскольку у последнего ясно выраженная идея онтологического оптимизма, которая Леонтьеву была принципиально чужда. При этом, общим является рассмотрение смысла человеческого бытия именно с эсхатологической точки зрения, т. е. с точки зрения значимости идеи конца в личной и всеобщей перспективе. Это отличает подход отечественных философов, принимавших всегда всерьез конечные судьбы мира и соотнося с ними жизнь конкретного человека.

С этой точки зрения идея К.Н. Леонтьева представляют собой ценнейший материал по истории русского эсхатологического мироощущения, трансформированного в этическую плоскость. Этическое кредо философа достаточно полно выражено в таких словах: «Верно только *одно, одно*, одно только *несомненно*, — *это то, что все здешнее должно погибнуть!* И поэтому и поэтому, на что эта лихорадочная забота о земном благе грядущих поколений?» [7, 200].

Такая корневая эсхатологическая установка приводит Леонтьева к глубинной антилиберальной установке, которая заставляет смотреть на мир в трагических и одновременно эстетических тонах разочарования и скорби. Отсюда часто такие мысли, которые позволяют воспринимать его как «нищсеанца до Ницше»: «Музыка жизни рождается сменой боли и наслаждения, и все поэтическое выходит или из грязного народа или из изящной аристократической крови» [8, 186].

В этом контексте особое значение имеет полемика Леонтьева с Достоевским, которая отражает противостояние двух полярных направлений русского эсхатологизма (катастрофического и софиологического), за которым просматривается два радикально проти-

воположных этико-религиозных взгляда: «религия страха» и «религия любви».

Несмотря на то, что О.Л. Фетисенко говорит о «глубинном родстве» Достоевского и Леонтьева («Возможно, если несколько отойти от проблематики спора “о всемирной любви”... станет заметнее глубинное родство двух писателей» [14, 280]), в их воззрениях весьма ощутимо именно этическое различие, основанное на противоположном понимании «всемирной любви», ведущее к различным вариантам эсхатологической этики.

Главный упрек Леонтьева в адрес Достоевского по поводу его «Пушкинской речи», в которой речь шла о всемирной любви как высшем христианском призвании русского народа, заключается в том, что Достоевский, с точки зрения Леонтьева, не отличает друг от друга различные типы любви. Сам Леонтьев выделяет два основных типа: *любовь-милосердие* (любовь моральная) и *любовь-восхищение* (любовь эстетическая); или по-другому: *нравственная* (сострадательная) и *эстетическая* (художественная) и дает им обстоятельный анализ. В результате он спрашивает: «Но возможно ли сводить целое культурное историческое призвание великого народа на одно доброе чувство к людям без особых, определенных, в одно и то же время *вещественных* и *мистических*, так сказать, предметов веры, вне и выше этого человечества стоящих, — вот вопрос?» [7, 192].

В ответе на этот вопрос Леонтьев со всей полнотой разворачивает свою аргументацию, которая выглядит весьма убедительной и достоверной: «Космополитизм Православия имеет такой предмет в живой личности распятого Иисуса. Вера в божественность Распятого при Понтийском Пилате Назарянина, Который учил, что на земле все неверно и все неважно, все недолго вечно, а действительность и вековечность настанут после гибели земли и всего живущего на ней: вот та *осязательно-мистическая* точка опоры, на которой вращался и вращается до сих пор исполинский рычаг христианской проповеди. Не полное и повсеместное торжество любви и всеобщей правды на *этой* земле обещают нам Христос и Его Апостолы; а напротив того, нечто вроде кажущейся *неудачи* евангельской проповеди на земном шаре, ибо *близость конца* должна совпасть с последними попытками сделать всех хорошими христианами...» [7, 192—193].

В этих словах делается акцент на недолговечности и, следовательно, несовершенстве всего земного, лишь после гибели которого наступает истинное бытие. Соответственно не бесцветная любовь ко всем людям без различия, в которой нет мистической глубины и смысла, а страх Божий, который основан на эсхатологической мудрости. Леонтьев резюмирует: «Прежде, например, чем полюбить кого-либо из европейских либералов и радикалов, надо *бояться* Церкви».

Начало премудрости (т. е. настоящей веры) есть *страх*, а любовь — только *плод*. Нельзя считать плод корнем, а корень плодом» [7, 194].

В этом корень отличия «религии страха» от «религии любви», которые, несмотря на это, едины на глубинном уровне *национального эсхатологического архетипа*, духом которого также проникнуты все писания Ф.М. Достоевского лишь с другим, нежели у Леонтьева, аксиологическим акцентом. Этот акцент имеет большое значение для определения внутренних позиций этих мыслителей в плане того, как они понимают *смысл спасения* от неизбежной гибели в мире, обреченном на эту гибель. В самой же гибели этого несовершенного мира нет никаких сомнений, и это их на бесконечность отделяет от либеральных толкований смысла истории и человеческой жизни в истории.

Все дальнейшие наиболее значимые построения русской этической мысли будут, так или иначе, разворачиваться в рамках данной эсхатологической парадигмы, имеющей амбивалентный характер в плане выводов из этой парадигмы, но никогда не в плане сомнений в ее достоверности. Стремление к высшему и окончательному, на фоне глубокого разочарования в наличном — конечном и несовершенном бытии, отличительная черта отечественной нравственной философии. Здесь и «супраморализм» Н.Ф. Федорова, и «этика соборного дела» В.С. Соловьева, и «экзистенциальная этика веры» Л. Шестова, и «эсхатологическая этика творчества» Н.А. Бердяева, «этика непротивления» Л.Н. Толстого, «богочеловеческая этика» С.Н. Булгакова, «этика абсолютного добра» Н.О. Лосского, «этика пола» В.В. Розанова, «этический идеализм» М.В. Безобразовой, «христианский реализм» С.Л. Франка, «этика поступка» М.М. Бахтина и др.

Очевидно, что эти построения отличает *абсолютизм*, но мораль и претендует на абсолютность, иначе это релятивные нормы, зависящие от культурно-исторического контекста. В этом смысле

уместно говорить о том, что в традициях русской философской культуры явлена абсолютная мораль, т. е. мораль как таковая в своем чистом, беспримесном, не редуцированном виде. Можно предположить, что моральный абсолютизм русских философов является результатом их эсхатологической устремленности, которая сохраняется и в построениях современных авторов. Вот как, например, определяет мораль известный философ Ю.А. Шрейдер: «...мораль имеет абсолютный, а не культурно-исторический характер. Несмотря на многообразие этических концепций, все они так или иначе направлены на поиск моральных инвариантов. Мораль, отвергающая абсолютизм моральной истины, не выдвигающая абсолютистских требований, не обладала бы действительностью, не могла бы служить ориентиром для человеческих действий» [15, 3].

Таким образом, радикальный этикоцентризм русской мысли, ее моральный абсолютизм, проявленный на всех ее этапах, и практически во всех ее идеологически различных течениях, имеет общее основание. И благочестивая моральная проповедь древнерусских книжников и «потревоженный дух» таких различных мыслителей, как Ф.М. Достоевский и К.Н. Леонтьев имеют общий эсхатологический исток, являющийся типологической чертой отечественной философской культуры.

Литература

1. Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. М.: ООО «АСТ», Харьков: Фолио, 2003. 701 с.
2. Гачева А.Г. Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М.: Индрик, 2016. 712 с.
3. Дуккон А. Эсхатологичность Достоевского в интерпретации Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М.: Индрик, 2016. С. 390—408.
4. Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М.: Русский Двор, 1995. 425 с.
5. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. Ч.1. Л.: ЭГО, 1991. 222 с.
6. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли. Сб. статей. М., 1990. С. 164—193.

7. *Леонтьев К.Н.* Наши новые христиане // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 9. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 165—226.
8. *Леонтьев К.Н.* Афонские письма // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. 8. Кн. 2. С. 185—187.
9. *Мень А.* прот. Русская религиозная философия. М., 2008. 317 с.
10. *Назаров В.Н.* История русской этики. М.: Гардарики, 2006. 319 с.
11. *Розанов В.В.* Уединенное. М., 1990. С. 195—277.
12. *Степун Ф.А.* Встречи. М., 1998. 256 с.
13. *Трубецкой Е.Н.* Возвращение к философии // Половинкин С.М. Князь Е.Н. Трубецкой. Жизненный и творческий путь: Биография. М.: Изд. дом «СИНАКСИС», 2010. С. 141—155.
14. *Фетисенко О.Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб: Издательство «Пушкинский дом», 2012. 784 с.
15. *Шрейдер Ю.А.* Лекции по этике. М.: Мирос, 1994. 136 с.

References

1. *Berdjaev N.A.* Опыт paradoksal'noj jetiki. М.: ООО «AST», Har'kov: Folio, 2003. 701 s.
2. *Gacheva A.G.* Utopija i jeshatologija v kul'ture russkogo modernizma. М.: Indrik, 2016. 712 s.
3. *Dukkon A.* Jeshatologichnost' Dostoevskogo v interpretacii N.A. Berdjaeva i S.N. Bulgakova // Utopija i jeshatologija v kul'ture russkogo modernizma. М.: Indrik, 2016. S. 390—408.
4. *Evgenij (Bolhovitinov), mitr.* Slovar' istoricheskij o byvshih v Rossii pisateljah duhovnogo china Greko-Rossijskoj Cerkvi. М.: Russkij Dvor, 1995. 425 s.
5. *Zen'kovskij V.V.* Istorija russkoj filosofii. Т. I. Ch.'1. L.: JeGO, 1991. 222 s.
6. *Ivanov Vjach.* Dostoevskij i roman-tragedija // O Dostoevskom: Tvorcestvo Dostoevskogo v russkoj mysli. М., 1990. S. 164—193.
7. *Leont'ev K.N.* Nashi novye hristiane // Leont'ev K.N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 12-ti tomah. SPb.: Vladimir Dal', 2005. Т. 9. S. 165—226.

8. *Leont'ev K.N.* Afonskie pis'ma // *Leont'ev K.N.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 12-ti tomah. SPb.: Vladimir Dal', 2005. T. 8. Kn. 2. S. 185—187.
9. *Men' A.* prot. Russkaja religioznaja filosofija. M., 2008. 317 s.
10. *Nazarov V.N.* Istorija russskoj jetiki. M.: Gardariki, 2006. 319 s.
11. *Rozanov V.V.* Uedinennoe. M., 1990. S. 195—277.
12. *Stepun F.A.* Vstrechi. M., 1998. 256 s.
13. *Trubeckoj E.N.* Vozvrashhenie k filosofii // *Polovinkin S.M.* Knjaz' E.N. Trubeckoj. Zhiznennyj i tvorcheskij put': Biografija. M.: Izd. dom «SINAKSIS», 2010. S.141—155.
14. *Fetisenko O.L.* «Geptastilisty»: Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki: (Idei russskogo konservatizma v literaturno-hudozhestvennyh i publicisticheskikh praktikah vtoroj poloviny XIX — pervoj chetverti XX veka). SPb: Izdatel'stvo «Pushkinskij dom», 2012. 784 s.
15. *Shrejder Ju.A.* Lekcii po jetike. M.: Miros, 1994. 136 s.

V

**АКТУАЛЬНЫЙ
МЕНЕДЖМЕНТ**

А.Ю. БУХАРИНА

Использование женской модели управления в персональной и корпоративной практике*

Аннотация. Женское предпринимательство сегодня является драйвером роста макро-, микробизнеса и ВВП страны. При этом женщины-управленцы испытывают серьезнейший стресс, вызванный тем, что они вынужденно используют мужские модели управления как наиболее популяризованные в современном мире. В качестве альтернативы была разработана женская модель управления, основывающаяся на навыках и компетенциях, которые исторически и биологически являются сильными сторонами женщин. Это делает возможным достижение не менее впечатляющих бизнес-результатов без ущерба для женского самосознания и психологического здоровья. В статье также рассматривается практическое применение женской модели управления в частной коучинговой и корпоративной практике по работе с личной эффективностью.

Ключевые слова: женское предпринимательство, женская модель управления, женщина-руководитель, бизнес-леди, женщина-управленец, топ-менеджер, женщина-директор, личная эффективность, сильные стороны женщины-руководителя, женский бизнес, женские тренинги, женское лидерство, управление по гендеру, управление по ценностям, гендерные исследования в России, T&D.

Abstract. Nowadays women's entrepreneurship is a driver for growth of macro — and micro-businesses and the country's GDP. Meanwhile, feminine managers are under a serious stress because they are forced to use male models of management as the most popular in the modern world. Women's Management Model was developed as an alternative method based on the skills and competencies which historically and biologically were women's strengths. It is the thing that helps women achieve impressive results without compromising their identity and

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бухарина А.Ю. Использование женской модели управления в персональной и корпоративной практике // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 241—254.

psychological health. The article also discusses the practical application of the Women's Management Model in the personal and corporate coaching and T&D practice. Moreover, it depicts the match of Model with well-known «Total Person Concept» by P. J. Meier and «7 habits of highly effective people» by S. Covey.

This article should be interesting to a wide range of T&D experts, HR, practicing psychologists and coaches, top managers and business owners.

Keywords: women entrepreneurship, women's management model, woman leader, businesswoman, feminine manager, top manager, feminine director, personal effectiveness, women's strengths, women's business, women's training, women's leadership, and association, management by gender, management by values, gender studies Russia, T&D.

УДК 316.422.42
ББК 88.56

«Развитие женского предпринимательства сегодня является одним из важных мировых трендов и драйвером для роста доли малого и микробизнеса в ВВП экономик» [13], а вопрос об управлении и гендерном влиянии на эффективность реализуемых менеджерских функций стоит как никогда остро. Современный VUCA-мир диктует все новые требования [1], цифровая экономика предъявляет вызовы человекомерности мира и нашей способности интегрироваться в технологическую среду [2].

Особенное давление и стресс испытывают женщины, которые, с одной стороны, вынуждены работать, а с другой — выполнять социальные функции, сопряженные со своим гендером. Кто-то не справляется с эффектом «второй смены», другие сталкиваются с проблемой «стеклянного потолка» [30]. Это общемировой тренд, о чем свидетельствуют работы Х. Ал, В. Ядав, Дж. Унни, Д. Салливан [25; 31; 30], а в России — Е.Б. Филинковой, А.Е. Чириковой [19; 22]. При этом более четверти российских предпринимателей — женщины, и именно они находятся в зоне психологического риска (рис. 1).

ЖЕНЩИНЫ В МАЛОМ БИЗНЕСЕ

Рис. 1. Инфографика женского бизнеса в России (2017) [13]

Существует ряд работ, которые доказывают эффективность андрогинии как фактора адаптации в современном обществе (Н.А. Чуркина, М.А. Ретих, Л.Н. Луцкова, Н.А. Русина) [10; 15; 24]. Однако если для мужчин это означает приобретение феминных качеств, то для женщин — маскулинизация. Причем зачастую это вынужденная реакция на феминизацию партнера, которая и является мощнейшим стрессором. Также большинство зарубежных управленческих теорий (П. Друкера, И. Адизеса, П. Друкера, Д. Уэлча, Херши—Бланшарда, Д. Логана и Д. Кинга и др.) основаны на рефлексии мужского опыта, поэтому их реализация женщиной заставляет ее зачастую против воли вырабатывать и развивать мужские качества. Они же, в свою очередь, вызывают серию внутриличностных конфликтов, которые и приводят современных женщин к психологическим и соматическим расстройствам.

Таким образом, женщинам приходится искать альтернативу для развития и эффективной работы, основанную на феминных принципах, чтобы не разрушать свое внутреннее «я». В корпоративной среде данное движение зародилось еще в 2011 г., а в 2017 г. прошел целый ряд конференций, исследований и публикаций, имеющих общий лейтмотив, который выразился в термине «менеджмент счастья», развитием и внедрением которого всерьез озаботились организации по всему миру [11].

В докладе Национальной академии наук США (2001) сказано, что гендерная принадлежность индивида является одной из важнейших характеристик, что напрямую должно учитываться при планировании и анализе научных исследований. Человеческий эмбрион получает разный исходный набор, на основе которого идет дальнейшее развитие плода. В период между 18-й и 24-й неделей беременности плод «определяется» со своим полом, таким образом, физиологические различия в строении мозга мужчины и женщины, которые будут рассмотрены подробно ниже, закладываются еще в досоциальном периоде. Мозг мужчины и женщины «отличается не только строением различных отделов, но и структурой нейронных цепей и химических соединений, переносящих сообщения от нейрона к нейрону» [3].

В культурно-историческом плане, мужчина и женщина эволюционно развивались как некая общность, дополняя друг друга. Учитывая принцип развития сильных качеств и отсутствия дублирования функций в популяции, те качества, которые слабо развиты у мужчин, — сильно развиты у женщин, и наоборот. Основы данного посыла подкреплены не только на уровне истории, но и прослеживаются в культурных кодах, описывающих миф о двух половинках, двух частях единого целого.

Обобщая вышесказанное, можно сделать два вывода, к которым будем обращаться далее.

1. Мозг у мужчин и женщин работает по-разному. Это уже учитывается спортивными психологами при подготовке спортсменов, в военном деле, программах реабилитации. Это необходимо принять и научиться использовать наиболее эффективным способом.

2. Те качества, которыми от природы наделены женщины (сильные стороны), плохо развиты у мужчин. И наоборот — то, к чему у мужчин есть предрасположенность, у женщин развито слабо или требует значительно больших усилий для развития.

Любой человек достигает с большей вероятностью успеха в том, к чему у него есть предрасположенность, талант. «Мужские» модели управления базируются на рефлексии опыта, пережитого мужчиной (ами). Опираясь на тезис, выдвинутый выше: «что хорошо развито у мужчин — плохо развито у женщин», можно сделать логический вывод: беря за основу мужскую модель, женщина получает инструмент, который базируется на том, что у нее от природы

развито слабо, и после этого тратит годы на то, чтобы развивать свои слабые стороны, вместо того, чтобы опираться на сильные.

Перенимая определенные приемы и вырабатывая навыки, свойственные мужчине, женщина невольно начинает посылать сигнал окружающим о своей маскулинности. Первый, кто считывает этот сигнал — ее партнер. Сначала он отстраняется, а затем начинает открыто конфликтовать. Это приводит к вопросу ребром: «Либо я — либо твой бизнес/карьера». Неважно, каким будет выбор, для женщины он всегда плачевен. Любопытно, что и подчиненные тоже по-своему осуждают подобное поведение: «Женщины, придерживающиеся “мужского” стиля в руководстве, рискуют быть воспринятыми как командирши. Мужчин же, придерживающихся такой же линии поведения, считают просто решительными» [12]. К сожалению, копирование мужского опыта для большинства женщин — это путь в никуда, так как в конце они сталкиваются со своей природой, с семьей и обществом. Силы неравны. Женщина проигрывает.

В качестве альтернативы была выдвинута гипотеза о том, что женщина сможет работать не менее эффективно, если будет развивать те качества, которые являются основой биохимии гормонов ее мозга. В отличие от мужчин, поведение которых контролирует один ведущий гормон (тестостерон) [6], поведение (и настроение) женщин зависит от сочетания семи различных гормонов [4]. Такая система дает, с одной стороны, неустойчивость, но с другой — вариабельность и гибкость. Она же дала женщине природную многозадачность. Вариабельность позволяет женщинам принимать более эффективные решения в условиях неизвестности, искать решение, которое удовлетворит максимальное количество сторон.

По утверждению профессора Т.В. Черниговской, «у женщин больше связей между полушариями. А у мужчин коммуникация идет внутри каждого из полушарий: левое общается с левым, а правое с правым. Эволюционно это понятно: женщины более эффективны в обычной жизни...» [20, 21]. Иначе говоря, женский мозг хорошо функционирует в рамках кросс-функциональных проектов, подключая к анализу задачи то логику, то творческое мышление. Именно это дает возможность выходить за рамки предполагаемой задачи, находить неординарные win-win решения. То же самое подтверждает профессор С. Савельев, уточняя, что у женщин есть резервная система «архивации» данных, позволяющая складировать в

долговременную память гораздо больший объем данных, образов, решений, которые «достаются по случаю» [8].

У женщин гораздо шире радиус периферийного зрения. Этим объясняется феномен «женской интуиции» — женщина действительно получает больше информации, которую перерабатывает ее мозг. Женская интуиция также обязана своим функционированием гормону окситоцину. Он отвечает в организме женщины за материнство, общение, привязанность. Благодаря ему женщина «общается» с ребенком в доречевой период, понимая его потребности. Поэтому женщины намного лучше считывают невербалику, а она, как известно, несет до 70% реальной информации. Соответственно женщины лучше улавливают «двойные послания», когда говорят одно, а жесты, поза, мимика выдают другое. Все это делает женскую интуицию мощным инструментом, которым необходимо научиться пользоваться [26].

Окситоцин дал женщинам уникальную возможность самомотивироваться и эмоционально перезагружаться. Поэтому женщины лучше справляются и меньше выгорают на длинных проектах. Вкупе с развитой лимбической системой — зоной мозга, которая управляет эмоциональным поведением, женщины по умолчанию получили более высокую эмпатию и развитый эмоциональный интеллект (EQ).

Помимо физиологии существует ряд особенностей, которые сформировались у женщин в процессе эволюционного пути и являются следствием их физической слабости. Во-первых, жизнь в коллаборации. Для женщины способ привлечения других дам для реализации бытовых задач так же естественен, как для мужчины тяга к риску и приключениям. Итак, вторая функция, встроенная в женскую сущность — умение создавать работающее сообщество, сеть контактов (networking), что является необходимой компетенцией уже сегодняшнего дня. Это же умение позволяет женщинам эффективно вести бизнес и справляться с задачами, имея меньший объем фактических знаний по предмету, так как женщина всегда может прибегнуть к помощи сообщества, в котором они найдутся. Во-вторых, такой тип жизненного уклада сформировал еще две черты женского управления: командность и восприятие команды как «семьи» и проактивное созидательное поведение. Женщина действительно будет искренне заботиться о своих партнерах и подчиненных, а ключевым драйвером обычно является создание, возвраща-

ние, воспитание (наставничество), в то время как у мужчин основными драйверами являются соперничество и желание демонстрировать свой статус/власть.

Отдельно стоит сказать про стресс и стрессоустойчивость женщин. Благодаря опытам Трейси Шорз (Tracey J. Shors) из Университета Рутгерса очевидно, что женщине для успешной работы не нужны авралы и стресс, которые как раз жизненно необходимы мужчинам. При этом женщины оказались более стрессоустойчивыми на длинной дистанции [9], что и характерно для современного состояния бизнеса и экономики в целом.

Мужчина изначально был рожден, чтобы быть охотником, оставить потомство и умереть молодым. Женщина была «запрограммирована» на обеспечение выживания своих детей (и выживания себя самой), как минимум, на 15 лет. Таким образом, исторически и социально мужчина обеспечивал короткие, но сильные прорывы, а женщина — стратегические проекты. В современном мире все меньше происходит бросков и прорывов, но все больше — стратегических «длинных» проектов, под которые лучше подходят женщины.

Все это находит отражение не только в медицинских и культурологических, но и в прикладных исследованиях, например, А.Е. Чириковой [22; 23], посвященных представлениям предпринимателей о необходимых навыках и умениях для достижения успеха в бизнесе, представленных в табл. 1.

Как видно из данного исследования, женщины во главу угла ставят гибкость и возможность находить win-win решения, уверенность в себе и своей миссии, т. е. управление по ценностям. Эти же мысли развивает в своих работах Е. Филинкова, обращая внимание на общий созидательный настрой женщин-предпринимателей, желание творить и поддерживать свою команду, в то время как мужчины обозначили в качестве критерия успеха возможность навязать свою позицию, умение использовать чужие идеи и способности других людей [18; 19].

Все вышеперечисленное позволяет нам выделить ключевые навыки, или сильные стороны, на которые стоит опираться женщине как управленцу: многозадачность, проактивность, эмпатия, высокий EQ, гибкость, вариабельность, поиск win-win решений, уверенность в себе и своей миссии (опора на ценности), наставничество, Networking и командная работа, интуиция, креативность и генерация идей, ответственность, самомотивация, снижение рисков, ориентация на долгосрочные проекты.

Таблица 1

**Представления предпринимателей о ведущих навыках
и умениях для достижения успеха в бизнесе
(по А.Е. Чириковой, 1999)**

Особенности делового поведения женщин-предпринимателей	Особенности делового поведения мужчин-предпринимателей
Умение идти на компромисс, гибко вести переговоры	Готовность к изменениям, способность к нововведениям
Уверенность в себе и своей миссии	Умение при необходимости навязать свою позицию
Умение действовать в ситуации конфликта и угрозы риска	Умение чувствовать себя свободным и извлекать выгоду в рамках принятых ограничений и правил
Постоянная готовность к изменениям, способность к нововведениям	Умение эффективно использовать навыки и способности других людей
Умение быстро делать выбор	Умение использовать чужие идеи для реализации своих целей
Умение эффективно использовать навыки и способности других людей	Умение действовать в ситуации конфликта и угрозы риска
Здоровый консерватизм. «Трезвое» отношение к новшествам	Умение производить впечатление, налаживать и поддерживать отношения с другими людьми
Умение отстаивать свою позицию	Уверенность в себе и своей миссии
Умение жить сегодняшним днем, здесь и сейчас	Умение отстаивать свою позицию

Источник: [23].

Данные навыки и компетенции образуют *женскую модель управления* (рис. 2), впервые опубликованную на страницах американского издания «Journal of Psychology and Clinical Psychiatry» [27].

Следует отметить, что они практически полностью совпадают с прогнозами Международного экономического форума в Давосе, эксперты которого предложили свое видение ключевых навыков и компетенций 2020 г. [16, 27].

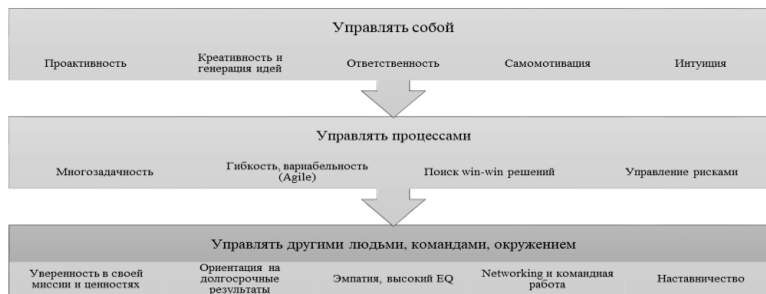

Рис. 2. Женская модель управления (А. Бухарина) [27]

Следующим логическим шагом является развитие компетенций и навыков женской модели управления. Для этого в своей частной практике авторы статьи используют наложение данной модели на методологию Пола Дж. Мейера (Paul J. Meyer), основателя «Leadership Management International» (LMI), которая широко известна как «Колесо баланса», или «Колесо коучинга» (в оригинале «The Wheel of life/ Total person Concept») [29].

Для корпоративного сектора возможно наложение модели на методологию С. Кови и его «7 навыков высокоэффективных людей» [7], чтобы обеспечить преемственность общекорпоративных подходов к лидерству и женской модели управления (рис. 2).

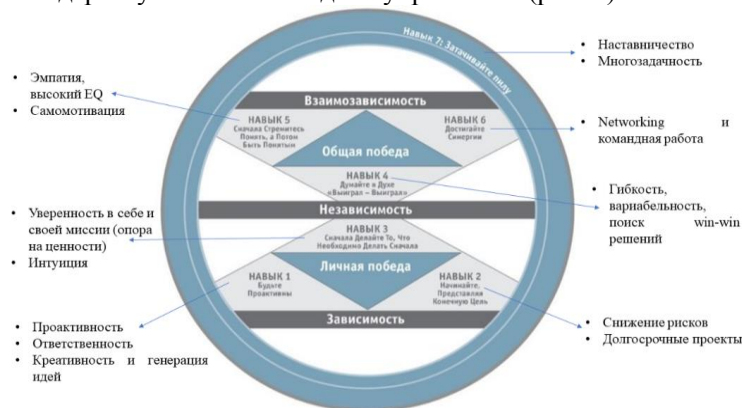

Рис. 2. Методика С. Кови «7 навыков высокоэффективных людей» с распределением навыков Женской модели управления

Резюмируя, следует отметить, что современный VUCA-мир ставит под сомнение догмат «мужских» моделей, требуя альтернативы. Развитие модели управления, основанной на ключевых компетенциях и навыках, являющихся сильной стороной женщин, это актуальный ответ вызову времени.

Литература

1. Беннет Н., Лемуан Д.Д. VUCA: с чем это едят и какая от этого польза? // Harvard Business Review. Россия. 2014. Febr. 28. // URL: <http://hbr-russia.ru/management/operatsionnoe-upravlenie/a13351/> (дата обращения: 12.01.2017).
2. Бутенко В., Полунин К., Котов И., Сычева Е., Степаненко А., Занина Е., Ломп С., Руденко В., Топольская Е. Россия 2025: от кадров к талантам, отчет BCG. URL: http://image-src.bcg.com/Images/Russia-Skills_Outline_v1.8_preview_tcm27-177753.pdf (дата обращения: 15.08.2017).
3. Бутовская М.Л. Эволюция человека и его социальной структуры // Природа. 1998. № 9. С. 87—99.
4. Жуков Д.А. Биологические основы поведения. Гуморальные механизмы. М.: Юридический центр, 2014. 540 с.
5. Иммельман Р. Boss: бесподобный или бесполезный. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2014. 382 с.
6. Калинин С.Ю. Возрастной андрогенный дефицит (клиника, диагностика, лечение). Дис. ... д-ра мед. наук. М., 2006. 199 с.
7. Кови С. Семь навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности. М.: Альпина Паблишер, 2017. 396 с.
8. Кузина С. Мозг врет! Тайны мозга. Знаем мозг — управляем собой. М.: АСТ, 2011. 352 с.
9. Кэхилл Л. Его мозг, ее мозг // В мире науки. 2005. Авг. С. 20—27.
10. Луцкова Л.Н., Русина Н.А. Исследование факторов, влияющих на учебную мотивацию студентов медицинского вуза // Медицинская психология в России. 2012. № 2 (13).
11. Мальцев Э. Менеджмент счастья. // Управление компанией. 2012. № 3. URL: <http://management.web-standart.net /issues/2012/3/1947>.

12. *Медина Д.* Правила мозга. Что стоит знать о мозге вам и вашим детям. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 304 с.
13. Новые возможности для женщин-предпринимателей. URL: <http://opora.ru/projects/zhenskoe-predprinimatelstvo/> (дата обращения: 03.12.2017).
14. *Ратнер Е., Соустина С.* Мужчина и женщина: найди отличие: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wday.ru/seksotnosheniya/psihologiya/muzhchina-izhenschina-naidi-otlichie/> (дата обращения: 16.08.2017).
15. *Ретих М.В.* Андрогинная гендерная идентичность личности в контексте психологической совместимости супругов: [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/6227387/> (дата обращения: 16.08.2017).
16. *Станченко А., Богданов Л.* Прогноз бизнес-компетенции — 2020 от АТД: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrportal.ru/article/prognoz-biznes-kompetencii-2020-ot-atd> (дата обращения: 15.08.2017).
17. *Турецкая Г.В.* Страх успеха: психологическое исследование феномена // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1. С. 37—47.
18. *Филинкова Е.Б.* Психология российского предпринимательства: Учебное пособие. М.: Ректор, 2007. 288 с.
19. *Филинкова Е.Б.* Социально-психологические характеристики предпринимателей с разным уровнем удовлетворенности предпринимательской деятельностью. Дис. ... канд. психол. наук. 2001. 154 с.
20. *Черниговская Т.* Как научить мозг учиться? // Программа «Правила жизни» на телеканале «Культура», выпуск от 21.04.2015. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/57402/episode_id/1189653/ (дата обращения 20. 08. 2017).
21. *Черниговская Т.* Как научить мозг учиться? // Программа «Правила жизни» на телеканале «Культура» выпуск от 08.04.2015. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/57402/episode_id/1186098/ (дата обращения: 20.08.2017).
22. *Чирикова А.Е.* Личностные предпосылки успешности деятельности российских предпринимателей // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 81—92.
23. *Чирикова А.Е.* Психологические особенности личности российского предпринимателя // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1. С. 62—74.

24. Чуркина Н.А. Андрогинная идентичность как способ адаптации человека в современном обществе: [Электронный ресурс]. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2017_5_58.pdf (дата обращения: 03.12.2017).
25. Ahl H. Why research on women entrepreneurs needs new directions // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2006. No. 30. P. 595—621.
26. Bruin. A de, Brush C.G., Welter F. Advancing a framework for coherent research on women's entrepreneurship // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2007. No. 31. P. 323—339.
27. Bukharina A.Y. (2017) Women's Management Model. Strengths and Application Methods // *Journal of Psychology and Clinical Psychiatry*. 2017. No. 8 (3). URL: <http://medcraveonline.com/JPCPY/JPCPY-08-00488.pdf> (дата обращения: 18.12.2017).
28. Hugnes K., Jennings J. *Global Women's Entrepreneurship Research Diverse Settings, Questions and Approaches*. Edward Elgar Publishing Limited, 2012.
29. Meyer P.J. The Total Person Concept. URL: <http://www.lmi-world.com/what-we-do/the-total-person/>.
30. Sullivan D.M., Meek W.R. Gender and entrepreneurship: a review and process model // *Journal of Managerial Psychology*. 2012. No. 27. P. 428—458.
31. Yadav V., Unni J. Women entrepreneurship: research review and future directions // *Journal of Global Entrepreneurship Research*. URL: <https://journal-jger.springeropen.com/articles/10.1186/s40497-016-0055-x> (date of access: 11.09.2017).

References

1. Bennet N., Lemuan D.D. VUCA: s chem ehto edyat i kakaya ot ehtogo pol'za? // *Harvard Business Review*. Rossiya, 28.02.2014 // URL: <http://hbr-russia.ru/management/operatsionnoe-upravlenie/a13351/> (data obrashcheniya: 12.01.2017).
2. Butenko V., Polunin K., Kotov I., Sycheva E., Stepanenko A., Zanina E., Lomp S., Rudenko V., Topol'skaya E. Rossiya 2025: ot kadrov k talantam, otchet BCG. URL: http://image-src.bcg.com/Images/Russia-Skills_Outline_v1.8_preview_tcm27-177753.pdf (data obrashcheniya: 15.08.2017).
3. Butovskaya M.L. Ehvolyuciya cheloveka i ego social'noj struktury // *Priroda*. 1998. № 9. S. 87—99.

4. *Zhukov D.A.* Biologicheskie osnovy povedeniya. Gumoral'nye mekhanizmy. M.: Yuridicheskij centr, 2014. 540 s.
5. *Immel'man R.* Boss: bespodobnyj ili bespoleznyj. M.: Institut kompleksnyh strategicheskikh issledovanij, 2014. 382 s.
6. *Kalinchenko S.Yu.* Vozrastnoj androgennyj deficit (klinika, diagnostika, lechenie) Diss. Doktor med. nauk. M.; 2006. 199 s.
7. *Kovi S.* Sem' navykov vysokoehffektivnyh lyudej. Moshchnye instrumenty razvitiya lichnosti. M.: Al'pina Pabliher, 2017 396 s.
8. *Kuzina S.* Mozg vret! Tajny mozga. Znaem mozg — upravlyаем soboj. M.: AST, 2011. 352 s.
9. *Kehkhill L.* Ego mozg, eyo mozg. // «V mire nauki». 2005. Avgust. S. 20—27.
10. *Luckova L.N., Rusina N.A.* Issledovanie faktorov, vliyayushchih na uchebnuyu motivaciyu studentov medicinskogo vuza. // Medicinskaya psihologiya v Rossii. 2012. № 2 (13).
11. *Mal'cev E.h.* Menedzhment schast'ya // Upravlenie kompaniej. 2012. № 3. URL: <http://management.web-standart.net/issues/2012/3/1947>.
12. *Medina D.* Pravila mozga. CHto stoit znat' o mozge vam i vashim detyam. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2014. 304 c.
13. Novye vozmozhnosti dlya zhenshchin-predprinimatelej. URL: <http://opora.ru/projects/zhenskoe-predprinimatelstvo/> (data obrashcheniya: 03.12.2017).
14. *Ratner E., Soustina S.* Muzhchina i zhenshchina: najdi otlichie. URL: <http://www.wday.ru/seks-otnosheniya/psihologiya/muzhchina-izhenschina-naidi-otlichie/> (data obrashcheniya: 16.08.2017).
15. *Retih M.V.* Androginnaya gendernaya identichnost' lichnosti v kontekste psihologicheskoy sovmestimosti suprugov. URL: <https://studfiles.net/preview/6227387/>.
16. *Stanchenko A., Bogdanov L.* Prognoz biznes-kompetencii — 2020 ot ATD. URL: <http://www.hr-portal.ru/article/prognoz-biznes-kompetencii-2020-ot-atd> (data obrashcheniya: 15.08.2017).
17. *Tureckaya G.V.* Strah uspekha: psihologicheskoe issledovanie fenomena // Psihologicheskij zhurnal. 1998. T. 19. № 1. S. 37—47.
18. *Filinkova E.B.* Psihologiya rossijskogo predprinimatel'stva: Uchebnoe posobie. M.: Rektor, 2007. 288 s.
19. *Filinkova E.B.* Social'no-psihologicheskie karakteristiki predprinimatelej s raznym urovnem udovletvorennosti predprinimatel'skoj deyatel'nost'yu. Diss. kand. psihol. nauk., 2001. 154 s.

20. *Chernigovskaya T.* Kak nauchit' mozg uchit'sya? // Programma «Pravila zhizni» na telekanale «Kul'tura», vypusk ot 21.04.2015. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/57402/episode_id/1189653/ (data obrashcheniya 20. 08. 2017).

21. *Chernigovskaya T.* Kak nauchit' mozg uchit'sya? // Programma «Pravila zhizni» na telekanale «Kul'tura» vypusk ot 08.04.2015. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/57402/episode_id/1186098/ (data obrashcheniya: 20. 08. 2017).

22. *Chirikova A.E.* Lichnostnye predposylki uspehnosti deyatel'nosti rossijskih predprinimatelej // Psihologicheskij zhurnal. 1999. T. 20. № 3. S. 81—92.

23. *Chirikova A.E.* Psihologicheskie osobennosti lichnosti rossijskogo predprinimatel'ya // Psihologicheskij zhurnal. 1998. T. 19. № 1. S. 62—74.

24. *Churkina N.A.* Androginnaya identichnost' kak sposob adaptacii cheloveka v sovremennom obshchestve. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2017_5_58.pdf (data obrashcheniya: 03.12.2017).

А.И. РАЗУМОВСКИЙ

Управление: понимание, объяснение*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы управления в технологии и науке, а также его качества в срезе категорий понимания и объяснения. Обосновывается, что основополагающую роль в управлении играет творческий процесс человека, который в свою очередь непосредственно связан с комфортом объяснения, а через него — с пониманием вещей и идей.

Ключевые слова: управление, понимание, объяснение, творческий процесс, комфорт творчества, убедительность, качество управления, целеустремленность.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Разумовский А.И. Управление: понимание, объяснение // *Философия хозяйства*. 2018. № 1. С. 254—264.

Abstract. The article is subjected to a close examination and possible resolution of the control problem in technology and science, as well as its quality in the context of categories of understanding and explanation. It is found that the fundamental role in management is played by a person's creative process, which in turn is directly related to the comfort of explanation, and through it - to the understanding of things and ideas.

Keywords: management, understanding, explanation, creative process, creativity comfort, persuasiveness, quality of management, purposefulness.

УДК 111

ББК 65в

Настоящая статья задумана как изучение в сегодняшнем времени сущности некоторых аспектов управления, где им пронизана, по меньшей мере, вся технологическая сторона мира, а также соотнесения процессов и проблем управления с фактором личной деятельности, начав с вопросов, связанных с пониманием и объяснением идей и вещей, тем более что понимание и объяснение непосредственно связаны с качеством управления.

Определение управления как науки, так и социально-технического действия — например, менеджмента или воспитания — этимологически восходит к термину «право», содержательная емкость спектра которого простирается от возможности до необходимости, или, иначе говоря, от правления до исправления, координатно охватывая весь горизонт модального спектра. Здесь рассмотрим управление как научную и технологическую деятельность.

Почему в проникновении к существу управления важно остановиться на категориях понимания и объяснения? С одной стороны, понимание процесса, субъекта и объекта управления должно помогать улучшать качество управления, с другой — можно наблюдать то там, то тут, особенно в технологических цепочках, точнее, на некоторых их участках, что понимание глубины предмета будто и не требуется вовсе. Даже более того — порой создается впечатление, что такого понимания следует избегать. Примером тому — разного рода формальные и отвлеченные представления о процедурах управления или, в частном случае, проектирования. В этом отношении удобно сослаться на книгу Г. Буча «Объектно-ориентированный анализ и проектирование» [2], где процесс проек-

тирования проводится в зависимости от формальных предписаний объектно-ориентированного подхода. Здесь процесс проектирования оказывается подчинен требованиям формализации и обобщения, соответственно и результат будет прямо зависеть от соблюдения этих требований и предлагаемых шаблонов решений, но не самостоятельных рассуждений вне заданной формы. Выходит так, что человеку соблюдение внешних формальных предписаний в условной шкале необходимости и важности поставлено выше собственного рассуждения и права выработки самостоятельных оценок и суждений. Иначе говоря, его рассудок искусственно ограничивается, творческие поползновения сдерживаются. Это означает только одно: человек прекращает исполнять свою роль предвозвестника решения, организатора деятельности и аккумулятора ответственности за полученный результат. Человек становится равнозначным элементом технологической цепи, где минимизируются рассуждения и творческая выработка решений. Следовательно, и понимание предмета в этой обстановке также станет определяться заданным шаблоном технологии, не предусматривая властных полномочий в отношении поиска путей управления и реализации решений, что означает фактически утерю его ценностного статуса в этом отношении.

Управление в науке и технологии определяется теорией, а через нее и объяснением, которое в идеальном случае должно приводить к пониманию вещей и действий. Таким образом, управление во многом зависит от объяснения, которое, в свою очередь, связано с пониманием, хотя и не вполне с ним соотносено, по той причине, что объяснение никогда не выявляет до конца исчерпывающе существо предмета. Объяснение интуитивно традиционно рассматривается исследователями как некий фундамент понимания вещей. Это кажется настолько естественным, что при объяснении часто используют усиление «очевидно». Адресатам этого обстоятельства, по видимому, невдомек, что это несколько неосторожное слово не только означает отрицание невидимой стороны предмета с апелляцией к наблюдаемому воочию, оно еще порой и превратно толкует реальность, как это часто происходит в тех случаях, когда только на объяснении воздвигают опоры понимания.

Несмотря на то, что объяснение в сознании человека не вполне согласуется с задачей понимания, тем не менее оно остается своего рода краеугольным камнем в формировании целостной кар-

тины представления. При этом объективное качество объяснения не играет сколь-нибудь значимой роли — важна лишь личная частная удовлетворенность его результатом. Иначе говоря, если объяснение дает приемлемую для индивидуального сознания картину вовлеченности предмета в контекст системы, то этого оказывается достаточно для того, чтобы считать решение проблемы найденным, а понимание достигнутым.

На пути поиска управляющих решений в попытках отыскать объяснения приключаящихся феноменов случаются разные искажения и аберрации представлений, что само по себе препятствует пониманию действительного существа предмета или хотя бы фактуру его окружения, границ, связей. Для понимания сколь-нибудь сложных предметов это оказывается непреодолимой преградой именно из-за того, что объяснение словно обманывает сознание, предпуская ему идеи, так или иначе не соответствующие реальности. В этой неадекватности действительному положению вещей, между прочим, путается множество современных научных теорий, которые формально хотя и объясняют некие феномены, например, проблем экономики и кибернетики (в частности, процессов принятия решения или искусственного интеллекта), по факту же оказываются ничемными для практики. Неадекватность возникает, когда за основу берется некое умозрительное, словно «с потолка», представление, которое содержит в себе индивидуально удовлетворительные объясняющие моменты и мотивы, тем самым побуждающие последующие исследования, при этом сама отправная точка остается ошибочной, потому бесплодными окажутся и результаты.

Поставим теперь задачу выявления сущности понимания в контексте знания и объяснения. Важно предположить, что понимание связано с объяснением посредством возникающего внутри сознания состояния комфортного с ним согласия. Такое состояние внутреннего согласия, несомненно, соответствует возникающему у индивида творческому инсайту. Предположительно, оно базируется на некоем ключевом слове, входящем в состав индивидуального словаря и узнаваемом личностью не только лингвистически, но и акустически, улавливая или придавая вербальному объяснению индивидуально знакомую интонацию. Есть смысл попробовать оформить эту мысль, усиливая значимость интонационного фактора при восприятии объяснения, — если объяснению удастся мгновенно подобрать интонацию вербального представления, тогда оно словно

выливаемая на песок вода немедленно впитывается, усваивается, становясь частью личного знания. Если же, напротив, время подбора интонационного ключа к объяснению увеличивается, то оно с возрастающей во времени вероятностью будет поставлено под сомнение и затем отвергнуто. Итак, в нашем предположении понимание тесно согласуется не только и не столько с лично близкой, узнаваемой терминологией и стилем выражения, включающем определенные ключевые тонально узнаваемые слова, понимание обязано также непосредственно апеллировать в индивидуально выдержанном духе к интонационному сопровождению. Таким образом, для позитивной результативности объяснения необходимо присутствие в сознании индивида соответствующего ему интонационного и языкового ареала, где существует и пульсирует собственная мысль человека. Причем, и важно еще раз это подчеркнуть, приятие или неприятие объяснения находится вне зависимости от его объективной правоты.

Исходя из гипотетически всеобщей связности вещей в мире, в плане повышения качества управления, поставим цель приемлемо соотносить понимание и объяснение. Отметим, прежде всего, что как бы ни устремлялась технологическая мощь возобладать над пониманием вещей, заставив человека действовать словно робот, с минимумом активности его творческого «Я», в конечном счете, это приведет процессы управления к катастрофе, поскольку любая, даже незначительная, ошибка вне творчества окажется фатально неисправимой. Вообразим на минуту, что произошла технологическая авария. Что отыщет расследующая ее комиссия? Не склонится ли она к одной наиболее из возможных версий — пресловутому человеческому фактору?! А ведь, не отрицая, может быть, действительно негативной роли человека в аварии, истинная, глубинная причина не в нем, а в той традиции, которая сложилась в отношении человека как максимально творчески пассивного звена технологической цепи. В такой цепи взаимодействующих элементов творчеству найдется мало места, здесь сущность вещей вообще имеет не много смысла, а понимание касается лишь элементов технологического соседства и порядка.

Памятуя о том, что человеку свойственно заблуждаться, важно отдавать себе отчет, что проявляющуюся ошибку, которая сопутствует любой человеческой деятельности, не следует во что бы то ни стало стремиться уничтожить, расставляя для ее обнаружения

различные ловушки и препоны. Притом что творческая активность человека в этой сети преград с каждым новым технологическим капканом будет все сильнее и сильнее убывать. Напротив, учитывая неизбежность и внезапность возникновения ошибки, важно, блокировав отрицательные последствия, постараться эту «ошибку» позитивно использовать. Кроме того, бывают случаи неверной интерпретации ошибки. Наконец, ошибка может быть локальной, относимой к одним обстоятельствам, в то время как в других условиях она окажется вовсе не ошибкой, а нормой.

Все этой неразберихи можно избежать, если оставить за человеком право вырабатывать и принимать решения, т. е. возможность использовать всю свою творческую мощь. Прежде всего, это необходимо для понимания деталей и нюансов процесса управления.

На самом деле, понимание предмета может стать ключом к объяснению феномена, но часто бывает и наоборот, особенно в повседневности. Дело в том, что, когда говорят о процессах понимания и объяснения при соотнесении с реальностью неких неявных вещей, обычно имеют в виду логику объяснения, а по сути рациональную проекцию действительности в наше сознание. В реальности же, поскольку многое совсем неясно, как происходит, не ощущается реальная природа вещей, то никак нельзя утверждать что-то фундаментально в конструктивном смысле. Однако вряд ли возможно остановить внутренние перманентные устремления разума найти и установить истину. Поэтому, особенно в быту, т. е. в случае снижения личной ответственности за результат перед самим собой, и возникают комфортные, но ошибочные убеждения.

Интересно заметить, что убеждения — своего рода эластичная оболочка объяснений, их обволакивающая и словно стремящаяся скрыть едва-едва ощутимую ущербность объяснений. Кроме того, убеждения препятствуют проявлению критической трансцендентальной рефлексии, о которой писал И. Кант, правда, немногие и желают мыслить априори, в соответствии с его установкой.

Мы подошли вплотную к тому, чтобы свести воедино понимание и комфортное объяснение в оболочке убеждения к творчеству.

Во всех случаях в процессах понимания и объяснения участвует творческий процесс человека, а это феномен не вполне ясный, притом что существует целое направление в психологической науке

— психология творчества, — где сложилась школа Я.А. Пономарева [3] в России и Д. Гилфорда [5] за рубежом. И хотя времени изучения творчества прошло уже более 100 лет, ввиду принципиальной невозможности рациональной верификации психологических теорий нельзя говорить о сколь-нибудь серьезных успехах познания этого феномена, что б уж прямо можно было бы заявлять: «так оно и есть». Согласно представлениям психологии творчества, мышление (и возможно, вообще вся деятельность человека) имеет двухполюсную основу — интеллектуальную и творческую: интеллектуальность связана с логикой мышления и поведения, а творчество соотносится с интуицией.

Кстати будет заметить, что индивидуально-комфортные убеждения как раз имеют внелогическую значимость. Значимость решения определяется интуитивно-творчески, что согласуется с инкубацией и инсайтом — вторым и третьим этапами творчества по Г. Уэллсу [6]. Когда идея вынашивается, а затем наступает так называемый инсайт, озарение-момент, тогда новое знание оказывается в своего рода «бильярдной лузе» индивидуального сознания — в этот миг новое знание словно занимает определенную ячейку в собственной таблице знаний и идей индивида. Хотя прежде всего свою ячейку займет убеждение в правоте приходящих знаний.

Не надо также забывать, что любое из средств достижения цели — в данном случае объяснение — это процесс в значительной мере иррациональный. Он соотносится с внутренними потребностями и склонностями психики человека, опытом, знаниями и потребностями собственного творческого «Я». Здесь станет очень уместна ассоциация с принципом удобства, указанным великим А. Пуанкаре: «никакая геометрия не может быть более истинна, чем другая; та или иная геометрия может быть только более удобной» [4]. Он выставляет удобству пользования средством более высокий приоритет перед его истинностью. Это утверждение Пуанкаре в научной деятельности совершенно запомнили либо перестали придавать ему должную важность, заставляя человека действовать зачастую как раз неудобно и противно его творческим порывам, зато по лекалам формальности и моделирования.

Несмотря на свою иррациональность, объяснение востребовано именно в рациональном поле наблюдаемых или ощущаемых идей. Так, процесс объяснения чрезвычайно важен в плане формирования доказательного фундамента теории, лежащей в основе тех-

нологического управления. По существу, доказательность теории и состоит из иерархически упорядоченного набора объяснений фактов и идей.

В рациональном поле представления вещей и идей, связанных с доказуемостью теории, очень часто говорят о необходимости сочленения определенных фактов в единую связанную структуру, каждый элемент которой связан с прочим, а порой и с несколькими сразу. Таким образом, модель знания соответствует системе элементов, связанных между собой неким определенным образом. Доказуемость в этой модели — это получение нового знания, содержащего в себе частично или полностью элементы, толерантные находящимся в системе индивидуального знания. Когда поданный извне элемент находит в системе личного знания подобие, тогда внутри сознания личности возникает состояние комфорта, согласия с новым знанием, и его статус обретает знак доказанности в системе знаний индивида. Если внешний элемент имеет комплексное содержание, то остальная часть структуры нового знания соединяется с системой индивидуального знания примерно подобно присоединению иона к молекуле в процессе химической реакции, а местом такого присоединения становится тот внешний элемент, в отношении которого посредством согласия произошло усвоение в систему индивидуального знания.

Со стороны рационального подхода доказуемость непосредственно связывают с объяснением, с чем никак нельзя согласиться по причине того, что само объяснение нового знания не добавляет, за исключением гипотетического, и соответственно не может служить фактом верификации действительности такого знания. В лучшем случае это будет некое «ошибочное знание», встраивающееся в систему знаний человека, чтобы затем человек стал этим ошибочным знанием оперировать, что, между тем, совсем не редкость, но обыденность.

Улучшение качества управления посредством достижения комфорта знания определяется не только мощностью множества элементов контекста предметов и целей управления, при этом главным остается понимание структуры управляемого материала, т. е. взаимодействия между собой каждого его элемента.

Здесь мы оказываемся в условиях парадигмы целеустремленного подхода [1], где каждый элемент реальности имеет ненулевую целевую емкость, иначе говоря, имеет свою причину, свое предна-

значение в плане определенной задачи действия, даже если он номинально и находится в пространственном или временном покое. Уместно привести здесь цитату из книги Р. Акоффа [1] со ссылкой на Т.А. Коуэна, где как раз говорится о значимости индивидуальности как основе выбора и поиска решения: «интуиция должна играть более важную роль даже в простых и явно тривиальных решениях, чем это допускают рациональные ограничения современных процедур принятия решений поскольку, как мне кажется, всякое истинное решение в отличие от логического вывода включает элемент индивидуального выбора».

Поэтому положительное изменение управляющих воздействий на предмет и его контекст возможно только в рамках понимания самого предмета в плане личной творческой целеустремленности: из чего он состоит, для чего используется, откуда он появился, как он проявляется и т. п. Понимание, как обнаружилось, тесно связано с творческим процессом, инкубацией (раздумий) и достижением инсайта. Это тот момент, когда наполненный информационными элементами контекст предмета оказывается вдруг ясно представим, хотя бы на уровне двух-трех-нескольких связей между элементами контекста. Тогда можно говорить о предназначении предмета через контекст, а также о возможности его изменения, т. е. управлении.

Каждый отдельный элемент контекста предмета не представляет какого-либо интереса и может не иметь никакого смысла. Смысл, по-видимому, проявляется при обнажении связей от одного элемента к другому в рамках заданного или предполагаемого контекста — т. е. неких ограничений, внутри которых делается попытка отыскать ответ и заставить результативно функционировать систему. Нахождение аргументов, подтверждающих необходимые стратегические действия в плане достижения цели, ведет в традиционном представлении к убедительности в отношении необходимых действий над предполагаемым или изучаемым предметом и его контекстом, но сама убедительность с точки зрения доказанной ценности предмета, не играет никакой роли, ибо никак не связана с реальностью. А значит, по убедительности нельзя судить о том, действительно ли предмет таков, какой он есть. В конечном счете, и убедительность в научных доказательствах не позволяет использовать теории как базис и гнозис управления, хотя, между тем, они прекрасно применяются (со всеми их принципиальными ошибками и немощами) — что ж, такова сила сложившейся научной традиции.

Вместо заключения, составим несколько тезисов.

- Объяснение всегда желаемо, но не выявляет существа.
- Объяснение вынуждено быть рациональным, тем самым при этом скрывая непостижимую подоплеку предмета.
- На сегодня в условиях равнозначного участия человека в технологической цепи глубины понимания не требуется, достаточно действовать в рамках технологических требований.
- Забывая о главном жизнедеятельном двигателе человека — творчестве, создают условия неминуемому технологическому ущербу и катастрофе.
- Истинной причиной технологических катастроф является вовсе не пресловутый человеческий фактор, а традиция включения нетворческого человека как равнозначного элемента в технологический процесс.
- Положительное изменение управляющих воздействий на предмет возможно только в рамках понимания самого предмета в плане личной творческой целеустремленности.

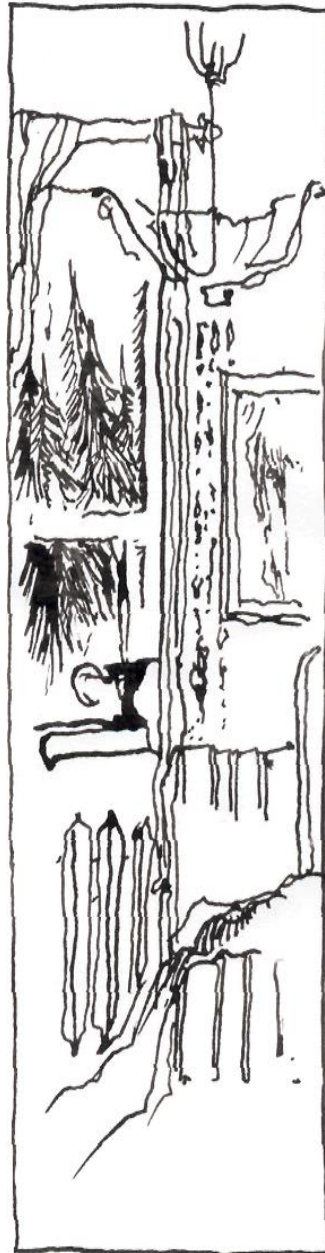
Литература

1. *Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М.: ЛКИ, 2008. 272 с.
2. *Буч Г.* Объектно-ориентированный анализ и проектирование с примерами приложений на C++. М.: Бином, 2001. 560 с.
3. *Пономарев Я.А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976. 304 с.
4. *Пуанкаре А.* О науке. М., 1983. 560 с.
5. *Guilford J. P.* Creativity. American psychology. N. Y., 1950.
6. *Wallas G.* The Art of Thought. N. Y: Harcourt, Brace, and Company, 1926.

References

1. *Akoff R., Emeri F.* O tselestremlyennykh sistemakh. M.: LKI, 2008. 272 p.
2. *Buch G.* Ob`yektno-orientirovanny analiz i proyektirovaniye s primerami prilozheniy na C++, M.: Binom, 2001, 560 p.
3. *Ponomarev Ya.A.* Psikhologiya tvorchestva. M.: Nauka, 1976, 304 p.
4. *Puankare A.* O nauke. M., 1983 560 p.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

**Биение мысли в вопросах и ответах:
к Ю.М. Осипову и от Ю.М. Осипова**

Вопросы*

Первое — София. Фоносемантика слова «София»: «ф» — символ, знамя, а «с» — энергия. Отсюда следует вопрос: «Можно ли это представлять таким образом, что в работах Ю.М. Осипова рассматривается проблема Нечто и Ничто?». София рассматривается как мудрость, которая является свойством Творца при создании тварного мира? Или София рассматривается как величайшее таинство периода небытия самого Творца? То есть Творец рассматривается в представлениях вечности-бесконечности? Или Творец рассматривается в цикле Бытия / Небытия, и София описывает систему причинно-следственных связей, как из Небытия возрождается Творец, предрасположенный к «впитыванию» в себя опыта предыдущего цикла Бытия?

Далее — человек как следствие акта творения.

Безусловно, трудно спорить о том, что человеческий мозг является самым совершенным инструментом познания бытия. Но, если говорить языком православия, то человек смертен, страстен и тленен. Мы созидаемся и разрушаемся одновременно. Душа условно вечна (*Почему условно? Потому что, если предположить, что Творец условно вечен, то и душа, как его частица, тоже*).

Но тело человека совершенно не является образцом наличия высших адаптационных возможностей (а значит, и комфорта) по отношению к условиям жизни на Земле. Так, человеческое тело нормально функционирует, если в нем поддерживается температура 36,6° С. Это значит, что на основной части Земли зимой мы не можем естественным способом адаптироваться под условия окружающей среды (разница между температурой окружающего воздуха и комфортной для человека температурой составляет около 50°С). Летом эта разница температур еще не так критична, и человеку достаточно комфортно. И существует какой-то диапазон температур, в котором человек находится в состоянии относительного комфорта (не сильно холодно, но и не тепло). Кроме того, температура днем и

* Получены редакцией журнала «Философия хозяйства» в октябре 2017 г.

ночью отличается. Если днем поддерживается комфортная для человека температура 24°C, то это не значит, что так будет и ночью. И так далее. То есть человек сотворен таким образом, что он вынужден совершать какие-то действия, прилагать усилия, чтобы решить задачу обеспечения комфортной температуры для поддержания своей жизни. Тот вопрос, который есть, — такая высокая уязвимость (то есть низкая адаптивность) человеческого тела к условиям жизни на Земле — это следствие несовершенства реализованной Творцом модели или же это следствие проявления мудрости Творца?

Следующее — человеку для того, чтобы жить, нужно питание. Мы едим то, что мы едим. Нам для жизни нужна вода, микроэлементы, белки, жиры, углеводы и т.д. При этом, если считать, что человек производит за жизнь около 17 тонн клеток, то получается, что человек весом 100 кг за свою жизнь себя строит заново 170 раз. То есть для поддержания жизни человеку нужно непрерывно и достаточно питаться. И не раз в месяц, и не раз в неделю, а три раза в день. Вряд ли такую потребность человеческого вида в питании можно охарактеризовать, как высокую адаптивность к среде обитания. Далее, если рассматривать роль материального в жизни человека, то построение себе пещеры, жилья и т.д. может быть как функциональным, так и эстетическим (характеризующим статус человека); питание человека тоже может быть функциональным (то есть правильным, здоровым), а может быть еще и вкусным. И так далее. Тот вопрос, который интересен, — рассматриваются ли описанные аспекты свойств человека в том научном направлении, которое называется философией хозяйства, или нет?

Безусловно, на поверхности лежит мысль, что такая уязвимость человека по отношению к внешней среде является мотивирующей для того, чтобы он вступал в активное взаимодействие как с материальным миром, так и с себе подобными, и с растительным и животным миром. Хотелось бы понять, в философии хозяйства рассматривается, что целью данной активности является обретение человеком безопасности, комфорта и продолжение рода, или же предполагается, что данная активность нужна для души человека?

А если мы говорим о наличии души человека, то так или иначе это уже формирует представление о человеке, как о частично рожденном, а частично сотворенном. Можно ли в этом плане рас-

сма­тривать цели и природу души человека, как прямую или опосредованную часть «тела» самого Творца?

Если душу человека рассма­тривать именно таким образом (то есть в логике условно бессмертной души человека), то этот акт творения / рождения человека — он является актом благодати / «развлекухи» Творца (то есть он «от избытка своих щедрот» творит?). Или это реализованная целесообразность? А если это реализованная целесообразность, то в рамках философии хозяйства какая же рассма­тривается цель существования человека и человечества?

Данный вопрос задается, потому что от ответа на него зависят ценностные установки человека, как личности, и критерии качества социальной структуры. Если целью существования человечества является достижение комфорта (то есть максимальная адаптация к среде обитания), значит людям надо и стремиться к комфорту и адаптации, и тогда они будут жить в соответствии с принятыми «вышестоящими решениями». А если у Творца были какие-то другие решения относительно цели существования человека и человечества, то тогда людям надо и готовиться к чему-то другому, и перестать надеяться в жизни только «согреть задницу», а начать стремиться к чему-то более сложному и менее комфортному.

А как понимается Святой Дух? В чем суть этого понятия? Потому что, возможно, в системе определений Святого Духа заложен механизм взаимодействия и удовлетворения потребностей Творца. И тогда может случиться так, что все наши телесные «несовершенства» (низкая адаптивность к среде обитания) являются частью модели, в рамках которой человек, осознавая или не осознавая это, реализует замысел Творца.

Ответы Ю.М. Осипова

Вопросы, поставленные передо мной, относятся к разряду «безответных», в том смысле, что на них можно отвечать и так, и эдак — «Да» и «Нет», — и все будет при таких ответах одновременно правильно и неправильно, хотя и есть один выход («диалектический»): признать за единый ответ сразу вместе «Да» и «Нет» (или то и другое), то бишь Нечто и Ничто, ибо Нечто есть по сути и Ничто, а Ничто содержит в себе непроявленное Нечто.

Это никакая не уловка: так оно вокруг и есть, — только надо *это* осознать, принять и всегда предполагать при «безответных от-

ветах», — ничего другого более высокого и «точного» человеку попросту не дано.

Все знание человеческое исходит из Незнания, Неизвестности, Небытия — прямо Ниоткуда, а потому высшее знание, свойственное мудрецам, это «знание незнания» — при его непрременном единении с «незнанием знания».

Диалектика: *это* — не *это*, а *то*, но не *то*, которое *то*, а *то*, которое... *это*!

Абракадабра, но что поделать, ибо абракадаброй является сама реальность, которая вполне себе и ирреальность, но при этом не нереальность, а все-таки реальность.

Теперь ответы на вопросы.

1. София — смысловая эманация Бога, однако действующая и как субъект, но в пределах замысла Божиего о Бытии и в русле воли Божией.

Хотя София и предвечна, но она и в мире — как первозамысел и как первоисточник первосмыслов. София и в человеке, его сознании, но настолько, насколько это позволяют замысел и воля Божии.

София не самовластна!

Человек, имея свободу и волю, мыслит и действует софийно, но при этом и антисофийно, что вполне допускается Богом и Софией.

Суть земно-человеческого эксперимента в сочетании имманентной софийности и имманентной же антисофийности, что не так уж и просто различимо.

Без антисофийности человек Богу и Софии не нужен: софийность всегда, в *пред-*положении, а антисофийность — в самом уже *положении* (или в реальности, в действии).

Зачем обращение к Софии помимо софийности тварной? Чтобы выйти за пределы тварности через привлечение софийного (божественного) ничто. В итоге выход и за пределы самого человека, однако не физический, а метафизический.

Софиасофия — обогащенная незнанием рефлексия-переживание, позволяющая быть откровенческим прозрением, а в высшем случае — сакральному пророчеству.

2. «Между» мозгом и душой — сознание! *Со-*знание! *Со-*знание! Ни мозг, ни душа ничего не знают, хотя без них в человеке тварном и божественном нет никакого знания, отвечающего за со-

знание. Проблема тут более всего в сознании, его вечности или же временности — как раз атрибута непосредственно софийного. Сознание — София в человеке и при этом же она — человеческая софия! Обращение софии человеческой к Софии Божественной — обращение к вечности, к Ничто, разумеется, во времени и в бытии, а вот потом... кто ж из смертных знает?

3. Замысел Божий о человеке не сводится ни к комфорту, ни к природному совершенству, наоборот, тут что-то иное — неприродное и несовершенное, а отсюда и наш выход на софиасофию, но не для окончательного ответа, которого не может быть, а для приемлемых для человека некомфортных и несовершенных текущих разрешений, пожалуй что, и спасительных — в бытийно-историческом временном течении.

4. Философия хозяйства не отвергает ни комфорта, ни дискомфорта, но исходит из фундаментальной неприродности человека (сознание!), его противоположения природе (дисконфорт!), но также и его стремления к неприроде (творчество!) вплоть до «вон отсюда!», туда, откуда человек и пришел, к Отцу, если, конечно, примет.

5. Неприродно-антиприродная активность человека либо прямо в замысле Божиим, либо не входит в сей замысел, а является продуктом человеческого произволения, вынужденно признаваемым Господом Творцом. Отсюда и потребность в размыслительно-переживательной софиасофии, которая не учение вовсе о Софии, а с Софией посильное и очень аккуратное взаимодействие.

6. Душа — это *vita* (жизнь), а сознание — это *homo* (смыслознание). То и другое божественно, но *vita* кругом, хотя бы на Земле, а *homo* со своим сознанием — один, даже и на Земле, пожалуй что, как и сам Бог (в беспределье).

7. Замысел Господа Бога о человеке самому человеку не известен, хотя и вроде бы «по подобию» (не *vita* и не *natura*, а именно через... сознание!). О сознании Бога говорить, наверное, можно и нужно, как и о сознании человека, однако... тут две большие разницы — первосознание и второсознание, откуда и наше обращение к Софии — авось поможет (в пределах нашего незнания). Одно ясно: в замысле Господа не райский вовсе комфорт, а знание и творчество, сопряженные со свободой и волей, ну и с великим страданием тоже. Никакого Царства Божиего на Земле! Разве лишь масонский

Храм всеобщего социалистического счастья. У Софии, кстати, тоже ведь свой Храм, но... никак уж к масонскому не сводящийся.

8. Святой Дух для человека — божественное «погоняло», вселенное в человека, его душу, подсознание, сознание, сверхсознание, его — человека — трансцендентальная, при этом и антиэнтропийная, энергия. Почему нет? Как же тогда сознание ухитряется противостоять той же энтропии, в том числе и не физической? Дух — метафизическая энергия, а София тут ближе по своей роли к аттрактору — метафизической смысловой программе. Человек ведь — проект Божий! И не механико-физический, даже и не органико-природный, а... метафизический, отчего и все страсти вокруг человека, изумляющего не одного его верного дружка — дьявола, но и самого Господа Бога!

А.А. КОЗЛАЧКОВ

Мир Иной как планетарный субъект права*

Аннотация. В статье рассматривается концепт «мира Иного» как нереализованное бытие, становление которого было прервано катастрофой-грехопадением. Изучаются методы проникновения знания об Ином в общество, трансформация этого знания в идеи справедливости, права и закона. Делается вывод о формировании в рамках взаимодействия между Софией, человеком и материей нового типа субъектности — планетарного субъекта, формулируются принципы права, присущие этому субъекту — планетарного права.

Ключевые слова: мир Иной, справедливость, право, закон, планетарный субъект, планетарное право.

Abstract. The article discusses the concept of the «Other world» as an unrealized being, the formation of which was interrupted by the Fall. The article highlights the penetration of knowledge about the Other to human society, the transformation of that knowledge into ideas of jus-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Козлачков А.А. Мир Иной как планетарный субъект права // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 272—284.

tice, law and legislation. The author draws a conclusion about the formation of a new type of subjectness — the planetary subject in the framework of cooperation between Sofia, man and matter, formulates the principles of law peculiar to this subject — planetary law.

Keywords: other world, justice, law, legislation, planetary subject, planetary.

УДК 34.01
ББК 67.0

1. Введение. Сегодня философия все чаще и весомей говорит о мире Ином — некоей онтологической криптореалии, выразительную идею которой нам подарил русский фольклор. О нем размышляют и говорят [8, 11], его оправдывают [10, 250], от разворота к нему предостерегают [6, 27]. Но как бы ни были к нему настроены ученые, мыслят они его примерно одинаково, как нечто «другое» по отношению к «этому» настоящему и актуальному миру. Мир Иной, получается, есть отчасти фантазия метафизически народа, а отчасти соблазнительная греза потерявших связь с реальностью философов, в любом случае что-то очень туманное и неопределенное. Между тем, мир Иной имеет вполне конкретную онтологическую прописку, а также ясные исторические и социальные характеристики, вполне видимые и фиксируемые изнутри мира «этого», о чем и пойдет речь ниже.

2. Онтология мира Иного. Каков самый интригующий вопрос, вытекающий из библейского мифа о грехопадении и при любом упоминании о его персонажах — Адаме, Еве, змее, иглой расковыривающей неутоленное любопытство. Сформулировать его можно так: а как выглядело бы бытие, не случись грехопадения? Как пошло бы дальше и чем завершилось бы это «плодитесь и размножайтесь»?

Как раз это и неизвестно, несостоявшийся мир оказался «не-развернутым бытием», оставшимся как проект в предвечном замысле, которое не состоялось в творении, и как живая реалья, не уничтоженная, а сокрытая в сакральном мире. Проект Иного мира (бытия и истории), остался существующим и в божественном замысле (в Софии), и в особом бытии, которое во всей полноте известно только ему. Другими словами, Иное Царство русских народных сказок — это единство замысла и мира, где тварь самоопределилась к

любви, а не к греху, и он, этот замысел, наличествует и как идея, смысл, и как практическая цель (энтелехия). Этот несостоявшийся замысел и бытие Булгаков видел так, что мир до-человеческий был рассчитан на творческое воздействие человека, который должен был возвести его к заложенному в нем совершенству и полноте [1, 161]. Эта полнота сакрального совершенства из нашего мира видится как Великое Неизвестное, или Великая Альтернатива. Неизвестное потому, что-человек-то не знает этого бытия, но тщится в него проникнуть, а альтернатива потому, что мог осуществиться именно этот вариант мира, но произволом твари и лукавством остался сокрытым, нереализованным.

3. *Как человек узнает о мире Ином.* С одной стороны, мы ничего не знаем о мире Ином, кроме того, что он где-то там есть, с другой же стороны, мы все-таки осведомлены о том, что он справедлив, в нем отсутствуют ложь, подлость и скверна. Следовательно, его смыслы как-то транслируются в наш мир, худо-бедно отводя для себя плацдарм справедливости. Механизм этот открыл Дж. Вико в виде особой формы сознания, которую он назвал «здравый смысл». Предназначена она как раз для этой цели — воспринимать высшие истины как нечто непосредственно данное [2, 76]. Чтобы человек мог стремиться к иному, оно должно быть им опознано как безусловная ценность, без всякой рефлексии, с той же самоочевидностью, как он принимает свое «Я». «Здравый смысл» и есть фиксация в сознании человека «неизвестно откуда» появляющихся знаний, способных служить матрицей для оценки конкретных человеческих дел и ситуаций¹.

Высшие истины, воспринимаемые здравым смыслом, налагаются на несовершенную реальность, осязаемую человеком, и из этого сравнения возникают способы перестройки падшего мира. Направление движения к миру Иному фиксируется в виде образов национальной мифологии (сказок, былин, преданий). Поэтому проstonародное сознание является одновременно и каналом для получения знания о мире Ином, и трансформатором, перерабатывающим идеальные истины в реальные оценки человеческих дел. Идеальная основа мира не просто владеет проектом мира Иного, она еще и

¹Нечто подобное А. Лосев обозначил термином «непосредственная данность сознания» [7, 67].

«работает» в мире дольнем, тихо, но непрестанно, используя для этого специальный канал связи.

4. *Зачем транслируется знание об Ином?* Не избежать тут вопроса: а зачем иные представления вливаются в наш мир? Человек не может быть «заказчиком» трансляции, он в этих отношениях является лицом страдательным и довольно ветреным, то принимает высшие истины, то отворачивается от них. Здесь можно предположить только одно: для Софии важно, чтобы тварь постоянно помнила и знала о наличии другой дороги, помимо той, на которую после грехопадения она встала. В этом случае сюжет с грехопадением получает шанс стать завершенным, поскольку, если, человек развалил божественный мир, то ему нужно предоставить возможность собрать его обратно. *Мир Иной должен иметь возможность осуществиться и после грехопадения*, в противном случае зачем бы София рассказала Иванушке-дурачку сказку об Ином мире...

5. *Связь Иного и справедливости.* София посылает представления о нереализованном бытии человеку, и тот опознает картины «того» мира как общественный идеал, к которому нужно стремиться. Это состояние коллективного сознания, при котором «неизвестно откуда» берущиеся видения становятся для человека «должным» состоянием общества и истории, обязательными для осуществления, принято называть «справедливостью». В этом смысле, справедливость есть «зов Софии», распознанный и усвоенный человеком. Понятие справедливости фиксирует в сознании недостаток истинного бытия и является онтологическим движителем, который раскручивает социальную динамику в сторону поиска и достижения социального идеала. Справедливость оказывается кусочком мира «того» в мире «этом».

6. *Историческое явление справедливости.* В VIII в. до н. э. на территории Италии (Лация) справедливость удачным маневром прорвалась в сознание плебеев. Все, кто по разным причинам выпал из общества домовладык — изгнанники из родов, беглые рабы, должники, преступники — потребовали справедливого переустройства общества. Так возник великий Рим в виде нового социального института — государства как особой онтологической формы, способной вмещать справедливость. Архаическое сознание твердо исходило из того, что все прекрасное и справедливое внушается человеку непосредственно богами. Поэтому в понятии «юстиция» (just) оно закрепило представление о пребывании в мире справедливости

как воле богов, поскольку именно таков древнейший смысл этого слова [5, 179]. Тогда, же внутри государства был создан специальный орган для каждодневной работы с божественной справедливостью — народное собрание. Его первая историческая функция — оценивать концентрацию справедливости в законах, которые принимаются аристократическим сенатом Рима. Впрочем, одно дело принять справедливый закон, совсем другое — заставить его работать, когда аристократы стремятся этого не допустить. Чтобы это предотвратить, народного собрания уже мало, необходим еще один орган, который мог бы охранять уже помещенную в общество справедливость. Так, в начале V в. до н.э. создается еще одна охранительная форма для справедливости — плебейский трибунал. София здесь обеспечила свои интересы наилучшим образом: человек даже если и не захотел бы соприкоснуться с высшей реальностью, все равно не смог бы увернуться от нее.

7. Борьба за доступность сакрального знания. Связь с высшими мирами в архаическом обществе не являлась прерогативой исключительно плебеев. Ответственным за общение с божествами и координацию с ними своей земной деятельности было жречество. В отличие от здравого смысла, который пассивно «получает» знание, жрецы его активно «добывают», имея детально разработанный инструментарий — разнообразные виды гаданий, прозрения в экстатических состояниях, молитвенные практики. Социальный вес знаний, получаемых плебеем и жрецом, разный. Плебей их использует для различения справедливого и несправедливого, а жрец для управления с помощью божественной воли. Знание есть власть, поэтому любое знание об управлении обществом скрывается от народа, чтобы не подвергать власть коррозии.

Традиция доносит, что впервые эта проблема вылезла боком в середине V в. до н. э., когда 50-тилетняя борьба плебеев с патрициями за доступность сакрального права, по которому судили граждан, заключались договоры и вообще функционировало государство, увенчалась принятием Законов XII таблиц. Право впервые стало публичным и гласным, будучи размещенным в виде медных таблиц на римском Форуме.

С политической точки зрения речь шла о том, чтобы представления плебеев о справедливости сделать наличными и действительными в форме писанного закона, который уже невозможно спрятать, замусолить, извратить. А вот с метафизической стороны

эта борьба выявляла базовое противоречие, содержанием которого являются две конкурирующие онтологии. Одна — та, которая пресекалась в самом начале осуществления, но стремится к развороту этого мира к себе, другая же — та, которая является прямым следствием грехопадения, и пытается реализоваться в актуальной истории.

8. *Онтологический антагонизм сенаторов и плебеев.* Отражением метафизической борьбы на небесах является борьба отцов и плебеев в истории. Власть призвана подчинить себе всех людей и тем самым обеспечить единство общества. Напротив, знание и переживание справедливости человеком нарушают ее единство, поскольку плебеи через представления о должном стремятся к объединению с Софией, дестабилизируя власть. Поэтому власть и справедливость, отцы и плебеи — непримиримые противники. Главный вопрос, который тут возникает: а что скрывают власть имущие от плебеев? — А скрывают они меру реализованной в обществе справедливости и возможные пути увеличения ее концентрации в каждый конкретный момент времени.

Поэтому справедливость и власть прямо связаны с конкретными слоями общества: одна — с трудовым населением, а другая — с богатыми. Простой народ, является сосудом, в котором собирается знание об Ином мире. В богатых слоях знание справедливости не приземляется, оно ему противопоказано. Цель отцов, на уровне идеологии сформулированная Ф. Фукуямой [9, 13], — оставить все как есть, ничего не трогать, чтобы не допустить Преображения мира, перехода его от истории в Иное состояние. Отсюда — *западная демократия есть политическая форма консервации онтологии грехопадения.*

9. *Базовые понятия права.* Данные древнейшей римской истории в полной мере презентуют роль права в борьбе двух онтологических проектов. Взятое само по себе как объективное явление право представляет собой божественную (софийную) волю, которая пытается направить ход социально-исторических событий к определенной цели. С одной стороны, право связывает мир горний и дольний в единое целое, а с другой — преобразует этот мир по лекалам мира Иного, поскольку содержанием высшей воли являются принципы до-греховной онтологии. Отсюда же и неправое (криво) представляет собой извращение сакральной воли, ее затемнение, или противоречие ей.

Власть представляет собой трансформацию сакральной воли в человеческом обществе, которая превращается в *уполномоченность* человека со стороны высшей силы. Власть — это полученное из высших сфер мира право вершить земные судьбы. Именно так субъективно человек переживает неразрывность полученных им власти и права.

Справедливость в объективном смысле представляет собой концентрацию присутствия божественной воли в обществе. В субъективном плане она переживается как требование, находящееся вне человека, реализацию которого на земле он обязан обеспечить.

Закон, в отличие от права, всегда есть результат общественной борьбы, в котором точно фиксируется текущее соотношение в обществе правды и кривды. Имея за собой санкцию власти, закон формирует будущее именно в том виде, в каком оно нашло в нем отражение. Если справедливости в законах становится критически мало, то наступает ситуация русской сказки, когда Иванушка-дурачок, бросает все свои дела и отправляется искать правду.

Наконец, правоотношение есть связь человека с высшими инстанциями — это главное! а не просто связь человека с человеком или человека с государством. Так, в архаичном обществе в правоотношении было не два субъекта, а три, и третьим всегда было божество. Поскольку закон понимался как санкционированная народом божественная воля, постольку за его нарушение в древнейшие времена применялась всего одна санкция — смерть клятвopеступника, так называемая сакральная санкция (*sacer estod*) [5, 168—179].

10. Планетарный субъект. София и человек — явления разного онтологического достоинства, хотя и одной природы — оба тварные². Между тем понятно, что в акте принятия человеком справедливости, он сам и София выступают в качестве некоего онтологического *единства*, претендующего на универсальность и всеобщность.

О.С. Булгаков полагал, что человек является ипостасью Софии, призванной воплощать в действительности ее смыслы и идеи. Идеальная основа мира, как и косная материя, способна к действию, только будучи соединенной с материей в некоем действователе (субъекте), которым и оказывается человек. Сотворенный мир по Булгакову представляет собой единство трех составляющих: 1) иде-

²С учетом различия тварной и нетварной Софии.

альной основы мира (Софии); 2) материи; 3) человека, как ипостаси, воплощающей идеальную и материальную составляющие [1, 74—75]. Мир представляет собой хоть и неустойчивую после грехопадения, но единую субъектно-объектную субстанцию, подверженную одновременно и центростремительным, и центробежным силам.

Взаимодействие с человеком со стороны Софии осуществляется посредством предоставления в его распоряжение ресурсов логики и смыслов, представлений о справедливости, принципов нравственности и целей движения в историческом процессе. Человек взаимодействует с Софией посредством изучения материального мира, *выявляя ту новизну*, которая отсутствовала в первичном замысле и вошла в мир только с грехопадением. Его сознание работает как онтологическое устройство, переводящее мир реальный в образы и сведения идеального порядка, т. е. конвертирующее материю в онтологически приемлемую для Софии форму. Это взаимодействие не равно с равным, а низшего с высшим, где человек только *допускается к участию* в идеальном мире. Наконец материя, после грехопадения получившая собственную закономерность развития, воздействует на все процессы, протекающие между человеком и Софией, пытаясь пресечь нарастание целостности мира. Посредством этого онтологически разболтанного механизма София нащупывает дорожку к воссозданию первичного единства с человеком и материей, выведению мира из неустойчивого состояния полураспада и приведению его к состоянию Иного бытия.

С субъектной стороны мир имеет сложное строение. София и массы человеческих индивидуальностей обладают выраженными личностными характеристиками, но при этом представляют собой Единого субъекта. Вместе с тем, каждый уровень порознь (отдельно София, отдельно человечество) также являет собой отдельную личность. (А нижний уровень раздроблен еще на миллиарды личностей и субъектов.) Поэтому в данном случае имеет место иная форма единства, нежели в диалектике целого и части. Здесь часть может самоопределяться независимо от целого, а целое независимо от части, сохраняя при этом свое единство, неустойчивое, распадающееся, но все же... Поэтому в истории реализуется вариант, когда часть человечества самоопределяется вместе с Софией, а часть нет, что предопределяет собой в апокалипсическом итоге поляризацию мира на две части.

Поскольку у этого субъекта есть и объектные характеристики, возникает вопрос о его границах. «Телесность» субъектно-объектной субстанции есть реальность становящаяся, и определяется она той границей, которую достигает антропологическая активность человека. Сегодня этим уровнем является вся планета Земля с околоземным космическим пространством [10]. Деятельность Софии как идеальной основы мира, конечно, не ограничивается активностью в сфере Земли, но человеческие возможности как действителя, как актуального субъекта ограничивают тело этого субъекта именно такими пределами, поэту его уместно назвать планетарным субъектом (*subjectum planetarum*).

11. Планетарное право. Как и откуда в границах этого феномена возникает право? Правовые институты архаичного права выстраивались как механизмы точного отражения воли богов в общественной жизни. В Средневековой Европе под правом преимущественно понималась воля единого Бога. В этот период роль институтов, дешифрующих письма Бога, взяла на себя Церковь, в связи с чем как в Византии, так и в Западной Европе, такие органы, как народное собрание и народный трибунал, постепенно отмерли. Правовые взгляды Нового времени прочно стали на точку зрения, что право — это воля народа и что именно консолидация отдельных человеческих волей в форме законодательного процесса и есть создание права.

11.1. Возникновение права. Планетарный субъект предопределяет собой иной взгляд на право. Главным вопросом здесь является: от кого человек получает уполномочивание — от стоящего над ним высшего субъектного уровня или от самого себя? Здесь получается не так и не эдак. Наличие стоящей над человеком высшей мудрости предопределяет возможность выбора индивидом поддержки этих ценностей или их отвержения. Чтобы возникло право, человек должен высшую мудрость принять как свою собственную, тогда и возникает момент уполномочивания как *участие* человека в высших истинах (*причащение* их). Напротив, действия человека вне принятия высших ценностей порождает не право, а криво.

Например, если все члены общества отвернутся от высших истин, а конкретная индивидуальность примет их как свои, то право возникнет между Софией и этой конкретной персоной, а остальные члены общества будут действовать в соответствии с законом кривизны. (Ветхозаветный Лот жил по правде, а жители Содомы —

нет.) Таким образом, право возникает как взаимодействие двух частей планетарного субъекта, один из которых (человек), участвует в истинах другого (Софии). Отсюда становится понятным, что содержанием планетарного права является не расширяющаяся через человека свобода (Гегель), а создание в акте взаимодействия Софии и человека новых путей воссоздания новой целостности мира.

11.2. *Институты планетарного права.* Представления о должном и справедливом даются человеку в абстрактных образах, понятиях и смыслах, требующих трансформации в конкретные нормативные правила. Современные государственные институты, настроенные на манипулирование свободной волей человека, совершенно не подходят к этой задаче. Государство образца XXI в. не имеет специальных органов, которые бы были направлены на продуцирование в социуме справедливости. То же самое и с нравственностью — органом, который в традиционном обществе «приземлял» представления о нравственности, была церковь, но в современных государствах она практически везде отделена от государства и не имеет никакого влияния на его политику.

Отсюда возникает необходимость создания новой общественной институции более высокого политического уровня, которая объединяла бы в единое целое государство, церковь и, восстановленный народный трибунал для восприятия и преобразования сакральной воли, императивов Софии в справедливость. Каждая часть из составляющих эту социальную форму должна иметь определенные права и обязанности по отношению к другим частям и составленному из них целому. Формулу этого своеобразного «третьего общения» (не государственного и не церковного), направленного на реализацию истин мира Иного, автору уже приходилось высказывать на страницах данного издания [4, 72—82]. Обсуждалось, в частности, создание такой организационной формы саморазвития Земли, которая включает три составляющих: Университет, Церковь и Государство [10, 166]. Таким образом, текущей задачей планетарного права является *необходимость преодоления государственной формы организации общества в виду ее недостаточности для взаимодействия с высшим уровнем планетарного субъекта.*

11.3. *Вопрос собственности.* Тело софийного субъекта принадлежит ему как целому. Оно не принадлежит отдельно Софии, потому что в непосредственном контакте с ним (с материей) нахо-

дится человек. Но оно и не принадлежит человеку, поскольку материя обладает собственной закономерностью, которую ни понять человек до конца не способен, ни поставить себе на службу. Для осмысления планетарного права (*jus planetarum*) это имеет принципиальное значение. Материя не принадлежит человеку, она — не его, для него она, выражаясь языком римского права, является чужой вещью (*rem alien*), чем-то, что принадлежит другому субъекту (миру как целому).

Гегель, чья концепция и по сей день является вершиной философского осмысления права, считал, что индивидуальная свободная воля полагается в собственности, находя в ней свою объективацию [3, 109]. Право частной собственности отсюда у Гегеля является естественным и закономерным этапом объективации абсолютно духа. Совсем не так выглядит ситуация в границах планетарного субъекта.

Право возникает только в том случае, если человек отвечает на сакральные декреты мира, Земли, Софии. Если же человек самоопределяется поперек призыва идеальной основы мира, то право не возникает, хотя свобода проявляется вполне определенно. Свобода воли есть необходимое, но недостаточное условие для возникновения права. Воля должна быть направлена к справедливости и нравственности, а если нет, то возникает и торжествует кривда.

Право на овладение «телом» планетарного субъекта может появиться, если этот акт совпадает с целями Софии, поэтому право собственности в планетарном разрезе является относительным, а не абсолютным, как в доктрине Гегеля. И его содержанием является не объективирующаяся в собственности идея свободы, а пути воссоздания целостного мира (новизны мира) в границах справедливости и нравственности. Экологический кризис в этом смысле является болезнью материального тела планетарного субъекта, при котором высший уровень сигнализирует низшему о его уклонении от правды в сторону кривды.

11.4. Правовая динамика. В границах планетарного права совокупность прав человека как высшая ценность в современном мире должна уступить свое верховное место в построении правовой системы другому праву — планетарного субъекта на существование, поскольку без его обеспечения человечество просто погибнет. *Ограничение свободной воли человека* перед высшим субъектным уровнем, с которым человек находится в неравноправном правовом

диалоге, и *ограничение его материальных потребностей*, видимо, и станут основными руководящими принципами планетарного права.

12. *Заключительные положения*. Получается, что право является каналом, по которому транслируются истины мира Иного; но еще и инструментом, посредством которого мир актуальный разворачивается в сторону первичного замысла; а еще и единственной возможностью для человека вместе с Софией воссоздать целостный мир, усмирив своеволие материи, человека и обеспечив Преображение истории в ризы мира Иного.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Невеста Агнца. М., 2005.
2. *Вико Дж.* Основания Новой науки об общей природе наций. Пер. с итал. М.; К.: «REFL-book»; «ИСА», 1994.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. Пер. с нем. / Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990.
4. *Козлачков А.А.* «Третье общение» в софиологии С.Н. Булгакова // Философия хозяйства. 2015. № 2.
5. *Кофанов Л.Л.* Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII—III вв. до н. э. М., 2006.
6. *Кутырёв В.А.* Признательное заявление // Философия хозяйства. 2016. № 4.
7. *Лосев А.Ф.* Личность и Абсолют / Сост. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999.
8. *Осипов Ю.М.* Прорыв в Иное (к итогам четвертьвекового бытия Центра общественных наук) // Философия хозяйства. 2016. № 1.
9. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
10. *Шулевский Н.Б.* Планетарный эволюционизм. М.: ИКД Зерцало-М, 2015.
11. *Шулевский Н.Б.* Софиасофия. М.: ТЕИС, 2017.

References

1. *Bulgakov S.N.* Nevesta Agnca. M., 2005.

2. Viko Dz. Osnovaniya Novoj nauki ob obshej prirode nacij / Per. s ital. M.; K.: «REFL-book»; «ISA», 1994.
3. *Gegel' G.V.F.* Filosofija prava. Per. s nem. / Red. i sost. D.A. Kerimov i V.S. Nersesjanc; avt. vstup. st. i primech. V.S. Nersesjanc. - M.: Mysl', 1990.
4. *Kozlachkov A.A.* «Tret'e obshhenie» v sofiologii S.N. Bulgakova // Filosofija hozjajstva. 2015. № 2.
5. *Kofanov L.L.* Lex i ius: vznikovenie i razvitie rimskogo prava v VIII—III vv. do n. e. M, 2006.
6. *Kutyrev V.A.* Priznatel'noe zajavlenie // Filosofija hozjajstva. 2016. № 4.
7. *Losev A.F.* Lichnost' i Absoljut / Sost. i obshh. red. A.A. Taho-Godi. M.: Mysl', 1999.
8. *Osipov Ju.M.* Proryv v Inoe (k itogam chetvert'vekovogo bytija Centra obshhestvennyh nauk) // Filosofija hozjajstva. 2016. № 1.
9. *Fukujama F.* Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniyu: Per. s ang. M.: OOO «Izdatel'stvo AST»: ZAO NPP «Ermak», 2004.
10. *Shulevskij N.B.* Planetarnyj jevoljucionizm. M.: IKD Zercalo-M., 2015.

VI

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Кончина О.В. Иншакова

Безвременно ушел из жизни *Олег Васильевич Иншаков*, доктор экономических наук, профессор, бывший ректор Волгоградского государственного университета, политэконом по образованию и по призванию, видный ученый-теоретик, прекрасный преподаватель, член научно-экспертного совета журнала «Философия хозяйства».

Помнятся его содержательные, системные, аргументированные доклады на регулярных международных научных конференциях «Вековой поиск хозяйственной модели России», первая из которых состоялась в 1998 г. при непосредственном инициативном участии ректора ВолГУ О.В. Иншакова.

Эрудированность, демократичность, лояльность к иным точкам зрения, как и выдающиеся организационные способности, сыгравшие большую позитивную роль в развитии Волгоградского университета, — вот отличительные особенности незаурядной личности О.В. Иншакова.

Таким Олег Васильевич Иншаков был и останется в памяти коллег.

* * *

17—18 ноября 2017 г. в Государственном университете «Дубна» состоялась международная научно-практическая конференция «Институциональные и финансовые механизмы становления цифровой экономики», на которой на пленарном заседании с докладом на тему «Цифровизация бытия — знамение времени» выступил д.э.н., профессор Ю.М. Осипов. В рамках конференции прошло заседание круглого стола «Философско-экономическое осмысление феномена цифровой экономики: pro et contra» (модераторы: д.э.н. Ю.М. Осипов, к.э.н. Е.С. Зотова).

В конференции также приняли участие действительные члены АФХ, доктора наук М.Л. Альпидовская, Т.Н. Юдина; кандидаты наук Г.В. Фадейчева, С.С. Мерзляков и др.

* * *

6 — 8 декабря 2017 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия». На конференции выступили 75 докладчиков — доктора наук: Ю.М. Осипов (председательствующий), У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), А.Л. Андреев, А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), Л.А. Асланов, А.П. Бабаев (Баку, Азербайджан), С.В. Бирюков (Кемерово), С.Н. Бобылев, А.З. Бобылева, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Ю.И. Будович, Ф.И. Гиренок, М.М. Гузев (Волжский), А.И. Иванус, С.Г. Ковалев (СПб.), Г.В. Колодняя, М.В. Кулаков, А.В. Кузнецов, В.М. Кульков, К.Н. Лебедев, К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, С.М. Никоноров, А.А. Олейников, К.В. Папенков, Д.Н. Платонов, А.А. Погребняк (СПб.), И.В. Пшеницын, В.Т. Рязанов (СПб.), С.С. Слепаков (Пятигорск), В.А. Твердислов, И.Ю. Фомичев (Тюмень), Л.Г. Чередниченко, Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина, Ю.В. Яковец; кандидаты наук: А.И. Александрова (СПб.), А.Г. Войтов, М.Н. Глазунов, И.Е. Гумаргалиев, О.В. Доброчеев, С.А. Ермишина, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, С.В. Кайманаков, В.В. Кашицын (Новороссийск), Л.А. Королева (СПб.), Е.Н. Кукина (Волгоград), Н.А. Курьянов (Ростов н/Д), В.Е. Мельченко, С.С. Мерзляков, Д.А. Митяев, К.В. Михайлова (Ставрополь), Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, В.К. Петров, М.Ю. Печалова, А.И. Разумовский, В.В. Савин, Е.А. Сенаторова, Е.А. Скобликов (Пенза), И.П. Смирнов, Н.Э. Соколинская, Р.Е. Соколов, П.С. Толкачев, А.В. Трегуб, Е.Х. Хабибуллина, В.М. Ходукин, Т.Ю. Яковец; научные сотрудники: А.А. Антропов, Т.С. Сухина; соискатели О.И. Гуленок (Ижевск), И.И. Рудяк; независимые исследователи В.Ф. Исаячиков, Н.П. Козиенко; аспирантка В.Н. Иванова; президент Фонда экономических исследований М.Л. Хазин.

Е.С. ЗОТОВА

«Cognito и Incognito в познании»: круглый стол в Московском университете

Аннотация. В статье дается обзор выступлений на заседании круглого стола «Cognito и Incognito в познании», прошедшего на экономическом факультете МГУ 6 декабря 2017 г.

Ключевые слова: cognito, incognito, познание, непознаваемое, знание о мире.

Abstract. The article presents a review of reports at a meeting of a round-table discussion «Cognito and Incognito in Perception» which hold on Economic faculty of MSU on December 6, 2017.

Keywords: cognito, incognito, perception, unknowable, knowledge about the world.

УДК 16
ББК 65в

В декабре 2017 г. в рамках международной научной конференции «Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия» прошло заседание круглого стола «Cognito и Incognito в познании».

Открывая заседание, профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) сказал: «Продолжая познавать под свои демиургические нужды окружающий мир, включая и человека с его социумом, наука стала ощущать как пределы познания, сталкиваясь с непознаваемой неизвестностью, так и пределы, если не невозможность, адекватного науке объяснения мировой реальности. Все более становится ясным, что знание о мире, или Cognito, не то что соседствует с незнанием, или Incognito, но прямо в себя включает эту свою противоположность, мало того, наука вынуждена признать, что непознаваемая неизвестность, т. е. совершенное Incognito, и в самом деле есть. Отсюда, с одной стороны, необходимость признания условности и относительности Cognito, а с другой — безусловность и абсолютность Incognito. Мало того, дальнейшие рассуждения о мире, включая человека и социум, не могут уже не считаться с этим непознаваемым Incognito, или Великой Неизвестностью, и должны вестись с учетом этих последних. Однако, как? Вот об этом нам и полезно поговорить: как познающему, а лучше бы сказать — размышляющему, уму использовать с шансом для себя сие Incognito, которое явно ведь сильнее и сердитее Cognito, а потому и опаснее (?) Cognito в столкновении с Incognito, если не наоборот, когда игнорирование Incognito Cognito'ом чревато... исчезновением этого самого Cognito и всего человеком сознательно-бессознательно нажитого! Есть, о чем подумать и поговорить, не правда ли?».

Профессор **В.М. Кульков** (экономический факультет МГУ), отметив высокую методологическую важность вопросов, поставленных в докладе и статье Ю.М. Осипова¹, обратил при этом внимание на опасность крайностей, касающихся как переоценки, так и недооценки роли

¹См.: <https://www.econ.msu.ru/departments/lfh/cd1450/Article.20180128.2059549991/>.

науки в объяснении различных процессов и явлений. По его мнению, следует разделять два разных класса в соотношении *Cognito* и *Incognito*. Первый из них характеризует непознанное, пространство которого должно сокращаться благодаря достижениям науки (весь ученый мир этим, собственно, и занимается). Второй класс включает в себя непознаваемое, которое, в свою очередь, надо делить на две подгруппы: одна из них имеет Божественное, духовное, мистическое начало, недоступное рациональному человеческому разуму; другая выражает внешние, несистемные элементы относительно какой-либо узкой системы: в частности, это могут быть разного рода неэкономические факторы (социокультурный, географический, геополитический и т. п.) относительно экономической системы. В последнем случае на помощь познанию приходят междисциплинарные исследования, пространство которых следует расширять.

Рассуждая о когнито и инкогнито, профессор **Ф.И. Гиренок** (философский факультет МГУ) привел в качестве примера статью А. Блока под названием «Революция и интеллигенция». В ней выделено пять уровней, на каждом из которых есть свои когнито и инкогнито. К первому уровню относится семья. Что такое на этом уровне когнито? Это высказывание: «слушай папу и маму». А что такое инкогнито? Это тезис: «думай сам». Второй уровень — начальная школа. Что в ней когнито? «Не высовывайся». Что в ней инкогнито? «Будь первым учеником». И т. д. То есть соотношение когнито и инкогнито, предложенное М.Ю. Осиповым, является очень важным для исследования современной жизни.

Согласно мнению профессора **Н.Б. Шулевского** (философский факультет МГУ), Великая Неизвестность служит главной категорией, созидающей все известное нам мироздание, определяющей мудрость, дела богов и людей. И люди с помощью знания производят не новые знания, а умножают «тело» неизвестности. Правда, в фольклоре и в мифах ничего неизвестного и непознаваемого нет, что свидетельствует о том, что неизвестность имеет определенное строение, определенные проявления и действие в тутошнем земном мире. Мудрость Великой Неизвестности составляет триада ее спецслужб, институтов — Ничто, Незнание, Тайна. Эти ее действенные органы воплощаются в земных спецслужбах и структурах государств, власти, отчасти они открывают свое содержание и функции в философии хозяйства, софиасофии.

И сегодня идет закат научного знания, которое не сознает своей неведомой и непостижимой сущности, которую и не нужно постигать в целях нашего блага. А полномочным и адекватным представителем, истолкователем Великой Неизвестности является Россия, ничто, незнание и тайну которой военно-хозяйственный комплекс превращает в тело страны.

В своем докладе «Религия — диалектическое единство *Cognito* и *Incognito* в познании» профессор **И.Р. Бугаян** (Южно-Российский институт управления РАНХиГС) отметил, что *Cognito* и *Incognito*, находясь в диалектическом единстве, постоянно взаимодействуя и переходя друг в друга, образуют целое — меру, отражающую ту или иную систему общественных отношений, которая с неизбежностью объективно вбирает и сочетает в себе как физику, так и метафизику хозяйства, проявляющуюся, в числе прочего, в господствующих религиозных взглядах. Поэтому общечеловеческая устремленность к социальной защищенности сограждан, если ее поиск изначально ограничивается только частью хозяйства, например, ее физикой, не находит решения. Ярким примером этого является недавняя попытка создания на основе марксистско-ленинской материалистическо-физической концепции развитого социализма в СССР.

Строители социализма, приступив к практической реализации замысла своих теоретиков, сразу натолкнулись на сопротивление чего-то невидимо-неодолимого — на метафизику, глубинная суть которой внешне, материально проявлялась в наличии, в частности, храмов и предпринимателей. Поэтому уже с 1918 г. частное предпринимательство фактически было запрещено, поскольку преследовалось государством как уголовно наказуемое деяние, а в помещениях храмов стали размещать разнообразные государственные, хозяйственные и иные учреждения, либо закрывать, а некоторые разрушать и даже уничтожать взрывами; стирать с лица земли. Продолжалось это десятки лет. Так, последним из Нахичеванских церквей Ростова-на-Дону направленным взрывом был уничтожен в середине 1965 г. собор Григория Просветителя, давно функционирующий как Клуб юных техников, т. е. как вполне материалистическое и социально полезное учреждение. Следовательно, эта акция была предпринята исключительно идеологическими соображениями. Подобными же, весьма примитивными соображениями руководствовались, когда закрывали все, что могло иметь отношение к такому метафизическому фактору производства, как частное предпринимательство, которому без наличия у человека метафизического таланта к комбинации прочих факторов производства, способной обеспечить наивысший результат, невозможно обучить; так же как и в композиторской деятельности, связанной с комбинацией нот. Видимо поэтому Клуб предпринимателей Ростова-на-Дону был преобразован в Ростовский музыкальный театр, а Клуб приказчиков — в Дом физической культуры.

Аналогично поступили и с торговыми домами предпринимателей Ростова и Нахичевани-на-Дону: в частности, в Торговом доме Карапета Чернова ныне разместился Ростовский государственный экономический университет, в других — иные учреждения.

Но проблемы и затруднения строителей социализма заключались не в наличии самих перечисленных зданий и сооружений, некоторые из которых они под страхом неизвестного предпочли физически уничтожить, а в чем-то ином, так и непонятном не только тогдашним руководством. Речь идет об общественной метафизике, неизбежной основе существования религии.

Физики уже давно установили, что их познания распространяются только на свойства 20% сущего материального мира, а наши обществоведы, даже не имея представления о границах своей компетентности, пытались осчастливить все народонаселение мира своими попытками его социального преобразования через уничтожение физических форм проявления, заключил И.Р. Бугаян.

Профессор **М.М. Гузев** (Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета) сказал, что Россия, как это не раз бывало в нашей истории, находится на перепутье. Старая социалистическая парадигма не работает, новая, либеральная, не работает тем более. А где они работают? Вроде бы нужна новая теория, не политэкономия, не экономика, но тогда что? Неясность с будущей моделью не позволяет выработать и долгосрочную хозяйственную стратегию. В частности, происходит системное изменение присутствия государства в хозяйственной жизни. Отсюда, полумеры (метод проб и ошибок), нерешительность, краткосрочность, неубедительность аргументов в экономической политике. Все это приводит к подрыву и разрушению реального сектора экономики. Выход, как всегда в критических ситуациях, — не забывать о национальном опыте, наша сила в наших истоках. На этом фундаментальном принципе только и может быть сформирована перспективная хозяйственная стратегия.

Заключая содержательную дискуссию, **Ю.М. Осипов** отметил следующее: «Эпоха экспликативного торжества Cognito закончилась, хотя не закончилась эпоха его, уже совершенно безумной демиургии, а потому пришло время заинтересованного и даже спасительного обращения к Incognito, когда не в Cognito надо барахтаться, уже ничего путного и не говоря, кроме разве беспутного балаболства, а выходить за пределы Cognito в Incognito, но не для сокращения Incognito в пользу Cognito, а с ним во спасение Cognito творческого взаимодействия. Теперь дорога лежит не к Cognito через Cognito, а от Cognito к Incognito и обратно, когда Cognito не более чем уже побочный продукт всеильного Incognito, или Великой Неизвестности».

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему:

«Суета и тщета абстрактного экономизма (по мотивам книги Ю.М. Осипова “Экономика как есть”, 2017)»

Теоретическая экономическая наука в тупике. Сей факт обусловлен явным несоответствием научного экономического гнозиса реальному экономическому онтосу. Экономика в реалии совсем другая, не такая, какой ее рисует экономическая теория. Книга Ю.М. Осипова не только раскрывает сей факт, но и предлагает иное видение и толкование экономики, ее современных трансгрессивных (мутационных) тенденций. Есть о чем поговорить в рамках скромной дискуссии.

13 февраля 2018 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

«Обществоведение: от отрывочного гносеологического конструктивизма к целостному воззренческому онтологизму»

Аксиоматическая самоограниченность научного обществоведения, его настойчивый физикализм, как и раздробленность на отдельные науки, дисциплины и направления, а также забвение им метафизического подхода, включая трансцендентность, не только уведают обществоведение от реальности, но и не позволяют заметить целостное — по феноменальной горизонтали и смысловой вертикали — пред-

ставление о человеческом обществе, включая хозяйство, культуру, цивилизацию, политику, технику, историю, патологию, безумие, апокалиптику, телеологию, эсхатологию, будущность, отчего и назревшая необходимость не ограничиваться паллиативной междисциплинарностью, а идти по пути созидания целостного воззрения на общество, что то же самое — по пути целостного воззренческого онтологизма. Пример: опыт философии хозяйства.

13 марта 2018 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Европейская разногласица: социум, экономика, управление»

Большая Европа, которая от Атлантики до Урала, в концептуально-структурном движении. Не стихия тут и не хаос, но и не упорядоченность и рационально обоснованные перемены. Европейский дивертимент — калейдоскопическое разнообразие перемен. Вырисовывается новый облик Европы — как объединенной в Европейский союз, так и бытующей вне этого Союза, а в итоге — Европы в целом. Имеет место обострение международных отношений, включая сферу экономики. Можно ли говорить о кризисе современной Европы — европейском кризисе Европы? Не пора ли обратить внимание на кризис практикуемого в пространстве Европы управления социоэкономическими процессами — как на международном, так и национальных уровнях? Каковы пути разрешения текущих европейских проблем на условиях безопасности и мира, оздоровления общеевропейской ситуации? Каким видится абрис будущей позитивной и устойчивой Европы?

4 — 5 апреля 2018 г.

Факультет менеджмента Варшавского университета
совместно с Научным советом «Центр общественных наук МГУ»
и Академией философии хозяйства (Польша, Варшава)

* * *

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2018

Секция лаборатории философии хозяйства

«Цифра в экономике и экономика в цифре»

Цифра не только не чужда экономике, она ее единственно возможная идеальная плоть, отражающаяся прежде всего в деньгах, ценах, иных стоимостных величинах. Так что цифра для экономики — обыденность! Однако сегодня в связи с развитием информатики, «компьютерики», кибернетики, цифровых технологий и т. д. экономика, сама уже изначально оцифренная, подвергается еще и внешней для нее цифровизации — технологической, что позволяет предположить переход экономики от использования ею служебной цифры к пользованию цифрой, над экономикой уже доминирующей, что означает уже не просто бытие цифры в экономике, а бытие самой экономики в цифре — уже и неэкономической! Так в экономике вершится цифровая революция, ведущая человека хозяйствующего от экономоса к техносу, или же от экономики к техномике.

Апрель 2018 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

«Хомос и Технос: кто кого?»

Взяв на себя миссию творца своего собственного мира по вектору «от природы к неприроде», человек-демиург пустился в научно-техническое созидательное странствование, создав целостный искусственный мир, вполне уже противостоящий земной природе. В центре сего нового мира не просто наука с техникой, а самый настоящий научно-технический «змий» — Технос, мертвенно живой, деятельный, амбициозный и очень агрессивный. «Хомос созда себе Технос», — факт, но Технос не просто служит Хомосу, а уже его и определяет, мало того, все более и более властвует над Хомосом, его уже и предопределяя. Змий на свободе, и он вовсю резвится! «Технос созда себе Хомос», — не факт еще, но дело идет, и все самое интересное впереди. Вот и выходит: кто кого? Есть над чем призадуматься и оживленно не без самоуверенности обсудить!

19 июня 2018 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

V ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
СИМПОЗИУМ

«Средняя Россия: земля и люди»

на тему:

«Тамбовщина: вибрирующие горизонты»

Тамбовщина не замерла, она развивается, имея намерения, задумки, проекты, что-то исполняя и чего-то достигая, чего-то не выполняя, от чего-то отказываясь. Куда и как идешь, Тамбовщина, — в хозяйстве, культуре, народонаселении?

Июль 2018 г.

Совместно с Администрацией Мучкапского района и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина
(Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина)

* * *

XIII НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

Орленковские чтения — 2018

**«Философско-хозяйственный мониторинг текущей
реальности: методология и практика»**

Философия хозяйства — не только абстрактное мировоззренческое знание-размышление, это и практическое знание-размышление, имеющее уникальную возможность по-особому видеть, оценивать, моделировать текущую реальность (причем — любую!), проникая в суть, ноумен, криптосферу, оперируя смыслами и смыслопоточками, контактируя с метафизисом бытия, с ноосферой, с трансценденцией и неизвестностью (незнанием!). У действующего в России на базе МГУ философско-хозяйственного сообщества достаточно накоплено подтверждений как понимания им разворачивающейся реальности, так и кое-какого предвидения вокруг напористо происходящего. Сложилась эффективная практика философско-хозяйственного мониторинга текущей реальности, дополняемого не только кое-каким «прогнозингом», но и весьма недюжинным концептуальным управлением. Философия хозяйства не только объясняет реальность, не

только ее предвидит, но и влияет на ее течение. Попробуем разобраться, собравшись в кружок, вдруг и в самом деле так! Тогда — вперед!

Сентябрь 2018 г.

Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орленок»

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ —
VII Малый университетский форум

**«Российский миттельшпиль:
политика, экономика, технологика, геостратегия»**

Российский гамбит с жертвами фигур уже в прошлом. В разгаре миттельшпиль — эта средняя и самая ответственная часть большой экзистенциальной игры, вынужденно ведущейся Россией на мировой «шахматной доске», правда, игры, с одной стороны, с за и против разнообразным внешним контекстом, так и — с другой стороны — игры с самою собою, тоже весьма разнообразной и тоже рискованной. Выбор, выбор и выбор! Напряжение, ни дня передышки, мобилизация. Война! Расставание с Западом, дрейф на Восток, движение к самой себе. За политическим суверенитетом — суверенитет экономический; за технологическим — оборонный; за военным — геостратегический. Надо ли? Если нет, то не надо и России, а ежели Россия есть, то все это надо, ибо без всего этого нет и не может быть никакой России. Россия — не страна, а мир, причем мир особенный, мало того — судьбоносный, — неприемлемый, возможно, для отечественной и мировой обыденности, не говоря о всяческом смертоносном закулисье, но крайне необходимый для апокалиптически содрогаящейся метаистории, чающей уже не очередного для себя поспешного выхода, а тотального себя же спасения. Россия, шаг за шагом входящая в новый для себя исторический образ, способна свернуть с пути общемирового гедонистического и суицидного процветания и вступить на путь уже чуть ли не маргинального для человечества и даже самой России спасения. Каковы же они — верные ходы России в незримых теснинах политического, экономического, технологического и геостратегического криптолабиринтов? Большая игра идет по миру, а промахи в ней, даже и малые, не прощаются!

5—7 декабря 2018 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

ДОБРОЧЕЕВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ,

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Российский научный центр «Курчатовский институт»; ведущий эксперт, Микроэкономразвития РФ, Москва, Россия (*olegdobro@list.ru*).

ЯКОВЕЦ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, президент, Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, Москва, Россия (*tzag@mail.ru*).

ОДИНЦОВА АЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА,

аспирант, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия (*a.a.odintsova@mail.ru*).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории и мировой экономики, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия (*sokolov@yandex.ru*).

КОЖЕВНИКОВ ВЯЧЕСЛАВ ПОРФИРЬЕВИЧ,

доктор исторических наук, профессор, кафедра истории, философии, психологии и педагогики, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород, Россия (*lena.mandryukova@mail.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика», Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

ГУСЕЙНОВА АЙДАН АЛИДЖАН КЫЗЫ,

докторант, кафедра экономической теории, Азербайджанский государственный экономический университет, Баку, Азербайджан (*huseynovaaydan701@gmail.com*).

ЯМУШКИН АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доцент, кафедра экономики и менеджмента, Муромский филиал, Московский психолого-социальный университет, Владимирская обл., Муром, Россия (*avart.sci@yandex.ru*).

КЛЕЙНЕР ГЕОРГИЙ БОРИСОВИЧ,

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора, Центральный экономико-математический институт РАН; научный руководитель, факультет экономики и управления, Государственный университет «Дубна», Москва, Россия (*george.kleiner@inbox.ru*).

ЛОГИНОВ ГЕННАДИЙ АНДРЕЕВИЧ,

аспирант, кафедра философии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*genloginov@mail.ru*).

ХУСЯИНОВ ТИМУР МАРАТОВИЧ,

аспирант, кафедра философии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; менеджер, факультет гуманитарных наук, Высшая школа экономики, Нижний Новгород, Россия (*timur@husyainov.ru*).

АНДРЕЕВА ЛАРИСА ЮРЬЕВНА,

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия (*andreevalarisa@mail.ru*).

КУРЬЯНОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра финансов, бухгалтерского учета и налогообложения, Южный университет, Институт управления, бизнеса и права, Ростов-на-Дону, Россия (*n907@iubip.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет; ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*kut.va@mail.ru*).

ЖУРАВЛЕВА АЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,

старший преподаватель, Московский православный институт святого Иоанна Богослова, Москва, Россия (*jur.a@bk.ru*).

БУХАРИНА АЛИНА ЮРЬЕВНА,

аспирант, кафедра социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет; управляющий партнер, Ассоциация независимых экспертов в области обучения и развития, Москва, Россия (*a.bukharina@mdassociation.com*).

РАЗУМОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ,

кандидат технических наук, ведущий инженер, Институт проблем управления РАН, Москва, Россия (*razumowsky@yandex.ru*).

КОЗЛАЧКОВ АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

адвокат, Московская областная коллегия адвокатов; вице-президент по правовым вопросам, Ассоциация банков России, Москва, Россия (*kozlachkov.a.am@gmail.com*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Chief of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAI BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

DOBROCHEEV OLEG VIKTOROVICH,

Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, Russian Scientific Center «Kurchatov Institute», Moscow, Russia (*olegdobro@list.ru*).

YAKOVETZ YURI VLADIMIROVICH,

Doctor of Economics, Professor, President, International Institute of Pitirim Sorokin — Nikolai Kondratiev, Moscow, Russia (*tzag@mail.ru*).

ODINTSOVA ALYONA ALEXEEVNA,

Postgraduate Student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia (*a.a.odintsova@mail.ru*).

SOKOLOV ROMAN EVGENIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Chair of Economic Theory and World Economics, Moscow Financial-Industrial University «Synergy», Moscow, Russia (*sokolov@yandex.ru*).

KOZHEVNIKOV VYACHESLAV PORFIRIEVICH,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of History, Philosophy, Psychology and Pedagogy, Nizhniy Novgorod State Architecture and Civil Engineering University, Nizhniy Novgorod, Russia (*lena.mandryukova@mail.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economy, Lomonosov Moscow State University; Editor-in-Chief of «Dialectics», Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

GUSEINOVA AYDAN ALIJAN KYZY,

Doktoral Researcher, Chair of Economic Theory, Azerbaijan State Economic University, Baku, Azerbaijan (*huseynovaaydan 701@gmail.com*).

- YANUSHKIN ARTEMI VLADIMIROVICH,**
Associate Professor, Chair of Economics and Management, Murom Branch,
Moscow Psychological-Social University, Murom, Russia (*avart.sci@yandex.ru*).
- KLEINER GEORGY BORISOVICH,**
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of
Economics, Professor, Deputy Director, CEMI RAS; Supervisor of the De-
partment of Economics and Management of the State University «Dubna»,
Moscow, Dubna, Russia (*george.kleiner@inbox.ru*).
- LOGINOV GENNADI ANDREEVICH,**
Postgraduate Student, Chair of Philosophy, Nizhniy Novgorod State Univer-
sity, Nizhniy Novgorod, Russia (*genloginov@mail.ru*).
- KHUSYAINOV TIMUR MARATOVICH,**
Postgraduate Student, Chair of Philosophy, Nizhniy Novgorod State Univer-
sity; Manager, Faculty of Humanitarian Sciences, High School of Econom-
ics, Nizhniy Novgorod, Russia (*timur@husyainov.ru*).
- ANDREEVA LARISA YURIEVNA,**
Doctor of Economics, Professor, Rostov State Transport Univeristy, Rostov-
on-Don, Russia (*andreevalarisa@mail.ru*).
- KURIANOV NIKOLAI ALEXANDROVICH,**
Associate Professor, South University, Institute of Management, Business
and Law, Rostov-on-Don, Russia (*n907@iubip.ru*).
- GIRENOK FYODOR IVANOVICH,**
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomon-
osov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).
- KUTYRYOV VLADIMIR ANATOLIEVICH,**
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Nizhniy Novgorod State Uni-
versity, Nizhniy Novgorod, Russia (*kut.va@mail.ru*).
- ZHURAVLYOVA ALYONA VLADIMIROVNA,**
Senior Teacher, Moscow Orthodox University, Moscow, Russia (*jur.a@bk.ru*).
- BUKHARINA ALINA YURIEVNA,**
Postgraduate Student, Moscow State Psychological-Pedagogic Univeristy,
Moscow, Russia (*a.bukharina@mdassociation.com*).
- RAZUMOVSKI ALEXEI IGOREVICH,**
Candidate of Technical Sciences, Senior Engineer, Institute of Management
Problems, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(*razumowsky@yandex.ru*).
- KOZLACHKOV ANATOLIY ANATOLIEVICH,**
Lawyer, Moscow Regional Lawyer Association, Moscow, Russia (*kozlachkov.a.am@gmail.com*).
- ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,**
Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lo-
mososov Moscow State University (*eszotova@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы); адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом (не допускается использование других стилей), располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (вариант BSI).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). **Рисунки и схемы**, выполненные в Word, сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** по ширине не должен превышать 11 см. **Цвет рисунков — черно-белый**. Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных не предназначенных для открытых публикаций несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.